

АКАДЕМИЯ ШЕСТИ ПУТЕЙ

СОСУД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Юлиана Сейдж

18+

Юлиана Сейдж

Сосуд

«Автор»

2026

Сейдж Ю.

Сосуд / Ю. Сейдж — «Автор», 2026

Академия Шести Путей.Шесть факультетов. Шесть магических даров. Шесть дорог к власти.Но Амалия Брандт не принадлежит ни одной из них.Её называют пустышкой, презирают и боятся — ведь то, что другие считают проклятием, может оказаться ключом к древней силе.Когда за Амалией начинают охоту, а сердце, которое она доверила, разбивается о жестокую правду, ей остаётся только одно: стать той, кто переписывает законы магии.Романтическое фэнтези о запретной любви и горьком предательстве, о стенах магической академии, хранящих мрачные тайны, и о силе, рождённой из пустоты — силе, которая может спасти мир или разрушить его до основания.

© Сейдж Ю., 2026

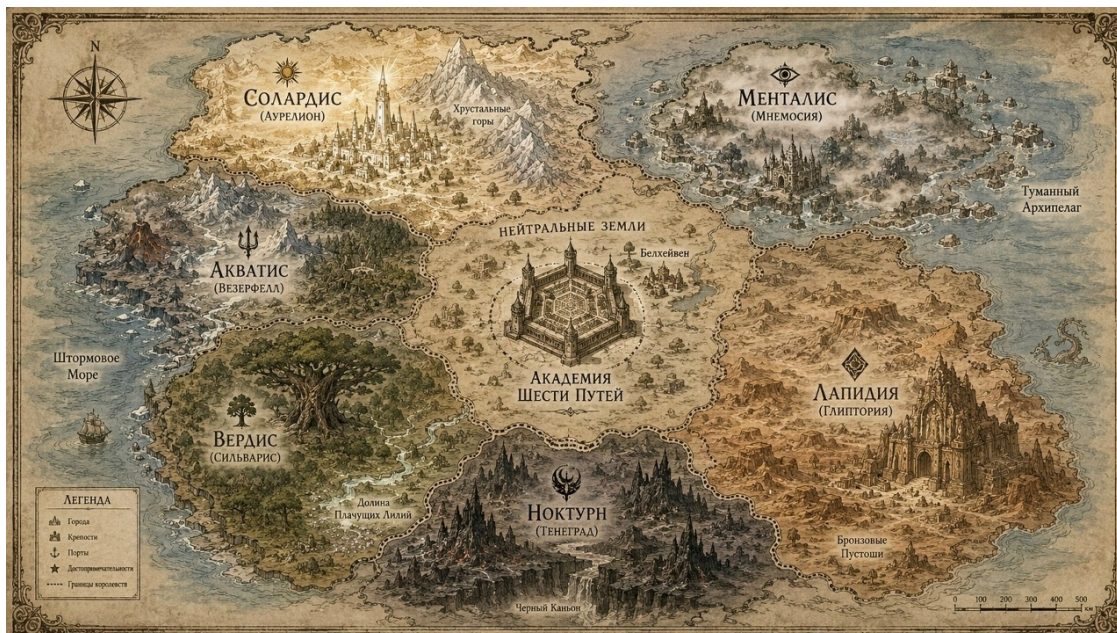
© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	25
Глава 3	41
Глава 4	62
Глава 5	71
Глава 6	88
Глава 7	102
Глава 8	114
Глава 9	126
Глава 10	136
Глава 11	147
Глава 12	157
Глава 13	168
Глава 14	181
Глава 15	188
Глава 16	196
Глава 17	208
Конец ознакомительного фрагмента.	216

Юлиана Сейдж Сосуд

Пролог

В ту ночь Липидия задыхалась. Обычно каменистая пустыня не знала дождей — только сухой, обжигающий ветер, который нёс песок и мелкую бронзовую пыль, въедался в кожу и заставлял даже самых сильных магов прятаться в ущельях. Но в ту ночь небо над Глипторией разверзлось. Вода лилась стеной, как будто само мироздание оплакивало то, что должно было случиться до рассвета. Тени от бронзовых фонарей бешено плясали, словно их питала не магия, а чья-то первобытная агония. Руны «Защиты» на домах ремесленников светились слишком ярко, пульсировали в унисон с багровыми сполохами за тучами.

В доме Брандтов было жарко и душно. Воздух загустел, налитанный магией, которой не должно было существовать в этом мире.

Ингрид Брандт кричала уже четвёртый час. Её светлые, почти белые волосы прилипли к вискам, пальцы судорожно комкали простыни, а на губах выступила кровь: она кусала их, стараясь не разбудить соседей.

Но соседи не спали, в ту ночь не спал никто в Глиптории.

Позже Грегор, кузнец с соседней улицы, рассказывал, что воздух пах озоном и железом, как перед самой страшной грозой. Однако гром не гремел; над городом стояла тишина, тяжёлая и давящая, и от неё сжималось сердце.

— Ещё немного, Ингрид, — повторял Эрик Брандт.

Он стоял у изголовья и держал жену за руку. Его голос звучал глухо, но Ингрид слышала в нём страх. Ладонь мужа была шершавой, покрытой мозолями; от неё пахло бронзой, угольной пылью и потом — мастерской, домом, жизнью. Ингрид цеплялась за эту руку, как утопающий за обломок мачты.

— Что-то не так, — прошептала повитуха.

Фрея была старой женщиной с лицом, изрезанным морщинами, и мутными бельмами на глазах. Говорили, она приняла больше сотни детей по всей Лапидии; но сейчас её руки дрожали.

— Ребёнок не хочет выходить. А магия... — Она замолчала и прислушалась к чему-то, чего не слышали остальные. — Здесь чужая магия.

Эрик напрягся.

— Что значит «чужая»?

— Не знаю. — Фрея вытерла лоб тыльной стороной ладони. — Она душит, и камни плачут.

За окном вспыхнула молния. На одно бесконечное мгновение тени на стенах замерли, будто их пригвоздило к побелке. Пламя свечей погасло, и дом Брандтов погрузился в звенящий полумрак. Единственным светом остались лиловые всполохи за окном.

Ингрид закричала в последний раз. Эрик побледнел и сжал её пальцы, Фрея застыла, не договорив молитву. И в этот миг — между одним ударом сердца и другим — мир изменился.

Ребёнок родился молча. Не закричал, не заплакал, даже не вздохнул. Девочка скользнула в руки повитухи и замерла. Фрея опустила взгляд и вскрикнула от ужаса.

— Что? — Эрик шагнул к ней. — Что с ребёнком?

У девочки были волосы цвета расплавленной меди. Не редкий младенческий пушок, а густые рыжие пряди, прилипшие к влажной голове. Кожа казалась почти прозрачной; под ней проступали тонкие синие вены, пульсировавшие в такт далёкому, чужому ритму.

Но не это заставило Эрика отшатнуться. Глаза ребёнка были открыты. Не мутные глаза новорождённой, ещё не способные различать свет и тень. Они были светло-голубыми, прозрачными, как вода в горном ручье. И осмысленными.

Девочка смотрела на отца. В её глазах не было ни страха, ни любви, ни любопытства. Только древняя, выцветшая от времени пустота.

Эрик Брандт не боялся ни огня, ни бронзовой пыли, разъедавшей лёгкие, ни обвалов в шахтах; но под взглядом новорождённой дочери по его спине пробежал холод.

— Отдайте её мне, — прошептала Ингрид, протягивая ослабевшие руки.

Фрея заколебалась, Эрик не двинулся. Тогда Ингрид сама забрала у повитухи дочь и прижала к груди. Девочка не заплакала; лежала неподвижно, словно прислушивалась к биению материнского сердца.

В комнате стало слишком тихо для дома, в котором только что родился человек. А затем над Глипторией что-то запело. Загудела сама земля, будто струна исполинского инструмента. Этот звук прокатился над каменистой пустыней, старыми рудниками и мёртвыми скалами. Бронзовые руны на стенах домов вспыхнули холодным серебряным светом. Ожили даже те, что были выбиты первыми поселенцами и считались мёртвыми уже тысячу лет.

Фрея отступила и осенила себя старым знаком, которым в Лапидии не пользовались со времён Великого Раскола.

— Дитя Пустоты, — прошептала она. — Рождённая без магии.

Эрик хотел возразить, потребовать объяснений, но слова застряли в горле. Он посмотрел на жену. Ингрид не слушала повитуху. Она гладила медно-рыжие волосы дочери и улыбалась.

К рассвету дождь прекратился. Небо над Глипторией побелело, и в его молочном свете город казался вымершим. Люди выходили из домов, перешёптывались и смотрели на багровые всполохи, всё ещё танцевавшие на горизонте, хотя гроза давно миновала.

В доме Брандтов, в маленькой комнате второго этажа, Амалия впервые уснула и увидела храм.

Колонны уходили в золотистую мглу. Каменные плиты пола покрывали горящие руны. В центре огромного зала стоял мужчина в длинной тёмной мантии. Волосы падали ему на плечи, а серые, как грозовое небо, глаза смотрели на девочку без улыбки и без гнева.

Когда Амалия открыла глаза — новорождённая, почти слепая по законам природы, — она посмотрела не на потолок. Она смотрела туда, где стоял мужчина и видела *его*.

Эрик вошёл в комнату час спустя. Ингрид спала, обессиленная, прижимая дочь к груди. Девочка бодрствовала. Она смотрела на стену, на трещину в штукатурке, на тёмное пятно в углу, где когда-то протекала крыша. И делала это так внимательно, будто за стеной было нечто, недоступное взрослым.

Кузнец осторожно сел на край кровати. Он посмотрел на рыжие волосы дочери — такие же, как у него. На бледное лицо — как у Ингрид. Взгляд переместился на прозрачные голубые глаза, в которых, по словам повитухи, не было ничего.

— Ты не пустая, дочка, — тихо произнёс Эрик. — Я знаю, я чувствую.

Девочка моргнула, и Эрику показалось — возможно, он просто слишком устал после бессонной ночи, — что в её глазах мелькнуло понимание.

— Мы назовём её Амалией, — сказал он позже, когда Ингрид проснулась. — В честь твоей бабушки.

— Она была сильной женщиной, — прошептала Ингрид, не отрывая взгляда от дочери.

— И наша дочь будет сильной.

Тогда Эрик ещё не знал, что сила — не благословение. Это был приговор, который исполнится двадцать один год спустя: в доме, где навсегда погаснет свет.

Глава 1

Лапидия - Федерация Рун

Федерация Рун — каменистая пустыня. Только тёмно-серые, местами оранжевые скалы громоздились до горизонта. Ветер стонал в ущельях; и время здесь текло медленно, как смола.

В этой бесплодной земле зародилась рунная магия, потому что выжить здесь можно было только одним способом — создавать артефакты. Те, что добывают воду из-под земли, когда колодцы пересыхают. Те, что отбрасывают тень в полдень, когда песок плавится под ногами. Те, что защищают от песчаных бурь, способных за минуту содрать кожу и оставить от человека лишь обглоданный ветром скелет.

Настал день набора первокурсников.

За окном ещё лежала предрассветная тьма, когда Амалия спустилась вниз.

В доме пахло свежим хлебом и горькими травами. Мать поднялась задолго до рассвета, чтобы испечь дорожные лепёшки. Из кухни доносился тихий шелест льняной ткани и негромкий звон посуды. Отец ждал у порога. Поверх рубахи он по привычке надел старый кожаный фартук, потемневший от времени, угольной пыли и жара кузни. У его ног стояла дорожная сумка.

Он внимательно посмотрел на дочь.

— Сядь. У тебя такое лицо, будто ты собралась не в Академию, а навстречу буре.

Амалия послушно опустилась на деревянный табурет. Отец сел рядом и устало вздохнул.

— Хочешь стать такой же, как Стефан?

— Нет. — она покачала головой, но почти сразу отвела взгляд. — То есть... не совсем. Я даже не знаю, возьмут ли меня на Руны. У меня ведь ничего нет.

— Покажи руки.

Амалия протянула ладони. Под ногтями въелась бронзовая пыль, кожу покрывали мозоли и мелкие порезы, оставленные острыми краями пластин. Отец взял её руки в свои и повернул ладонями вверх.

— Грязь, мозоли, шрамы. — он провёл большим пальцем по светлой полоске у её запястья. — Это не пустота, Амалия. Это работа.

Она хотела улыбнуться, но ком в горле не позволил.

За стеной звякнула посуда. Мать заворачивала лепёшки в плотную льняную ткань и делала вид, будто не прислушивается. Но Амалия знала: она слышит каждое слово.

— Я говорю о магии, папа.

— А я — о тебе.

Отец отпустил её руки и на мгновение задумался. Взгляд его задержался на двери, за которой ночная тьма понемногу серела.

— Ты боишься, дочка, но страх не должен решать за тебя. Поэтому послушай. Я расскажу тебе историю рода Брандтов. Не ту, что хранят в городских свитках. Настоящую.

Амалия выпрямилась. Отец редко говорил о прошлом, а о предках — почти никогда.

— Когда-то Брандты жили в Акватисе, — начал он. — Наш род славился огненными магами. Говорили, они могли расплавить рудную жилу, лишь приложив ладонь к скале. Их уважали и боялись.

— А потом?

— Потом случился Великий Раскол. — его голос стал тише. — Одни маги называли себя слугами Света, другие присягнули Тьме. И обе стороны решили, что остальные обязаны выбрать, кому служить. Наши предки не выбрали никого.

— И ушли?

— Бежали, — поправил отец. — В Лапидию.

— В пустыню?

— В пустыню. Туда, где не было ни рек, ни лесов, ни плодородной земли. Только камень, песок и ветер. Там они поняли, что одного огня недостаточно. Разве подожжёшь голую скалу? Разве согреешь пламенем целый народ, если нечего бросить в очаг?

Он поднялся, подошёл к кувшину и налил себе воды. Несколько мгновений смотрел на дрожащую поверхность, затем продолжил:

— Поколение за поколением наш огонь угасал. Становился тише, слабее. Местные мастера учили Брандтов читать камень, искать руду и ковать бронзу. Учили выживать там, где пламя не кормит и не защищает. Постепенно наш род перестал быть родом огненных магов. Мы стали ремесленниками.

Отец сделал глоток.

— Мой дед уже не мог зажечь свечу без огнива. Мой отец умел лишь нагревать воду. А я...

Он поднял руку и щёлкнул пальцами. Над его ладонью вспыхнула крошечная золотая искра. Несколько мгновений она дрожала в воздухе, словно светлячок, а затем погасла.

— Вот и всё, что осталось от великого пламени Брандтов.

— Но Стефан... — осторожно произнесла Амалия. — Его свет...

— Магия Стефана пошла иным путём. Такое случается. Иногда старый огонь меняется, становится светом, жизнью или даже руной. Но это всё равно наша кровь. Всё *то же* пламя — просто в другой форме.

Он сжал ладонь, будто пытался удержать исчезнувшую искру.

— А я уже не огонь. Я лишь пепел, оставшийся после него.

Амалия опустила глаза на свои ладони.

— Значит, я тоже пепел?

— Знаешь, что делают с пеплом в Лапидии?

— Не знаю.

— Всё, что только можно. Его добавляют в сплавы и рудные смеси. Им посыпают дороги, чтобы путники не скользили по камню. Его вносят в бесплодную почву, чтобы там могли вырасти цветы. — он чуть улыбнулся. — В Лапидии ничто не бывает бесполезным, Амалия. Даже пеплу здесь находят дело.

Он вернулся и сел напротив неё.

— Важно не то, из чего ты создана. Важно, что ты создашь сама. Наши предки горели ярко, но быстро. Их пожирала гордость и жажда силы. Они умели разрушать, но так и не научились останавливаться. Мы, Брандты, больше не горим. Мы тлеем.

Амалия смотрела на него, почти забыв о страхе. Никогда прежде он не говорил с ней так — словно она уже не ребёнок, которого следует утешить, а равная, которой можно доверить правду.

— И знаешь, что выросло из нашего пепла? Руны. Ремесло. Умение не сжигать, а строить. И поверь мне, это ничуть не хуже, чем изрыгать огонь.

Отец поднялся и подошёл к верстаку. Среди молотков, щипцов и обрезков бронзы лежала свежеработанная пластина. Он взял её и протянул дочери.

— Посмотри.

Пластина была тёплой, словно всё ещё хранила дыхание горна. По её шершавой поверхности тянулись тонкие борозды, складываясь в аккуратную руну Защиты.

— В ней нет древней магии Брандтов, только бронза, терпение и мои руки. Но на прошлой неделе три шахтёра выбрались из-под обвала благодаря таким пластинам. Понимаешь?

Амалия провела пальцем по руне.

— А если во мне действительно ничего нет? Если сфера Распределения даже не засветится?

— Тогда ты узнаешь правду. А узнав её, решишь, куда идти дальше. Академия — не конец пути, Амалия. Она только первая развилка. Даже если тебя отправят на самый неприемлемый факультет, к тем, кого остальные считают неудачниками, это не сделает тебя никем. Чужое распределение не определяет ценность человека.

Отец сунул руку в карман фартука и достал маленький предмет, завернутый в промасленную ткань.

— Возьми.

Амалия развернула свёрток. На её ладони лежала бронзовая пластинка — меньше тех, что они делали на продажу, с гладкими краями и отверстием для шнура. В центре была выгравирована незнакомая руна. Её линии переплетались так сложно, что стоило отвести взгляд, и рисунок будто менялся.

— Что она означает?

— Не спрашивай. Просто носи её с собой, а когда станет совсем тяжело — сожми в кулаке.

Нейтральные земли

Телега подпрыгнула на камне, и Амалия больно прикусила язык.

— Чтоб тебя, — прошипела она, хватаясь за деревянный борт.

Кучер — старый Грегор, их сосед, который согласился подбросить её до Академии за «пару монет и бутылку домашнего эля» — хрипло рассмеялся.

— Держись крепче, дочка! Дорога в Лапидии не для нежных задниц!

— Нежные задницы, — проворчала Амалия, поправляя сползшую сумку, — в Лапидии просто не выживают.

Она сидела на жёсткой скамье, вцепившись в край, и смотрела, как из ущелья выползает солнце. Позади осталась Глиптория — город внутри скалы. Её родина; место, где её называли пустышкой.

Пустышка.

Слово отдавалось в груди чем-то липким и противным. Амалия сунула руку глубже в карман, нащупала шершавую поверхность пластины и сжала её так крепко, что края впились в кожу.

— Ну что, — крикнул Грегор, обернувшись на секунду. — Боишься?

— Нет, — соврала Амалия.

— А зря, — хмыкнул он. — Я слышал, там такое вытворяют... Мне один купец рассказывал...

— Я знаю, — перебила Амалия, не желая слушать очередные страшилки. — У меня брат там учится.

— А, ну да, — Грегор сплюнул в пыль. — Слышал. Перевёлся на Свет, говорят? Гордость семьи...

Она промолчала. Гордость семьи — это Стефан. А она — то, что осталось. Пепел, как говорил отец.

«Ты не огонь, Амалия. Ты пепел. А пепел, дочка, помнит тепло. И когда-нибудь, когда ты захочешь, он зажжётся снова».

— А вот и она, — Грегор дёрнул поводья.

Амалия подняла голову и забыла, как дышать.

Академия Шести Путей оказалась больше, чем она могла себе представить.

Дорога поднялась на холм, и долина открылась перед ней вся сразу — огромная чаша между горами, устланная зелёными лугами, с рекой, извивающейся по дну. А над ней, в центре этой чаши, взметались в небо шесть башен. Амалия замерла. Она видела рисунки в старых книгах. Слышала рассказы Стефана — короткие, обрывочные, когда он ещё снисходил до разговоров. Но рисунки врал. Рассказы не передавали и десятой доли!

Башни были огромными. Не просто высокими — нереальными, словно их вытянули из земли самой магией. Каждая — в цвет своего факультета. Каждая — со своим характером. Белая, сверкающая на солнце так, что глазам больно, предназначалась факультету Света. Чёрная, угольно-глубокая, поглощающая свет вокруг, была построена специально для факультета Тьмы. Она стояла чуть поодаль, будто даже башни не хотели соседствовать друг с другом. Синяя, с золотыми ободами на каждом ярусе — факультет Стихий. Она была широкой, устремлённой вверх, как волна или язык пламени. Пурпурная башня, окутанная лёгкой дымкой, которая не рассеивалась даже под солнцем, была отведена Разуму. Её очертания постоянно менялись, будто башня не могла решить, какой формы ей быть. Недалеко от неё стояла зелёная, увитая плющом и живыми растениями, которые вились по камню до самой вершины — Жизнь. Амалия готова была поклясться, что башня дышит. Затем её взгляд переместился на последнюю башню. Башню Рун.

Амалия смотрела на серую башню, и надежда в груди дрогнула. А вдруг она туда не попадёт? Вдруг сфера даст что-то другое? Вдруг она ошибётся в хорошую сторону?

Она попрощалась с Грегором, спрыгнула с телеги, поправила мешок на плече и пошла к воротам.

Внутренний двор оказался огромным — мощёная площадь, окружённая колоннадами, с фонтаном в центре. Вода в фонтане была не простой: она переливалась шестью цветами, падала и поднималась обратно, не проливаясь ни капли на камни. Студенты сновали туда-сюда, их мантии мелькали, как разноцветные крылья бабочек. Белые, чёрные, синие, пурпурные, зелёные...

И серые. Их было мало, очень мало. Они держались отдельно, будто знали своё место. Будто им уже вынесли приговор.

— Дорогу! — кто-то толкнул её плечом. Парень в синей мантии даже не извинился.

— Добро пожаловать в Академию, — пробормотала Амалия себе под нос.

Она заметила их краем глаза. Старшекурсники сидели на парапете фонтана, лениво наблюдая за толпой. Амалия сразу поняла откуда они. Мантии Тьмы были не просто черными — они поглощали свет. Плотная, тяжелая ткань, ни блеска, ни золота. Только черный цвет, от которого уставал глаз, и багровая кайма по рукавам и подолу. На свету она вспыхивала цветом запекшейся крови. На левой стороне груди красовался перевернутый месяц. Он был вшит рожками вниз багровой нитью. Капюшоны казались очень глубокими, но старшекурсники не накидывали их — держали на плечах, демонстрируя лица. Один из них смотрел прямо на неё. Волосы у него были чёрными, длинными, почти до плеч. Не собранные в хвост, как у многих, а распущенные, чуть растрёпанные, будто он только что провёл рукой по голове. Чёлка падала на лоб, но не ровно — она разделялась на две стороны, каждая прядь струилась к вискам, оставляя открытой лишь узкую полоску кожи по центру. Левый глаз почти полностью скрывался за прядью, правый — смотрел на Амалию холодно и оценивающе.

— Эй, Рыжая, — окликнул её тот самый парень. — Подойди.

Голос был низким, чуть хриловатым. Амалия замерла. Любопытство оказалось сильнее осторожности, и она сама не заметила, как подошла ближе.

Парень легко спрыгнул с парапета и оказался на целую голову выше неё. Чёрная мантия сидела на нём безупречно, а багровая кайма тускло мерцала в солнечных лучах.

— Первокурсница? — спросил он с усмешкой. — Хотя мог и не спрашивать. У тебя слишком потерянный вид.

— Я ищу одного человека, — ответила Амалия, удивляясь собственной смелости. — Студента факультета Света. Стефана Брандта. Он мой...

Она осеклась. Брат? Почему-то произнести это слово перед ними оказалось труднее, чем солгать.

— Он мой знакомый.

Троица переглянулась.

— Брандт? — переспросил второй парень, чуть пониже первого. В его носу поблёскивало серебряное кольцо. — Тот самый «золотой мальчик» из Лапидии?

— Да. Вы его знаете?

— А кто же его не знает? — протянула девушка с коротко остриженными волосами и острыми скулами. — Гордость факультета Света. Любимчик декана. Всегда в белом, всегда улыбается, всегда говорит правильные слова. — Она поморщилась. — Тоска зелёная.

— Так вы знаете, где его найти? — повторила Амалия, стараясь не замечать её тона.

Первый парень склонил голову набок.

— А зачем он тебе? Должница? Поклонница?

— Мы из одной деревни, — солгала Амалия. — Его мать просила передать письмо.

— О, — рассмеялся он. — Мамочка пишет своему золотому мальчику. Как трогательно!

Амалия сильнее сжала лямку дорожного мешка. Ей не понравилось, как он это сказал, но спорить с тремя старшекурсниками она не собиралась.

Парень кивнул в сторону белой башни.

— Обычно Брандт торчит в восточном крыле. У отличников там свой маленький рай. Но сегодня церемония, так что все старшекурсники будут на балконах Большого зала. Если хочешь его увидеть — ищи там.

— Спасибо.

Амалия повернулась, намереваясь уйти.

— Эй, рыжая.

Она остановилась и оглянулась.

Насмешка исчезла с лица парня. Теперь он смотрел на неё серьёзно, почти мрачно.

— Он не стоит того. Эти белые мантии быстро забывают, откуда пришли. — Он посмотрел на сияющую башню. — Особенно когда им начинает казаться, будто они рождены для чего-то великого.

— Откуда вам знать?

Уголок его рта приподнялся, но глаза остались холодными.

— Мы — Тьма. Мы замечаем то, что Свет предпочитает не показывать.

От этих слов по спине Амалии пробежал холодок.

— Иди, — добавил он. — И держись подальше от белых башен. Таким, как ты, там не рады.

— Таким, как я?

Но парень уже забрался обратно на парапет и отвернулся, ясно давая понять, что разговор окончен.

Амалия пошла прочь, лишь оказавшись за ближайшей колонной, она остановилась и перевела дух.

«Он не стоит того».

Почему незнакомец так сказал? Что он знал о Стефане такого, чего не знала она?

Амалия посмотрела на белую башню. Та сверкала под солнцем так ярко, что на неё было больно смотреть. Где-то среди сияющих стен и белоснежных мантий находился её брат. Он ещё не знал, что она приехала. Или не хотел знать?

— Ладно, — прошептала Амалия. — Увидимся в Большом зале. Если ты, конечно, захочешь меня увидеть.

Она поправила мешок и направилась к залу испытаний, стараясь выбросить из головы слова тёмного мага. Но они уже застряли там, словно заноза:

«Они быстро забывают, откуда пришли».

Коридор будто сжимался с каждым её шагом. Амалия чувствовала это не умом, а лопатками: будто стены тихо сдвигались, проверяя, достойна ли она пройти дальше. Воздух стал густым, как остывающий сироп, и каждый вдох давался чуть тяжелее.

По стенам плясали огни факелов. Они не согревали, только высвечивали тени. Амалия машинально теребила край рубашки, чувствуя, как ткань чуть цепляется за мозоли на пальцах. Слева и справа шли другие первокурсники: кто-то вышагивал с видом победителя, кто-то, как она, смотрел строго под ноги, будто на плитках был написан ответ на все вопросы.

В конце коридора возвышалась дверь из тёмного дерева, окованная потемневшей бронзой. Над ней застыл герб Академии, а ниже белели слова, высеченные на древнем наречии:

«Ищущий силу обретёт здесь ответ — или встретит свой конец».

Старшекурсник у двери нетерпеливо махнул рукой:

— Проходите. Не задерживайте остальных.

За порогом Амалию встретила тишина. Зал казался бесконечным. Каменные своды вздымались так высоко, что терялись в сумраке, словно ночное небо заточили внутри стен. По тёмному полу растекался магический круг: сотни тонких линий переплетались в сложный узор и мерцали приглушённым золотом. Руны то гасли, то вспыхивали вновь, будто под плитами билось огромное, медленное сердце.

Вокруг круга сидели трое преподавателей в длинных мантиях. Капюшоны скрывали их лица, но Амалия чувствовала тяжёлые, оценивающие взгляды.

На столе перед ними лежала толстая книга в потёртом переплёте. Рядом возвышалась аккуратная стопка бумаг. В центре круга, прямо над сплетением рун, парила Сфера Распределения.

Прозрачный кристалл величиной с человеческую голову медленно вращался, не касаясь опоры. Внутри него клубился молочно-белый туман, а в глубине вспыхивали и гасли шесть цветов: белый, чёрный, синий, пурпурный, зелёный и серый.

Свет. Тьма. Стихии. Разум. Жизнь. Руны.

Пожалуйста, хоть серый. Хоть чёрный. Хоть зелёный. Любой.

Амалия стояла в очереди, сжимая в кармане отцовскую пластинку. Парень перед ней уверенно положил ладонь на Сферу. Туман внутри кристалла вздрогнул и вспыхнул насыщенным пурпуром.

— Разум, — произнесла женщина-преподаватель.

Юноша улыбнулся так, будто уже увидел своё имя на страницах истории, и отошёл к дальней стене. Следующая девушка едва коснулась стекла — и зал озарило ярко-зелёным сиянием.

— Жизнь.

Потом был темноволосый парень. Под его ладонью Сфера налилась глубоким синим, по которому пробежали алые всполохи.

— Стихии. Огненная ветвь.

Каждая вспышка приближала очередь Амалии. Каждое названное направление делало её дыхание короче. Наконец женщина опустила перо к бумаге и равнодушно произнесла:

— Следующая.

Амалия шагнула вперёд.

Раз. Два. Три.

С каждым шагом расстояние до Сферы будто не сокращалось, а становилось больше. Невидимая тяжесть легла ей на плечи, словно сам зал испытывал её ещё прежде, чем она прикоснулась к кристаллу.

«Главное — не из чего ты сделана, а что ты делаешь».

Один из преподавателей поднял голову.

— Не бойтесь, — произнёс он устало, но без насмешки. — Сфера не кусается. Положите ладонь на кристалл и ждите.

Легко сказать.

Амалия вынула руку из кармана. Пальцы дрожали. Она стиснула их в кулак, разжала и медленно протянула к Сфере. Холод ударил в кожу, Амалия задержала дыхание. Прошла секунда, потом другая. Белый туман внутри Сферы продолжал лениво клубиться.

Ничего.

Пять секунд.

Ни вспышки, ни искры, Ни малейшего изменения.

Десять.

Где-то позади кашлянули. По очереди пробежал едва слышный шёпот. Кто-то хихикнул и тут же умолк. Амалия прижала ладонь сильнее, будто могла заставить кристалл увидеть её. Сфера оставалась бесцветной.

Тишина сгустилась, стала вязкой и тяжёлой. Она давила со всех сторон, наполняя зал чужим любопытством и неловкостью. Казалось, даже древние стены стыдились происходящего и потому отводили взгляд.

Женщина-преподаватель перестала писать.

— Странно, — пробормотал сидевший рядом мужчина и подался вперёд. — Обычно Сфера откликается сразу.

Рука начала неметь от холода. В груди стало пусто, как в пересохшем колодце.

— Уберите руку.

Амалия подчинилась.

— Как ваше имя? — спросила женщина, открывая книгу.

— Амалия Брандт.

— Брандт... — она листала страницы, шурша пергаментом. — Лапидия. Семья артефакторов. У вас есть магический дар?

Амалия сжала зубы. Хотелось сказать что-то умное, гордое. Но правда была короткой и колючей.

— Нет, — тихо сказала она. — То есть... на тестах в Глиптории ничего не показало. Но я умею вырезать руны на металле. Я...

— Понятно, — женщина не дослушала. Поставила печать в книгу и посмотрела на Амалию не со злостью, а просто как на факт, который нужно зафиксировать. — Факультет Рун. Следующий.

Надежда угасла, как фитиль в сырой комнате. Амалия отступила назад, чувствуя лёгкое головокружение. Она знала, что так будет. Знала с детства, когда пыталась зажечь свечу и не могла, когда соседские мальчишки кричали «пустышка». Но надежда жила. Маленькая, тёплая, упрямая искра: «А вдруг?» Теперь она погасла.

Толпа вокруг шевелилась, звенела голосами, жила своей жизнью. Кто-то смеялся. Кто-то отводил взгляд — стыдно было даже смотреть на такую неудачницу. Амалия уставилась в пол, пытаясь дышать ровно.

Не плачь. Не здесь. Не при всех.

Амалии пришлось ждать несколько часов, пока последний первокурсник пройдёт испытание. За это время им выдали бесформенные мантии, сшитые из грубой серой ткани.

Почему серые? Разве факультетские цвета не должны отличаться?

Когда первокурсников наконец пригласили в Большой зал, Амалия пристроилась в самом конце строя. В центре помещения горел Круг Шести Путей — древняя композиция из бронзы и камня, разделённая на шесть секторов. Каждый светился своим цветом.

Новичков собралось больше сотни. Они шептались, переглядывались, одёргивали неприличные мантии. Амалии досталась слишком большая: ткань висела на плечах мешком, рукава закрывали пальцы, а капюшон то и дело сползал на глаза.

— Могли бы и по размеру подобрать, — проворчала девушка рядом, пытаясь подвернуть рукав. — Всё-таки посвящение бывает раз в жизни.

Амалия едва слышно хмыкнула, но ничего не ответила.

Она смотрела на балконы. Ярусы вдоль стен были заполнены старшекурсниками. Где-то среди белых должен был находиться Стефан. Амалия знала, что он там. Чувствовала его присутствие почти физически, но сколько ни всматривалась в лица, брата разглядеть не могла.

— Тишина.

Ректор не повысил голоса, однако одно это слово прокатилось по залу подобно удару колокола. Шёпот оборвался.

На возвышении стоял высокий седой маг в белой мантии, расшитой золотыми звёздами. По обе стороны от него выстроились шестеро деканов.

— Первокурсники, — начал ректор. — Вы прошли испытание и доказали, что достойны учиться в Академии Шести Путей. Сегодня ваши имена будут внесены в её летопись. Сегодня вы станете частью истории, которая началась задолго до вашего рождения и продолжится после того, как нас не станет. Одни из вас станут её героями, другие останутся в их тени. Но каждый, кто стоит здесь, обрёл свой Путь.

На этих словах у Амалии болезненно сжалось сердце.

Каждый? Её Сфера так и не выбрала.

— Начнём посвящение.

Первой вперёд выступила декан Света — высокая женщина с ледяными голубыми глазами и безупречной осанкой.

— Избранные Светом, подойдите к своему Пути.

Из толпы вышло около тридцати первокурсников. Волнуясь, они приблизились к золотому сектору круга и один за другим положили ладони на бронзовый символ восходящего солнца. Золотое сияние пробежало по их серым мантиям, проникло в каждую нить — и ткань

начала меняться. Тусклая серость растаяла, уступая место ослепительной белизне. На воротниках и манжетах проступила золотая вышивка, а на груди зажглись знаки солнца, пульсирующие в такт сердцам новых учеников.

По залу прокатился восхищённый вздох. И только тогда Амалия поняла, почему всем первокурсникам выдали одинаковые серые одежды.

Вот, значит, для чего. Устроили целое представление.

Декан Света подняла руку.

— Клятва Света.

Тридцать голосов слились в один:

— Клянусь нести свет, даже когда тьма кажется сильнее. Клянусь защищать слабых и противостоять несправедливости. Моя магия — мой долг. Мой свет — моя честь.

Зал взорвался аплодисментами. Старшекурсники в белых мантиях кричали, свистели и выкрикивали имена посвящённых. Золотые искры взлетели над кругом и медленно растаяли в воздухе.

Амалия снова посмотрела на балконы. На этот раз ей показалось, что среди белых мелькнул знакомый профиль.

— Стефан... — беззвучно прошептала она.

Но фигура тут же скрылась за чужими плечами. Возможно, ей лишь почудилось.

Вперёд выступил декан Тьмы. Худой мужчина с длинными чёрными волосами и тяжёлым, неподвижным взглядом.

— Избранные Тьмой, — произнёс он негромко.

По залу разлился холод.

— Подойдите к своему Пути.

Около пятнадцати человек шагнули к багровому сектору. Их мантии засветились глубоким, мерцающим чёрным цветом, багряным по краям.

— Клянусь хранить тайны, которые мне откроются. Клянусь знать цену силе и не бояться платить. Моя тьма — не зло. Она — моя свобода.

Декана Тьмы сменил декан Стихий. Он рявкнул так, что дрогнули своды:

— Стихии! Ко мне!

Их оказалось больше всех — почти сорок человек. Они коснулись синего сектора, и мантии вспыхнули глубоким тёмно-синим цветом. По рукавам побежали оттенки личных стихий: алый, лазурный, зелёный, светло-голубой. На груди проступил знак факультета — огонь и волна, сплетённые в круг.

На клятву Стихий зал ответил одобрительным гулом. Стихий любили: шумные, сильные, они редко вмешивались в чужие дела.

Следующей почти бесшумно выступила декан Разума — женщина в пурпурной мантии с серебряной вышивкой, чьё лицо скрывал глубокий капюшон. К пурпурному сектору подошли семеро. Их мантии окрасились в мрачный цвет сумерек. На груди появился глаз в раскрытой книге; серебряный зрачок казался живым и следил за залом.

За ними вышел факультет Жизни. Улыбчивая седая старушка в зелёной мантии, с карманами, полными сушёных трав, поманила студентов рукой. К зелёному сектору вышли десять человек. Их мантии засветились тёплым травянистым цветом с золотистыми искрами. На груди проступило древо с переплетёнными корнями.

Амалия тяжело вздохнула. Настала её очередь.

— Руны.

Их было четверо. Четверо на весь курс: два парня и две девушки. Все в одинаковых серых мантиях, которым, казалось, даже не требовалось преображение.

Они подошли к бронзовому сектору. Амалия положила ладонь на круг. Мантия вспыхнула, но цвета не изменила — лишь заструилась серебристым отливом. Бронзовые пуговицы мягко блеснули, а на груди проступил знак факультета: молот.

— Клянусь чертить точно. Клянусь помнить древних. Клянусь не сдаваться, даже когда все против меня. Мои руны — моя память. Моя бронза — моя сила.

Зал промолчал. Ни хлопка, ни одобрительного возгласа.

Амалия отошла в сторону, заставляя себя не смотреть по сторонам. Не искать *его*. Но предательство всегда знает, куда ударить. Она всё-таки подняла голову.

Балкон Света сиял. Там стояли лучшие из лучших — гордость Академии, будущие хранители и заклинатели, те, кому словно с рождения было обещано место под солнцем. И среди них — Стефан. В белой мантии с золотой вышивкой он казался почти нереальным. Прямой, красивый, безупречный. Тот самый сын, которым гордились. Брат, чьё имя за семейным столом произносили с теплом. Мальчик, который когда-то держал её за руку в грозу и шептал, что никакие тени не заберут её, пока он рядом. Сейчас он смотрел на неё.

Амалия замерла. На одно жалкое, глупое мгновение в ней вспыхнула надежда.

Ну же! Улыбнись, кивни. Сделай хоть что-нибудь! Покажи, что ты всё ещё мой брат.

Стефан не улыбнулся, не сделал ни единого движения. Просто отвернулся, переведя взгляд на следующего оратора, будто Амалия была пустым местом, ошибкой церемонии, серым пятном на белом полотне.

И тогда что-то внутри оборвалось. Последний тлеющий уголёк надежды погас, не оставив после себя ничего, кроме холодного пепла.

Вот что значит быть пустой, даже брат не хочет меня знать.

Когда посвящение закончилось, ректор снова вышел вперёд.

— Помните: цвет мантии не определяет вашу ценность. Её определяют поступки.

Амалия невольно подняла голову. Ректор смотрел в зал, но на миг ей показалось, что слова предназначались только ей.

Наступила тишина, а затем Большой зал взорвался аплодисментами. Звук обрушился со всех сторон. Студенты смеялись, перекрикивались, поздравляли друг друга. Для них церемония закончилась. Для них начиналась новая жизнь.

Амалия не хлопала. Она стояла неподвижно посреди всеобщего восторга, будто шум не мог до неё добраться. Внутри было тихо. Она вышла из зала, не оглядываясь. За спиной всё ещё гремели аплодисменты, сияли белые мантии и звучали радостные голоса. Впереди ждали незнакомые коридоры, холодные лестницы, чужая комната и первая ночь в Академии.

Я приехала не ради него. Правда. Я хотела доказать себе, что чего-то стою. Но чего я стою теперь? Сфера не загорелась — словно меня не существует. Я умею чертить руны, не блестяще, но умею. Только Сфера не видит труда. Она видит дар, а у меня его нет.

— Первокурсница?

Амалия остановилась и обернулась.

Позади стоял парень в серой мантии с бронзовыми нашивками. Смотрел он устало, но с любопытством.

— Амалия Брандт, — представилась она, не дожидаясь вопроса.

— Вальтер. Староста Рун. — он кивнул в сторону лестницы. — Пойдём, Брандт. Сейчас собрание факультета.

Кабинет старосты находился на третьем этаже башни Рун, в конце узкого коридора, где факелы горели через один, а в воздухе пахло старой бумагой, металлом и чем-то горелым.

Вальтер распахнул дверь. Помещение оказалось тесным. У стен теснились шкафы с книгами и свитками, на подоконниках громоздились металлические заготовки, а почти весь пол покрывали недорисованные схемы. За большим столом, заваленным чертежами и бронзовыми пластинами, едва угадывалось кресло.

— Садитесь, — сказал Вальтер, указывая на лавки у стены.

Сам он устроился за столом и смахнул в сторону несколько свитков. Форменная мантия сидела на нём так, будто он родился в ней: локти протёрты, манжеты опалены, а одна из бронзовых пуговиц держалась на единственной нитке.

— Для тех, кто успел забыть: я Вальтер, студент четвёртого курса и староста факультета Рун. Не декан, не преподаватель и уж точно не ваша нянька. Но если что-то случится — приходите ко мне. Желательно до того, как взорвётся башню.

Кто-то неуверенно рассмеялся. Амалия незаметно оглядела ребят, сидевших по обе стороны от неё.

Слева — единственная девушка, кроме неё самой. Русые волосы были собраны в низкий безупречный пучок. Светлая кожа, зелёные глаза. Девушка смотрела на Вальтера так сосредоточенно, словно не просто слушала, а раскладывала каждое его слово по полочкам, чтобы позже предъявить их ему на допросе. Она сидела с идеально прямой спиной, ладони спокойно лежали на коленях, плечи расслаблены, подбородок чуть приподнят. Ни одного лишнего движения. Ни одного случайного жеста. Всё в ней казалось собранным, точным, выверенным.

Такая, наверное, встаёт в шесть утра, застилает кровать по армейскому образцу и никогда не опаздывает.

Эльза Вогель. Имя она заметила раньше — на одном из листков тонкой брошюры, которую им выдал Вальтер.

Справа расположился парень, которого Амалия заметила далеко не сразу. Он не привлекал внимания — и, кажется, именно этого добивался. Тихий, неподвижный, почти сливающийся с тенью у стены, он сидел так спокойно, будто давно научился становиться частью любого пространства. Чёрные длинные волосы были собраны на макушке в высокий тугой пучок и закреплены двумя тонкими бронзовыми спицами. Ни одного выбившегося волоска. Волосы лежали гладко, почти зеркально, и Амалия невольно подумала, что без какого-нибудь геля здесь явно не обошлось.

На его запястьях поблёскивали браслеты с мелкими бронзовыми бусинами. Когда он едва заметно поворачивал кисть, они отзывались тихим, сухим позвякиванием, похожим на шёпот маленьких колокольчиков.

Одет он был непривычно: тёмно-синяя хакама мягкими широкими складками спадала вниз, скрывая ноги, из-за чего с первого взгляда напоминала длинную юбку; чёрная рубашка с узкими рукавами плотно облегала запястья. Поверх, небрежно накинутая на плечи, лежала мантия факультета Рун — не как форма, а как плащ, который он мог в любой момент сбросить и исчезнуть.

Лицо у него было спокойным, почти непроницаемым. Амалия не сразу поняла, смотрит ли он на Вальтера или куда-то сквозь него. А потом парень медленно повернул голову. Их взгляды встретились.

У него были узкие тёмные глаза — настолько глубокие, что в них трудно было уловить оттенок. Не чёрные, нет. Скорее цвета крепкого чая, настоящего до горечи, или влажной земли после дождя. Взгляд спокойный, прямой, без любопытства и без вызова.

— Макото Акияма, — прочитала Амалия про себя, мельком глянув на список. Фамилия незнакомая, не лапидийская. Наверное, из Восточных земель.

Рядом с ним, придвинувшись чуть ближе, сидел ещё один парень — полная противоположность. Русые, слегка вьющиеся волосы вечно лезли на лоб. Карие глаза смотрели открыто, весело, с лёгкой озорной искрой. Он вертелся на месте, крутил в пальцах перо, поглядывал по сторонам, будто не мог усидеть ни секунды.

— Я — Дэррил! — шепнул он Амалии, заметив её взгляд. — Дэррил Хейз. А ты?..

Вальтер негромко кашлянул. Дэррил виновато прикусил язык, но улыбка так и осталась на его лице. Казалось, даже если его выставят за дверь, он уйдёт оттуда вприпрыжку и по дороге умудрится подружиться с дверной ручкой.

Вальтер продолжил говорить о расписании, правилах факультета и библиотечных часах, но Амалия слушала уже вполуха. Слова скользили мимо: «утренние лекции», «запретные секции», «письменное разрешение декана»...

Тем временем Вальтер убрал лист с расписанием, аккуратно пригладил ладонью край стола и развернул перед ними карту.

— Теперь что касается вашего жилья, — сказал Вальтер и постучал костяшкой пальца по центру карты. — Общежитие у нас общее на всю Академию. Старое высокое здание в семь этажей.

Вальтер ткнул пальцем в левую часть схемы. На карте там был нарисован вытянутый корпус с башенками и маленькими окнами, обведёнными золотистой тушью.

— Западное крыло. Здесь живут факультеты Света и Стихий. Элита с силой. Живут вместе, потому что, как принято считать, уважают друг друга.

Он на секунду задумался, уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Ну или очень убедительно делают вид.

Палец Вальтера переместился вправо. Восточное крыло на карте было затемнено серыми штрихами; окна там почему-то были нарисованы уже, чем в остальных частях здания.

— Восточное крыло. Тьма и Разум. Деканы решили поселить их вместе, потому что больше никто с ними не уживётся.

Дэррил тихо фыркнул.

— А они друг с другом уживаются?

— Они называют это взаимным невмешательством, — сказал Вальтер. — Что на языке нормальных людей означает: «не трогай мои вещи, не лезь в мои мысли, и, возможно, мы оба доживём до завтра».

Эльза чуть заметно нахмурилась, будто мысленно сделала пометку: избегать восточного крыла после заката. Амалия же против воли взглянула на темноволосого парня справа. Он остался неподвижен, но браслеты на его запястье тихо звякнули, когда он сложил руки иначе.

Вальтер поднял глаза на первокурсников и наконец указал на нижнюю часть карты.

— А это наше крыло. Южное. Мы делим его с Жизнью.

На схеме южный корпус был обозначен зелёной тушью. Вдоль стен художник нарисовал виноградные лозы, круглые окна и что-то похожее на внутренний сад.

— Живём вместе, потому что мы единственные, кто способен жить в мире, — продолжил Вальтер и позволил себе короткую улыбку. — У Жизни нет причин нас ненавидеть, а у нас — ненавидеть Жизнь. Практично, не находите?

— Пока не слишком обнадеживающе, — пробормотал Дэррил. — Нас определили по принципу «эти хотя бы не передерутся».

— А столовая? — неожиданно спросила Эльза.

И тут же, будто сама удивившись своему вопросу, слегка смутилась. На её светлой коже проступил едва заметный румянец, но спину она всё равно держала идеально прямо. Дэррил медленно повернулся к ней с видом человека, обнаружившего родственную душу.

— Кто-то уже проголодался?

Он, заразительно засмеялся, чуть прихрюкивая в конце, из-за чего Амалия едва удержалась от улыбки. Эльза посмотрела на него спокойно, хотя кончики ушей у неё всё ещё розовели.

— Я предпочитаю узнавать обо всём заранее, а не догонять на бегу.

— Ну да, ну да, — Дэррил, казалось, вовсе не собирался отступать. Он хмыкнул, толкнул локтем соседа, рассчитывая на поддержку, но тот лишь отвёл глаза и сделал вид, будто

чрезвычайно занят изучением трещинки в полу. — Книжный червь, значит? Наверняка уже всё расписание выучила наизусть.

— Выучила, в отличие от некоторых, кто, судя по всему, не запомнил даже названия ни одной дисциплины.

Дэррил открыл рот, потом закрыл. На его скулах проступил густой румянец, и самоуверенная улыбка наконец-то дала трещину.

— Да ладно, я просто спросил...

— Прекрасно, — Эльза уже отвернулась от него, словно разговор утратил всякий интерес. — Так где столовая, Вальтер?

Вальтер не удержался от усмешки. Она мелькнула в уголках его губ и тут же исчезла, но Амалия успела заметить: старшекурсник явно получил удовольствие от короткой расправы.

— Отдельное здание рядом с общежитием, — ответил он и кивком указал в сторону высокого окна, за которым в сгущающихся сумерках темнели шпили Академии. — Соединено крытой галереей.

Вальтер ещё несколько минут рассказывал о мелочах, без которых академическая жизнь могла превратиться в череду унижительных неприятностей: где получать учебники и форму, куда сдавать зачарованные вещи на проверку, почему не стоит подниматься на северную лестницу после полуночи и отчего библиотекарь запоминает лица лучше, чем родные матери. Амалия слушала внимательно, но часть её мыслей уже блуждала дальше — к общежитию, к комнате, к новым соседкам и к странному ощущению, что прежняя жизнь осталась где-то за воротами Академии, а впереди ждёт нечто огромное, пугающее и прекрасное.

Наконец Вальтер взглянул на настенные часы. Тонкие стрелки дрогнули, отбрасывая длинные тени на циферблат с выцветшими золотыми цифрами.

— Думаю, на этом всё. Вопросы есть?

Первокурсники молчали. Даже Дэррил, всё ещё уязвлённый, благоразумно промолчал.

— Отлично. Тогда за мной.

Вальтер довёл их до нужной двери в южном крыле и остановился.

— Комнаты — на ваших листках, — бросил он, уже собираясь уходить. — Расписание и правила проживания там же. Завтра в восемь тридцать. Без опозданий.

Он задержал взгляд на Дэрриле чуть дольше, чем на остальных.

— Особенно без героических оправданий.

Дэррил насупился, но ответить не решился. Вальтер развернулся и ушёл по коридору быстрым уверенным шагом. Полы его мантии скользнули за поворотом, и четверо первокурсников остались одни.

Амалия развернула свой листок и нашла строку с жильём.

Комната 47.

Сердце почему-то ударило чуть сильнее. Она подняла глаза на дверь перед собой. На тёмной деревянной табличке были выгравированы три фамилии: *Вогель Э. Брандт А. Зорич М.*

— Мы вместе, — сказала Амалия и обернулась к русоволосой девушке.

Та тоже смотрела на табличку.

— Похоже на то, — кивнула она. — Я Эльза. Эльза Вогель.

— Амалия Брандт.

Эльза стояла, выпрямив спину, и смотрела на Амалию спокойно, без тени смущения. Под мантией угадывалась тёмно-синяя водолазка с высоким воротом и серая юбка — чуть выше колена, простая, но аккуратно отглаженная. Тёмные колготки без стрелок и начищенные до зеркального блеска кожаные ботинки на низком каблуке украшали её стройные ноги. На шее блестела тонкая серебряная цепочка с крошечным кулоном. Амалия смогла заметить в нём светло-зелёный камень, почти прозрачный, в цвет её глаз. Рядом с кулоном висела маленькая бронзовая руна «Защиты», вырезанная вручную. От неё пахло сладко, но не приторно —

мягко, по-домашнему: сушёными яблоками и корицей. Словно она только что вышла из кухни, где томился в духовке свежий пирог.

Амалия толкнула дверь. Комната оказалась небольшой, но чистой. Три кровати вдоль стен, три тумбочки, один общий стол у окна. На одной из кроватей уже лежали аккуратно сложенные вещи — книги, шкатулка, непонятный свёрток.

Эльза выбрала кровать у стены, рядом с тумбочкой, и тут же начала раскладывать вещи. Амалия взяла кровать у окна. Села на край, провела ладонью по тонкому матрасу.

Жёстко, но чисто. В Глиптории было не лучше.

Неожиданно, в дверь постучали — и, не дожидаясь ответа, в комнату влетела девушка с огромной корзиной в руках.

— О! — воскликнула она, окидывая комнату быстрым взглядом. — Хоть кто-то уже здесь! А я боялась, что приеду первая и буду сидеть одна!

Корзина с глухим стуком приземлилась на стол. Амалия заметила торчащие из неё пучки сушёных трав, банку с мёдом и что-то, пахнущее свежим хлебом.

— Мила, — представилась девушка, вытирая руку о джинсы и протягивая её сначала Эльзе, потом Амалии. — Мила Зорич. Факультет Жизни, второй курс. А вы, наверное, мои новые соседки?

Мила была совсем не похожа на них. Каштановые, почти чёрные волосы густыми волнами спадали на плечи — длиной чуть ниже лопаток, пышные и вьющиеся. Несколько непослушных кудряшек вечно выбивались из общей массы и обрамляли лицо. Сейчас они были стянуты в высокий пучок, но пряди уже начали выскальзывать. Кожа смуглая, какая бывает у тех, кто много времени проводит на солнце. Лицо кругловатое, с мягкими чертами, полными губами, которые привыкли улыбаться, и маленькой родинкой на левой щеке. А глаза — карие. Амалия невольно отметила, что пальцы у Милы были крепкими, чуть шершавыми — это были руки человека, привыкшего возиться с землёй, стеблями и глиняными горшками. На тонких запястьях позвякивали браслеты: льняные нити, мелкие бусины и пришитые к ним сухие выцветшие цветы.

Мила принялась разбирать корзину: пучки трав легли на подоконник, маленькие жестяные банки заняли место на столе, свёрток с лепёшками был бережно расправлен на чистой салфетке.

Комната сразу изменилась. Ещё минуту назад чужая, казённая, пахнущая свежесмытым полом и старым деревом, теперь она наполнилась ароматом мяты, сухих цветов и тёплой выпечки. Амалия поймала себя на том, что плечи у неё немного опустились.

Закончив, Мила уселась на кровать, поджала под себя ногу и с открытым любопытством оглядела соседок.

— Страшно? — спросила она без насмешки и ненужной жалости.

Амалия ответила не сразу. В горле отчего-то стало тесно. Она опустила взгляд на руки, всё ещё сжимавшие край дорожной сумки, и лишь тогда заметила побелевшие костяшки пальцев. Эльза тоже промолчала. Она стояла у стола с непроницаемо спокойным лицом. За этим спокойствием могло скрываться что угодно: от полного равнодушия до старательно подавленного волнения.

— Мне тоже было страшно, — призналась Мила. — В первую ночь я плакала в подушку. Тихо-тихо, чтобы никто не услышал.

Амалия подняла на неё глаза.

— А сейчас?

— Сейчас уже нет. — Мила покачала головой. Несколько прядей выбились из косы и легли на щеку. — Поначалу Академия кажется огромной и холодной. Словно ты здесь лишняя. Но потом привыкаешь. Узнаёшь, где чай вкуснее, какие лестницы меньше скрипят и у

какого преподавателя лучше не садиться за первую парту... — Она ненадолго замолчала. — И находишь своих людей.

Мила тепло улыбнулась, а затем вдруг поднялась и потянулась, сцепив руки над головой. Браслеты на её запястьях тихо звякнули.

— Ладно, я в теплицу, пока не стемнело. Нужно полить растения. Вернусь примерно через час. Давайте сегодня поужинаем вместе? В столовой.

— Хорошо, — сказала Эльза.

— Давайте, — кивнула Амалия.

Мила подхватила пустую корзину и ещё раз окинула комнату взглядом, будто проверяя, всё ли расставила по местам. Затем вышла, прикрыв за собой дверь.

Комната сразу стала тише. Эльза взяла верхнюю книгу из своей аккуратной стопки, провела пальцами по потёртому корешку и открыла первую страницу. Читала она сосредоточенно, почти не двигаясь. Лишь взгляд быстро скользил по строчкам, да время от времени едва заметно подрагивал уголок страницы под её пальцами.

Амалия подошла к окну. За стеклом вечер медленно стучался, расплываясь по двору сизой дымкой. Небо теряло цвет: голубое выцветало в серое, серое — в лиловое. Каменные стены Академии темнели, становились строже и выше, будто с наступлением сумерек древнее здание вспоминало свой истинный возраст.

По периметру один за другим вспыхивали фонари. В каждом, за узкими гранями мутноватого стекла, оживала бронзовая пластина с выгравированной руной Света. Сначала символы тлели едва заметно, как угли под пеплом, потом разгорались ровным янтарным сиянием. Амалия читала, что эту систему придумали рунные маги двести лет назад; и до сих пор никто не придумал лучше. Первый день в Академии подходил к концу.

Вечером Амалия, Эльза и Мила спустились в столовую.

— Первый день, — пояснила Мила, оглядывая почти пустой зал, словно заранее извинялась за непривычную тишину. — Многие ещё не приехали, кто-то ужинает со своими. Завтра здесь будет не протолкнуться: шум, сплетни, драки за лучшие булочки... Всё как полагается.

Из-за пустоты столовая казалась особенно огромной. Длинные столы уходили в полумрак, над ними медленно покачивались магические светильники. Где-то у дальней стены звякнула посуда, из кухни потянуло тёплым запахом хлеба и тушёных овощей.

Девушки взяли подносы. Еда оказалась простой: густая каша, ломти тёмного хлеба, маффины с потрескавшейся сахарной корочкой и кипяток в тяжёлых глиняных кружках.

Мила выбрала столик в углу, у высокого окна.

— Вот теперь можно жить, — объявила она, усаживаясь напротив Амалии.

Из кармана она достала маленькую жестяную коробочку с потёртыми краями. На крышке красовался кривоватый венок из ромашек.

— Сама вырастила.

С важностью жрицы Мила открыла коробочку. Внутри лежала смесь сушёных листьев и цветов: мята, Melissa, ромашка и что-то лиловое. Она щедро насыпала травы в кружки и залила кипятком. Над столом сразу поднялся мягкий, зелёный аромат с едва уловимой сладостью летнего сада после дождя.

— В столовой чай так себе, — сказала Мила, поморщившись. — А этот — с мятой, Melissa и секретным ингредиентом. Так что пейте и не спорьте.

Прежде чем взять кружку, Эльза подозрительно прищурилась:

— И что за секретный ингредиент?

Мила выдержала паузу, глядя на неё совершенно серьёзно.

— Любовь.

А потом подмигнула. Эльза тихо фыркнула, но кружку всё же взяла. Амалия невольно улыбнулась — впервые за этот бесконечный день по-настоящему.

Чай оказался удивительно вкусным. Не просто горячим травяным настоем, а чем-то почти домашним. Тепло медленно разлилось по телу: сперва согрело ладони, затем грудь, распустилось под рёбрами и потекло к плечам, к кончикам пальцев. Амалия не сразу заметила, что перестала сжимать кружку, будто держалась за последнюю опору. Пальцы разжались, дыхание выровнялось.

Некоторое время они молчали, поедая свой скромный ужин. Потом Мила рассказала, что до дрожи боится пауков, но однажды три часа вытаскивала из теплицы ядовитую лозу, потому что «растение не виновато, что кусается». Эльза призналась, что не ест рыбу ни в каком виде: в детстве младший брат убедил её, будто жареные караси по ночам мстят тем, кто их съел. Мила рассмеялась так звонко, что кухарка у дальней стойки обернулась и погрозила им половником.

Когда они наконец вернулись в комнату, коридоры Академии уже погрузились в вечернюю полутьму.

Амалия шла чуть позади Милы и Эльзы, слушая их негромкий разговор, и вдруг поймала себя на неожиданной мысли: сегодня она впервые не чувствовала себя совсем чужой.

Эти двое ещё не были её подругами. Для дружбы нужны время, доверие, пережитые вместе радости и неприятности. Но между ними уже протянулась первая тонкая нить.

И Амалия очень надеялась, что эта нить не оборвётся.

Глава 2

На следующее утро Амалия проснулась, когда за окном ещё лежала серая предрассветная мгла, а в комнате уже горела настольная лампа. Мила сидела, поджав под себя ногу, и сосредоточенно перебирала свои травы, раскладывая их по маленьким жестяным коробочкам. Рядом с ней стояла кружка; над ней поднимался тонкий ароматный пар.

— Доброе утро, — сказала Мила, не оборачиваясь, будто почувствовала, что Амалия открыла глаза. — Я заварила чай. Эльза уже в душе, тебе через тридцать минут выходить. Если хочешь успеть позавтракать, лучше поторопиться.

Амалия села на кровати и провела ладонями по лицу, пытаясь стряхнуть остатки сна. Всю ночь ей снилось что-то странное: обрывки голосов, тени в длинных коридорах, холодный блеск камня под босыми ступнями. Она почти ничего не помнила, но тревога осталась.

— Спасибо, — тихо ответила она, принимая кружку.

На этот раз чай пах ромашкой и чем-то сладковатым, медовым. Амалия сделала осторожный глоток, и тепло мягко разлилось по груди, прогоняя мутную тяжесть после беспокойной ночи. Мысли постепенно становились яснее.

— Мила, а у тебя сегодня есть занятия? — поинтересовалась Амалия, согревая пальцы о тёплые стенки кружки.

— Есть. «Основы исцеления». — Мила страдальчески вздохнула и отложила пучок серебристых листьев. Те тихо зашелестели, словно были недовольны вместе с ней. — Скука смертная. Преподавательница — старая зануда, убеждённая, что лечить можно только её методами. Любой другой способ она считает либо шарлатанством, либо личным оскорблением! Старая карга... Но у неё есть доступ к теплицам, так что приходится терпеть.

На мгновение лицо Милы омрачилось, однако уже в следующую секунду в её глазах вспыхнул знакомый азарт.

— Зато потом будет «Травология»! Вот это действительно интересно. Мы сами собираем и сушим травы, готовим настои, варим зелья, учимся правильно вытягивать из растений силу — так, чтобы не погубить их и самим не отравиться. А после — «Призыв фауны». Это почти как дрессировка зверей, только при помощи магии.

Для Амалии всё это звучало настолько необычно, что почти не укладывалось в голове. Она с удовольствием слушала бы Милу ещё долго. Та рассказывала с таким живым восторгом, что даже самые странные названия предметов переставали пугать и начинали манить. Но до первой пары оставалось слишком мало времени.

Я и так в этой мантии выгляжу... ну, скажем так, не очень. Словно меня завернули в занавеску по ошибке. А если ещё и не успею привести себя в порядок — на первой паре все будут смотреть не на доску, а на меня.

Амалия допила чай и поднялась с кровати. Почти одновременно дверь ванной открылась, выпуская в комнату облако тёплого пара. Из белёсой дымки появилась Эльза — с влажными волосами, полотенцем на плечах и неизменно спокойным выражением лица, словно утренняя суета не имела над ней никакой власти.

Ровно через двадцать минут студентки рунного факультета вышли из комнаты.

В коридорах уже кипела жизнь. Хлопали двери, по каменным плитам торопливо стучали каблуки. Воздух был наполнен голосами, запахом свежего хлеба из столовой и едва уловимой горечью магических чернил.

Эльза развернула расписание и на ходу сверилась с аккуратными строчками.

— Первая пара — «Основы магической теории». Профессор Арлан считается лучшим преподавателем факультета Света. Говорят, он умён и не обращает внимания на цвет мантии. — она пожала плечами. — По крайней мере, так написано в справочнике для первокурсников.

— Ты и справочник успела прочитать?

— Он был в списке литературы. — В голосе Эльзы прозвучало лёгкое недоумение, словно Амалия спросила, не забыла ли она утром обуться. — Конечно, прочитала.

Она сложила расписание и двинулась дальше. Амалия задержалась лишь на мгновение. Где-то впереди, за высокими окнами и переплетением галерей, сияла белая башня — яркая, безупречная и отчего-то совсем не гостеприимная.

Амалия крепче сжала ремень сумки и поспешила за Эльзой.

Башня Света находилась в восточной части Академии. Её было видно ещё издалека — она возвышалась над крышами соседних корпусов, белая, сияющая, как зуб дракона, вонзившийся в небо. Стены её были сложены из белого мрамора, который добывали в горах Солардиса. Каждый блок был отполирован так, что в них можно было смотреться, как в зеркало. На солнце мрамор горел светом, чистым и холодным, от которого слезились глаза.

Витражные окна тянулись вдоль всей башни, от земли до самого купола. Стекла были цветными и складывались в огромные картины: паладины, сражающиеся с тьмой; восходящее солнце над горами; маги Света, исцеляющие больных. Купол на вершине башни был сделан из стекла, но не простого, а зачарованного. Он усиливал солнечные лучи так, что даже в пасмурный день внутри царил золотистый полусумрак. Говорили, что в ясную погоду купол видно за десять километров — он сверкал, как вторая луна. У подножия башни росли аккуратные кусты самшита. Дорожки были выложены белым камнем, каждая плитка подогнана друг к другу с ювелирной точностью. Амалия смотрела на эту красоту и чувствовала, как внутри закипает неприятное волнение.

Внутри было светло до рези в глазах. Пол был выложен мраморными плитами с золотыми прожилками. По бокам тянулись золотые колонны. Настоящего золота или искусно выкрашенного бронзового сплава — с первого взгляда было не понять. Каждая колонна была украшена искусной резьбой: восходящее солнце, расправляющий крылья орёл, меч, воткнутый в камень. На стенах, в массивных золочёных рамах, висели портреты бывших деканов. Старики с бородами, женщины с мечами, юноши с книгами — все в белых мантиях, все с идеально прямой осанкой. Потолок уходил высоко-высоко, теряясь в золотистой дымке. Магия, наверное. Или просто искусное освещение. Амалия не стала вглядываться — затекла шея.

Аудитория оказалась с амфитеатром на восемьдесят мест на третьем этаже. Парты были из полированного дерева, а вместо доски в центре аудитории парила магическая панель для письма.

Девушки выбрали места в шестом ряду — достаточно близко, чтобы хорошо слышать преподавателя, и достаточно далеко, чтобы не оказаться у него на виду.

Аудитория постепенно заполнялась.

Студенты в белых мантиях занимали первые ряды, словно эти места по праву принадлежали им. Они переговаривались через проход, перебрасывались шутками и смеялись, не заботясь о том, что их слышат остальные. Над одной из парт вспыхнула крошечная золотая птица, хлопнула крыльями и растаяла в воздухе. В ответ кто-то вызвал россыпь светящихся искр.

Следом вошли тёмные маги. Чёрные мантии с багровой каймой, спокойные лица, цепкие взгляды. Не сговариваясь, они направились в конец аудитории, будто давно привыкли держаться подальше от чужого любопытства. Заняли последний ряд, ближе к выходу, и молча достали тетради.

Амалия невольно проследила за ними взглядом. Один из тёмных — тот, что сидел с краю, — вдруг повернул голову. Их глаза встретились. Он был высок и слишком бледен; на фоне чёрной мантии его волосы казались почти белыми. Холодные глаза смотрели без враждебности — лишь с усталостью, странной для человека двадцати с небольшим лет. Так смотрят те, кому довелось увидеть больше, чем следовало. Тёмный маг едва заметно кивнул ей и отвернулся.

Студенты Стихий заняли места в центре. Их появление принесло с собой новую волну шума. Они хлопали друг друга по плечам, громко спорили о вчерашней карточной партии и перебрасывались колкостями через несколько рядов. Один из них расхохотался во весь голос, и смех взлетел к высокому своду аудитории.

Ученики Разума пришли почти незаметно. Пурпурные мантии бесшумно скользили между рядами. Они садились там, где находили свободные места, открывали книги и тут же погружались в чтение, словно окружающий шум принадлежал иному миру.

Последними появились ещё две серые мантии — Дэррил и Макото. Судя по тому, как оживлённо они переговаривались, парни уже успели подружиться. Они устроились в седьмом ряду, прямо за Амалией и Эльзой.

— Привет, — шепнул веснушчатый Дэррил, наклоняясь вперёд.

— Тише, — осадила его Эльза. — Сейчас начнётся.

Он обиженно засопел, но послушно откинулся на спинку скамьи.

Дверь открылась, в аудиторию вошёл профессор Арлан. Разговоры оборвались один за другим. Даже студенты Стихий притихли, хотя одному из них для этого пришлось поспешно погасить синий огонёк, танцевавший между пальцами.

— Доброе утро, — произнёс профессор, поправляя очки.

Он говорил негромко, однако совершенная акустика башни Света донесла его голос до последнего ряда.

— Я профессор Арлан с факультета Света. Буду преподавать вам «Основы магической теории».

Он сделал паузу, снял очки и неторопливо протёр стёкла краем белой мантии.

— Здесь не имеет значения, какого цвета ваша одежда. Свет, Тьма, Стихии, Разум, Жизнь или Руны — пока вы находитесь в моей аудитории, вы просто студенты, желающие понять, как устроена магия.

Профессор надел очки и обвёл ряды спокойным, внимательным взглядом.

— Если кого-то это не устраивает, дверь за моей спиной. Её никто не запирает.

В наступившей тишине послышался скрип пера, а затем и он стих. Никто не поднялся, тогда профессор Арлан раскрыл лежавшую перед ним книгу. Её пожелтевшие страницы тихо зашелестели.

— Сегодня мы поговорим о том, что представляет собой магия. Не о том, как её применять, — этому вас научат на других предметах. Нас интересует сама её сущность: природа, законы и границы.

Он повернулся к магической панели, и та засветилась — золотистые линии складывались в круг, разделённый на шесть сегментов. Каждый сегмент горел своим цветом.

— Шесть Великих Сил, — профессор указал на доску. — Свет, Тьма, Стихии, Разум, Жизнь и Руны. Не шесть разных видов магии, как принято думать, а шесть способов черпать из одного источника.

— Из какого? — спросил кто-то из первого ряда.

Арлан коснулся пальцем панели. Шесть цветных сегментов плавно пришли в движение, закружившись вокруг единого центра.

— Энергия, из которой соткан наш мир, разлита повсюду: в воздухе, воде и камне, в растениях, животных и людях. Наши предки называли её Искрой. Мы не способны ни создать её, ни уничтожить. Мы можем лишь заимствовать, использовать — и вернуть обратно.

Сегменты продолжали вращаться, то сходясь, то расходясь, но неизменно возвращаясь к общей сердцевине.

— Проблема в том, что каждый человек рождается с предрасположенностью лишь к одной Силе. Иногда — к двум или трём, однако подобное встречается крайне редко. Мы не выбираем свой дар. Нам остаётся только развивать то, что было дано при рождении.

— А если предрасположенности нет? — раздалось с последнего ряда.

Голос принадлежал тому самому тёмному магу с почти белыми волосами. Он сидел, откинувшись на спинку скамьи, и смотрел на профессора с холодным вниманием.

Арлан повернулся к нему.

— Такого почти не бывает. У каждого человека имеется хотя бы зачаточный дар к одной из Шести Сил. Другое дело, что порой он настолько слаб, что развить его невозможно. Тогда человек живёт обычной жизнью, без магии. Но подобные случаи редки.

— А если дара нет совсем? — спросила Эльза. — Если человек рождается абсолютно пустым?

Арлан снял очки, протёр стёкла краем мантии и снова надел. Его взгляд медленно скользнул по рядам — и на мгновение задержался на Амалии. У неё похолодело внутри.

— Такие случаи известны, — произнёс профессор после короткой паузы. — Но они единичны. Их настолько мало, что даже в учебниках им отводят лишь несколько строк в сносках. За последние сто лет в нашей Академии был всего один такой студент.

— И что с ним стало? — спросили с первого ряда.

— Его отчислили через месяц после поступления. Академия не готовит людей, лишённых магии, — продолжил Арлан. — У нас нет для них ни преподавателей, ни учебных программ. Это жестоко, но это правда.

Месяц.

— Куда он ушёл после отчисления? — не отступала Эльза.

— Не знаю. — Профессор пожал плечами. — Не интересовался. Но если вы, мисс Вогель, так беспокоитесь о судьбе гипотетического студента, можете обратиться к декану.

В его голосе не было ни насмешки, ни раздражения — лишь желание закрыть тему. Арлан вновь повернулся к доске.

— Теперь поговорим о законе сохранения магии. Магия не возникает из ничего и не исчезает бесследно. Когда вы колдуете, то черпаете энергию из окружающего мира, придаёте ей нужную форму, а затем возвращаете обратно. Если же вы берёте больше, чем способны удержать и направить, наступают последствия.

— Какие? — спросил один из студентов Стихий.

— Самые разные. От выпадения волос до отказа внутренних органов.

Профессор произнёс это так буднично, словно перечислял возможные перемены погоды. Кто-то нервно усмехнулся, но смех быстро оборвался.

— Максимальный порог у каждого свой, — продолжил Арлан. — Один маг способен извлечь достаточно энергии для полноценного огненного шара. Другому её хватит лишь на крохотную искру. Пытаться превзойти собственный предел опасно. Именно поэтому на первых курсах вас не учат сложным заклинаниям. Прежде всего вы должны определить свой предел. Почувствовать границу, за которой заканчиваются ваши возможности.

Профессор выдержал паузу.

— И научиться останавливаться прежде, чем её пересечёте. Иначе...

Он развёл руками, оставляя последствия воображению студентов.

— Впрочем, лучше до этого не доводить.

По аудитории прокатился возбуждённый шёпот. Кто-то принялся торопливо записывать последние слова, кто-то уже спорил с соседом, а студент Стихий задумчиво рассматривал собственную ладонь, словно впервые допуская, что огонь может обжечь не только противника.

— На сегодня достаточно, — объявил Арлан. — В следующий раз поговорим о Великом Расколе. Тем, кто желает подготовиться, следует прочесть главы с третьей по седьмую. Благодарю за внимание. Вы свободны.

Эльза старательно записала в тетрадь последнее предложение профессора Арлана и убрала тетрадки в сумку.

— Пойдём. У нас сейчас, кажется, «Древние языки и основы рунописи». — Амалия поднялась и закинула ремень портфеля на плечо.

— Не «кажется», — поправила её Эльза. — Точно.

Они рассмеялись и, взявшись за руки, вышли из аудитории вместе с остальными студентами.

— Нам нужно покинуть башню Света. — Эльза уверенно свернула к лестнице. — Третья аудитория, факультет Рун.

— Ты что, выучила карту Академии? — спросила Амалия, едва поспевая за ней.

— А ты нет? — Эльза удивлённо приподняла брови.

— Я просто шла за тобой, — честно призналась Амалия.

— Неплохая стратегия. Работает до тех пор, пока я сама не заблужусь.

Они снова рассмеялись и направились к башне Рун.

По мере того как сияющие галереи факультета Света оставались позади, Академия менялась. Коридоры становились уже, белый камень уступал место тёмным плитам, а золотое сияние магических ламп — неровному пламени факелов. В воздухе пахло железом, воском и старыми книгами.

Здесь Амалии дышалось свободнее. Она ещё не могла назвать башню Рун своим домом, но в её полутёмных переходах чувствовала себя не такой чужой, как среди ослепительной белизны Света. Здесь ничего не пыталось казаться безупречным. Камни хранили следы копоты, на стенах темнели царапины, а перила были отполированы ладонями нескольких поколений студентов.

До нужной аудитории они добирались почти двадцать минут.

Помещение оказалось небольшим — мест на пятьдесят, не больше. Парты поднимались полукругом, словно ступени амфитеатра, так что доска была видна из любого ряда. Стены покрывали схемы рун и древние карты с выцветшими морями и давно исчезнувшими границами. Между ними висели заключённые под стекло свитки.

Амалия выбрала второй ряд; Эльза села рядом и без промедления разложила на парте перо, чернильницу и ровную стопку чистой бумаги, будто готовилась не к первой лекции, а к сражению, исход которого зависел от порядка на столе.

Через несколько минут дверь открылась, в аудиторию вошёл молодой мужчина. Амалия не сразу поняла, почему замерла. Возможно, потому, что он двигался почти бесшумно, с естественной лёгкостью, которая заставляла думать о скользящей по стене тени. Или потому, что оказался гораздо моложе всех преподавателей, которых она успела увидеть в Академии.

Он положил на кафедру кожаную папку и поднял голову. Свет ламп упал на его лицо. Каштановые волосы — тёплого, глубокого оттенка, напоминавшего кору старого дуба, — были собраны на затылке в низкий хвост. Несколько прядей выбились и легли вдоль скул. Мужчина небрежно отбросил их движением головы. Простой, ничего не значащий жест; и всё же Амалия неожиданно забыла сделать вдох.

— Доброе утро, — произнёс он.

Голос оказался низким, спокойным, с едва уловимой хрипотцой.

— Меня зовут Лориан Монтгомери. Я буду преподавать у вас «Древние языки и основы рунописи». А для моего любимого факультета Рун — ещё и «Рунопись».

По аудитории пробежал сдержанный смешок.

Лориан обвёл студентов взглядом. Глаза у него были карими — почти того же оттенка, что и волосы, будто природа выбрала одну краску и решила не искать другой.

Серьгу Амалия заметила не сразу. В левом ухе преподавателя поблёскивал тонкий серебряный гвоздик в форме крошечной руны. Украшение было простым, почти незаметным, однако сам символ показался Амалии странно знакомым. Лориан повернул голову, и серебро

на мгновение поймало свет. Амалия смотрела слишком долго; она понимала это — и всё равно не могла отвести глаз.

— Древние языки — не мёртвые языки, — продолжил Лориан. — Это ключи. К древним знаниям, забытым заклинаниям и утраченным артефактам.

Он говорил без конспекта, неторопливо прохаживаясь вдоль кафедры, и Амалия ловила каждое слово. В его голосе не было ни напыщенности, ни привычной преподавательской сухости. Амалии начинало казаться, что он обращается лишь к ней, хотя взгляд Монтгомери скользил по аудитории, нигде не задерживаясь дольше мгновения.

С первого ряда донёсся приглушённый смешок, Лориан умолк.

— Вам что-то не нравится, мистер?..

— Кроуфорд, — представился юноша в белой мантии, небрежно откидываясь на спинку скамьи. — Просто не понимаю, зачем нам, светлым магам, учиться чертить руны. Это же... ну...

— Руны? — невозмутимо подсказал Лориан.

По аудитории снова пробежал смешок, на этот раз громче. Кроуфорд покраснел.

— Я хотел сказать, что это не наш метод.

— Метод не имеет значения, мистер Кроуфорд. Значение имеет результат. А он таков: без знания древних языков вы не сумеете прочесть манускрипты, в которых описаны сильнейшие заклинания Света. Не сможете пробудить артефакты, оставленные вашими предшественниками. И, что особенно прискорбно, будете выглядеть глупо на экзамене.

Кроуфорд открыл рот, но Лориан поднял ладонь, не позволив ему возразить.

— Руны — один из древнейших языков магии. На нём говорили задолго до появления вашего факультета. Боюсь, придётся потерпеть.

Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

— Начнём с простого. Откройте учебники на двенадцатой странице. Сегодня мы разберём первую руну — Ансуз. Знак знания, речи и откровения.

Аудиторию наполнил шелест страниц. Особенно неохотно за учебники взялись студенты в белых мантиях. Кто-то тяжело вздохнул, кто-то закатил глаза, словно от одного взгляда на древний символ мог лишиться остатков достоинства.

— А чертить обязательно? — спросила девушка с факультета Стихий.

— Обязательно, мисс?..

— София, — ответила она, вздёрнув подбородок.

— Обязательно, мисс София. Черчение помогает запомнить структуру руны, а структура — семьдесят процентов успеха. Остальные тридцать приходятся на интуицию и практику. Если, конечно, вы не намерены всю жизнь полагаться на удачу.

София поджала губы, но промолчала. Лориан повернулся к доске и взял мел.

— Смотрите внимательно. Это сложнее, чем кажется.

Он провёл первую линию, затем вторую, под углом, и остановился прежде, чем завершить знак.

— Руны нельзя рисовать как обычные буквы. У каждой линии есть направление, у каждого излома — значение. Нарушите порядок, и получите пустой символ. Или не тот, который намеревались создать.

Лориан закончил руну. Мел в его пальцах на мгновение вспыхнул золотистым светом, и начертанный знак отозвался мягким гулом. Амалия ощутила вибрацию в груди, будто звук возник не снаружи, а внутри неё.

— Теперь ваша очередь, — Лориан отступил от доски и положил мел на кафедру. — Начертите руну на листах. Пока только на бумаге. К металлу перейдём, когда ваши линии перестанут дрожать.

По аудитории прокатилась волна облегчённых вздохов. Зашуршала бумага, скрипнули отодвигаемые чернильницы.

Амалия опустила взгляд на чистый лист и крепче сжала перо. Ансуз: три линии и круг. Ничего сложного — по крайней мере, так казалось, пока символ находился на доске. Она коснулась пером бумаги и провела первую черту.

Лориан медленно шёл между рядами, время от времени останавливаясь у чьей-нибудь парты. Его голос звучал то справа, то слева: короткие замечания, сдержанная похвала, спокойные указания. К Амалии он подошёл не сразу.

— Мисс Брандт.

Она вздрогнула и едва не размазала чернила.

Откуда он знает мою фамилию?

— Позвольте взглянуть.

Лориан склонился над партой. Вместе с ним пришёл едва уловимый запах старых книг, лёгкого дыма и терпких трав, согретых солнцем. Он положил ладонь на край листа, и его пальцы невзначай коснулись её руки. Амалия замерла.

— Неверный угол наклона, — произнёс он тихо. — Смотрите.

Не дожидаясь ответа, Лориан накрыл её руку своей. Прикосновение было уверенным, почти деловым; и всё же от него по коже пробежало тепло. Его пальцы мягко направили её руку. Перо скользнуло по бумаге, оставляя ровную линию, затем ещё одну и, наконец, почти безупречный круг.

— Чувствуете разницу?

Он говорил у самого её уха. Дыхание коснулось щеки, и Амалия смогла лишь кивнуть.

— Хорошо.

Лориан отпустил её, но на краткое мгновение остался рядом.

— Теперь попробуйте сами и не бойтесь ошибаться.

Он отошёл к соседнему ряду.

Амалия медленно выдохнула, только теперь осознав, что всё это время не дышала. Сердце билось быстро и неровно. Она вновь коснулась пером бумаги, однако понадобилось несколько секунд, прежде чем пальцы перестали дрожать.

Когда занятие подошло к концу, Лориан хлопнул в ладони, призывая аудиторию к тишине.

— На сегодня достаточно. К следующему занятию начертите Ансуз десять раз и принесите три лучших варианта. Перья можно убрать.

Студенты задвигались, захлопали учебниками. Аудиторию наполнили скрип скамей, шелест мантий и возбуждённый гул голосов. Амалия сложила листы в сумку и уже взялась за ремень, когда на парту легла длинная тень.

— Мисс Брандт.

Лориан стоял рядом, заложив руки за спину.

— Задержитесь на минуту.

Она подняла голову. Его карие глаза смотрели спокойно, почти бесстрастно, но в уголке губ прятался намёк на улыбку. Амалия кивнула, чувствуя, как сердце ухнуло куда-то вниз. У двери ждала Эльза. Встретившись с ней взглядом, Амалия коротко кивнула: всё в порядке, иди. Подруга поджала губы, однако спорить не стала.

— Я буду в коридоре, — предупредила она.

Внезапно опустевшая аудитория показалась непривычно большой. Шум удаляющихся студентов быстро стих.

Лориан подошёл к её парте и присел на край соседнего стола. Между ними осталось совсем немного места. Амалия сцепила пальцы, пытаясь унять дрожь.

— Покажите ещё раз, как вы чертили, — сказал он, протягивая ей чистый лист.

Она взяла бумагу и повторила символ. На этот раз перо шло увереннее. Лориан забрал лист и долго рассматривал его, чуть склонив голову. Тёмная прядь упала ему на лицо. Он привычным движением убрал её назад.

— Неплохо, — произнёс он наконец. — Для первого раза. Но вы допустили ошибку, которую поначалу делают почти все.

Лориан взял её перо, обмакнул в чернила и начертил рядом второй символ.

— Видите?

Он придвинул лист обратно, одновременно наклонившись ближе. Серебряная серьга в его ухе блеснула в тёплом свете ламп. Амалия вновь задержала на ней взгляд — дольше, чем следовало.

— Попробуйте ещё раз, — прозвучал бархатный голос Лориана.

Она взяла перо. Пальцы предательски дрогнули, но Амалия заставила себя сосредоточиться. Провела первую линию, затем вторую, сохраняя нужный угол, и замкнула круг.

— Хорошо, вы быстро учитесь, мисс Брандт. У вас есть потенциал.

— Амалия, — вырвалось у неё.

— Что? — Монтгомери поднял бровь.

Отступать было поздно.

— Меня зовут Амалия, — повторила она уже тише. — Можете обращаться ко мне по имени.

Тишина натянулась между ними тонкой струной. На мгновение Амалии показалось, что он рассмеётся или напомним о правилах. Но Лориан лишь внимательно и изучающе смотрел на неё, будто пытался понять, что скрывается за этой внезапной смелостью.

— Хорошо, Амалия.

Её имя прозвучало непривычно в его голосе: медленно, с едва заметной хрипотцой. От этого у Амалии перехватило дыхание. Лориан задержал на ней взгляд ещё на одно мгновение, затем поднялся, одёрнул рубашку и отошёл к кафедре.

— Можете идти, — сказал он уже обычным, ровным тоном. — До следующего занятия. И не забудьте домашнее задание.

Будто ничего не произошло.

Амалия закинула сумку на плечо и направилась к двери, стараясь идти спокойно. Лишь в коридоре она поняла, что ноги слушаются её неохотно.

Эльза стояла у окна, скрестив руки на груди. Увидев Амалию, она оттолкнулась от подоконника и шагнула навстречу.

— Ну? — спросила она без предисловий.

— Что «ну»? — Амалия сделала вид, что не понимает.

— Что ему было нужно? Зачем он тебя оставил?

— Показал ошибки в руне. Сказал, что у меня есть потенциал.

— Потенциал? — Эльза приподняла бровь. — Так и сказал?

— Почти. А что?

Эльза посмотрела на неё долгим, пронизательным взглядом, под которым Амалии захотелось поправить волосы, мантию — что угодно, лишь бы не выдать себя.

— Ничего, — наконец отозвалась подруга. — Просто он странный.

— В каком смысле?

— Не знаю. — Эльза пожала плечами. — Слишком молодой для профессора. Слишком красивый. И эта серьга... На ней древний символ. Я таких прежде не видела.

Она на мгновение умолкла, а затем добавила серьёзнее:

— Просто будь осторожна.

Амалия хотела возразить, но слова не нашлись. Эльза была права: у неё не было причин доверять профессору Монтгомери. Несколько тёплых слов и случайное прикосновение ничего не значили. По крайней мере, не должны были.

— Ладно, — сказала Амалия. — Пойдём. У нас наконец-то обед.

Они направились к лестнице, но ощущение его руки ещё долго не исчезало с её пальцев.

В столовой девушки направились к столу, за которым уже сидели двое их одногруппников в серых мантиях. Заметив их, парни подвинулись, освобождая место.

— Спасибо, — сказала Амалия, ставя поднос на стол.

Эльза села рядом, достала из кармана блокнот и тут же принялась его листать, словно всё, что происходило вокруг, не имело никакого значения по сравнению с мелкими строчками на страницах.

Обед прошёл почти в полном молчании. Дэррил и Макото ушли раньше: они хотели заглянуть в мастерские факультета Рун до начала следующего занятия. Эльза продолжала изучать записи, машинально дожёвывая кусочек хлеба, а Амалия смотрела в высокое окно.

За стеклом тяжело нависало серое небо. Тучи сползались над башнями Академии, обещая дождь.

— Пойдём, — сказала Амалия наконец.

Эльза кивнула, захлопнула блокнот и убрала его в карман.

Они поднялись, взяли подносы и направились к выходу. Амалия не заметила группу студентов в белых мантиях, входивших в столовую с противоположной стороны. Ещё шаг — и она столкнулась бы с одним из них.

Она метнулась влево, парни одновременно шагнули вправо. Амалия попыталась обойти их с другой стороны, но широкоплечий студент с коротко стриженными волосами задел её плечом. Удар был вроде бы случайным, однако достаточно сильным, чтобы поднос выскользнул из рук и с оглушительным грохотом упал на каменный пол.

Звон металла прокатился по столовой, несколько ближайших разговоров оборвались.

— Смотри, куда прёшь, серая, — бросил широкоплечий, даже не подумав извиниться.

Амалия наклонилась за подносом. Щёки обожгло от внезапной, острой злости.

— Это ты меня толкнул.

— Я? — Парень усмехнулся и оглянулся на приятелей. — Слышали? Она говорит, что я её толкнул.

— Может, ты и толкнул, — лениво протянул второй, с длинными светлыми волосами. — Кто же знал, что серые такие хрупкие?

— Такие же хрупкие, как их магия, — добавил третий.

Компания расхохоталась. Эльза схватила Амалию за рукав.

— Пойдём. Они того не стоят.

Амалия знала, что подруга права. Нужно было поднять поднос, развернуться и уйти, не подарив этим людям ни единой лишней секунды. Но она не могла сдвинуться с места, потому что увидела его.

Стефан сидел за одним из дальних столов среди белых мантий. Он не смеялся и не отводил глаз. Просто смотрел на неё — прямо и неподвижно.

Мгновение растянулось до невозможности. В шумной столовой, среди звона приборов и десятков голосов, всё вокруг будто замерло. Амалия ждала, что брат встанет, окликнет её, хотя бы нахмурится, показывая, что происходящее ему неприятно.

Стефан медленно отвернулся. Склонился к соседу и продолжил разговор, словно не узнал её. Словно девушки в серой мантии, стоявшей посреди столовой с упавшим подносом в руках, для него не существовало.

В этот момент из-за спин обидчиков вышла Мариэль Соланж. Амалия запомнила её ещё со вчерашней церемонии. Лучшая студентка факультета Света была высокой и стройной, с без-

упречно прямой осанкой. Длинные платиново-белые волосы, отливавшие серебром, обычно свободно струились до пояса, но сегодня были собраны в строгий высокий хвост.

Лицо Мариэль казалось высеченным из светлого мрамора: острые черты, высокие скулы, тонкие брови, прямой нос. Светло-серые глаза с тёмной каймой смотрели холодно и внимательно, словно за несколько секунд умели отыскать в человеке все слабости.

— Что здесь происходит? — спросила она.

В её спокойном голосе не было даже любопытства.

— Ничего, — широкоплечий пожал плечами. — Серая под ноги полезла.

— Я не лезла, — возразила Амалия. — Он меня толкнул.

Мариэль перевела на неё взгляд. В нём читался отстранённый интерес, с каким рассматривают редкое насекомое под стеклом.

— Ты с факультета Рун?

— Да.

— И как тебе там? Нравится?

— Пока не знаю, — осторожно ответила Амалия.

Мариэль ещё мгновение разглядывала её, затем повернулась к широкоплечему.

— Ланс, отойди. Не устраивай толпу.

— Но она...

— Я сказала: отойди.

Ей не пришлось повышать голос. Ланс нехотя посторонился, напоследок бросив на Амалию тяжёлый взгляд.

Мариэль вновь повернулась к ней.

— В следующий раз смотри по сторонам, — произнесла она всё с тем же холодным спокойствием. — Не все окажутся такими вежливыми, как я.

Она развернулась и ушла к своему столу, где её уже ждали девушки в белых мантиях. Те подвинулись, принимая её в свой круг, и через несколько секунд Мариэль перестала обращать на случившееся какое-либо внимание. Будто Амалия и в самом деле была лишь незначительной помехой на её пути.

Эльза снова потянула подругу за рукав.

— Пошли.

На этот раз Амалия не сопротивлялась.

Из столовой они вышли молча. Эльза не задавала вопросов — возможно, понимала, что сейчас не время, а возможно, просто не хотела вынуждать Амалию говорить. Та была благодарна ей за оба варианта.

До общежития было около десяти минут неспешной ходьбы. Девушки пересекли внутренний двор и прошли мимо фонтана, вокруг которого днём всегда толпились студенты. Теперь площадь опустела. Вода монотонно шептала, разбиваясь о потемневший камень, а над башнями Академии сгущались тучи.

Амалия шла, глядя перед собой, но всё ещё видела лишь одно: как Стефан встретился с ней взглядом и отвернулся.

Оказавшись в своей комнате, Эльза сразу прошла к своему столу, достала стопку книг и перьевую ручку. Её день, кажется, не заканчивался никогда.

Амалия стянула мантию и небрежно бросила её на спинку стула. Та соскользнула на пол, но поднимать её не было ни сил, ни желания. Амалия легла поверх покрывала и уставилась в потолок, где в вечерних сумерках едва проступали тонкие трещины.

Она думала о Стефане. О том, как он сидел за столом среди белых мантий, как встретился с ней взглядом... и отвернулся.

Когда-то Стефан заслонял её от обидчиков. Называл Малей, хотя она всякий раз возмущалась, что уже большая. Таскал за собой в отцовскую мастерскую и позволял перебирать

инструменты, даже те, к которым отец запрещал прикасаться. Когда-то он был её старшим братом.

А теперь?

Воспоминание пришло без спроса — одно из тех, что годами хранятся внутри, тёплые и светлые, пока однажды не оборачиваются болью. Амалия закрыла глаза и позволила прошлому увести её за собой.

*** 10 лет назад

Грозы в Лапидии случались редко. Воздух здесь был слишком сухим, а горы поднимались так высоко, словно не желали пропускать к людям тяжёлые дождевые тучи; но в тот год август выдался непривычно ненастным.

Вода сбегала по крутым улочкам Глиптории, будто по каменным желобам. Она стучала по черепичным крышам, хлестала в ставни, собиралась в тёмные лужи у порогов. В доме Брандтов пахло мокрым камнем, остывшими углями и травами, которые мать развесила под потолком сушиться ещё в начале лета.

Амалии было одиннадцать. Она сидела на подоконнике в своей маленькой комнате, прижав колени к груди, и смотрела на чёрное небо. Каждый удар грома заставлял стены едва заметно дрожать, а её — вздрагивать всем телом. Она зажимала уши ладонями, но грохот всё равно проникал внутрь, словно в горах ворочался во сне древний великан.

— Маля, ты чего не спишь?

Амалия резко обернулась. В дверях босой и взъерошенный стоял Стефан. Судя по сонному лицу, гроза беспокоила его куда меньше, чем необходимость брести через весь дом ради младшей сестры.

— Не называй меня Малей, — по привычке пробормотала она.

— Ага. Значит, не спишь из принципа?

Небо за окном вспыхнуло белым. Несколько мгновений спустя раздался гром, Амалия вздрогнула.

— Гроза, — призналась она шёпотом.

— Боишься?

— Нет.

— Конечно. Ты просто сидишь ночью на подоконнике и зажимаешь уши, потому что так удобнее думать.

Она насупилась, но достойного ответа не нашла. Стефан усмехнулся, подошёл и сел рядом. Подоконник был слишком узким для двоих, поэтому он обнял её за плечи и притянул к себе, не оставив возможности возражать.

— Я с тобой, — сказал он просто.

— А если молния попадёт в дом?

— Не попадёт. Отец ещё в прошлом году поставил на крыше руну Защиты.

— А если она не сработает?

Стефан задумался с таким серьёзным видом, будто ему предстояло решить судьбу всей Глиптории.

— Тогда залезем под одеяло и будем ждать утра.

Амалия подняла голову и недоверчиво посмотрела на него.

— Правда останешься?

— Правда.

Гром прогремел снова, Амалия дёрнулась, и Стефан крепче прижал её к себе, обхватив обеими руками.

— Закрой глаза, — сказал он. — И слушай.

— Что?

— Мой голос, а не гром.

И он заговорил. Стефан рассказывал о горах, на вершинах которых снег не тает даже летом. О магических фонарях, вспыхивающих на закате без огня и человеческого прикосновения. О реке, что серебряной лентой пересекала долину, и о старом мосте, с которого можно было прыгать в воду, если хорошо плавать и если мать никогда об этом не узнает. А потом — об Академии.

Стефан ещё ни разу там не был, но рассказывал так уверенно, словно знал каждый коридор. В его воображении башни Академии подпирали облака, лестницы сами выбирали, куда вести студентов, а в подземельях непременно обитало нечто ужасное, голодное и, судя по всему, крайне заинтересованное в первокурсниках.

— А ещё там библиотека такая высокая, что потолка не видно, — шептал он. — Одни стеллажи до самого неба. И книги все древние, с золотыми обрезами. Некоторые сами открываются на нужной странице.

— Это ты придумал, — сонно пробормотала Амалия.

— Ничего подобного. Когда я поеду туда, то привезу тебе книгу, какую захочешь.

— С картинками.

— Хорошо. С картинками.

— И чтобы не страшную.

— Тогда придётся вырвать страницы про преподавателей.

Она хотела сказать, что книги портить нельзя, но так и не успела. Голос Стефана становился всё тише, шум дождя всё дальше, а гроза постепенно отступала за горы.

Амалия уснула на плече брата. Стефан не ушёл. Просидел рядом до самого рассвета, глядя в залитое дождём окно. И лишь когда гром окончательно стих, осторожно поднял сестру, перенёс на кровать и укрыл одеялом. Тогда Амалия ещё не знала, что однажды окажется в той самой Академии. И что среди всех её чудес не найдёт лишь одного — брата, который обещал всегда быть рядом.

Амалия закрыла глаза, чувствуя, как усталость растекается по телу. Она и не заметила, как провалилась в сон.

Ей снилась библиотека.

Амалия брела между бесконечными стеллажами, касаясь кончиками пальцев потрескавшихся корешков. Книги теснились от пола до самого потолка, теряясь в густом полумраке. Ни окон, ни дверей она не видела. Лишь слабое золотистое сияние плыло вслед за ней, выхватывая из темноты названия на незнакомых языках.

— Ты ищешь меня?

Амалия обернулась.

Лориан Монтгомери стоял в проходе между стеллажами. На нём была простая тёмная рубашка, а обычно собранные волосы свободно падали на плечи мягкими прядями. В левом ухе поблёскивала серьга. Сейчас древний символ сиял особенно ярко, словно внутри серебра тлела крошечная звезда.

— Я не знала, что вы здесь, — сказала Амалия.

Собственный голос прозвучал чужим, приглушённым, будто донёсся издалека.

— Я всегда там, где ты меня ждёшь.

Его губы тронула загадочная, почти пугающая улыбка.

— Ты устала, Амалия, — продолжил профессор. — Я вижу.

— Немного, — выдохнула она.

Но усталости не было. Только странное, тягучее спокойствие, сковывавшее тело и мысли. Казалось, она могла бы остаться здесь навсегда — среди тёмных стеллажей, под его внимательным взглядом.

Лориан протянул руку, и Амалия сделала шаг в его объятия. Она прижалась щекой к его плечу и закрыла глаза. Запах его тела заставил сердце забиться быстрее.

— Всё будет хорошо, — сказал Лориан.

Его голос звучал над ней и одновременно со всех сторон, отражаясь эхом между стеллажами.

— Вы действительно так думаете? — спросила Амалия, не поднимая головы.

— Я уверен в этом.

Монтгомери мягко отстранился. Пальцы коснулись её подбородка. Карие глаза профессора смотрели на Амалию пристально, будто проникали сквозь кожу, читали мысли, извлекали тайны, о которых она сама ещё не подозревала. В них не было прежнего тепла, а у самых зрачков заплясали искорки.

Амалия должна была испугаться, но вместо этого шагнула ближе.

— Амалия, — на выдохе произнёс едва слышно Лориан. — Когда проснёшься, запомни: ты не одна.

— Что это значит?

Лориан оставил её вопрос без ответа. Лишь наклонился и медленно поцеловал её в лоб. Его губы оказались прохладными, а дыхание — обжигающе тёплым.

Серьга в его ухе вспыхнула.

— Увидимся завтра, — прошептал Лориан.

Амалия открыла глаза.

В комнате было тихо. За окном уже стемнело, и зажжённые фонари отбрасывали на потолок дрожащие янтарные блики. Кто-то заботливо укрыл её одеялом — должно быть, Мила.

Амалия лежала, глядя в потолок, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Сон казался слишком настоящим, от этого было тревожно на душе.

Она села, провела ладонью по лицу и уставилась в стену.

Что за сны мне снятся? Да, профессор Монтгомери красив. Даже слишком. Но он профессор. Её преподаватель. И вообще...

Щёки обдало жаром.

Если она ещё раз увидит во сне эту серьгу, то непременно пойдёт к целителю. Или к менталисту. Или к кому-нибудь, кто умеет лечить от глупости.

Амалия со стоном повалилась обратно на подушку.

— «Я всегда там, где ты меня ждёшь», — пробормотала она, передразнивая его вкрадчивый тон. — Как красиво и как подозрительно.

— Проснулась? — раздался голос Милы.

Амалия резко повернула голову. Мила сидела за столом и внимательно рассматривала горшок с цветком, осторожно перебирая пальцами его узкие листья. Эльза устроилась на своей кровати с раскрытой книгой, но, судя по неподвижному взгляду, давно не читала.

— Который час? — хрипло спросила Амалия.

— Почти восемь. Ужин уже начался, — ответила Мила.

— Мы решили, что сегодня тебе лучше остаться здесь, — добавила Эльза, закрывая книгу. — После того, что случилось в столовой. Не хотелось, чтобы ты снова наткнулась на... кого-нибудь. Мы принесли еду с кухни.

Мила кивнула на стол. Там ждали три кружки, тарелка с хлебом, миска варёного картофеля с овощами, кувшин чая и небольшой горшочек варенья.

Амалия снова села и потёрла лицо ладонями. Голова казалась тяжёлой, мысли ворочались медленно. Сон по-прежнему не давал ей покоя, однако рассказывать о нём не хотелось. Особенно о том, как явившийся во сне профессор обнимал её и целовал в лоб. Эльза наверняка посмотрела бы на неё тем своим взглядом, а Мила... Мила, чего доброго, начала бы задавать вопросы.

— Вы не пошли в столовую из-за меня? — спросила Амалия.

— А ты бы нас бросила? — Мила ответила вопросом на вопрос.

— Нет.

Они уселись за стол и принялись за ужин. Некоторое время в комнате слышались лишь звон посуды и тихое потрескивание фитиля в лампе. Эльза отломил кусок хлеба, щедро обмакнула его в варенье и съела с таким невозмутимым видом, словно подобное сочетание было самым обычным делом на свете.

Амалия покосилась на неё.

— Что? — спросила Эльза, заметив её взгляд.

— Ничего. — Амалия улыбнулась. — Просто никогда не видела, чтобы хлеб макали в варенье.

— Рекомендую. Меня дедушка научил. Ты сегодня почти ничего не ела. Лучше налегай на картошку.

— Эльза права. Ешь. — Мила протянула ей уже наполненную тарелку. — Она рассказала, что завтра у вас физическая подготовка. Сил понадобится много.

Затем Мила с энтузиазмом наложила картошки с овощами себе и принялась за еду с такой скоростью, будто не ела по меньшей мере неделю.

Амалия взяла ложку. Есть поначалу не хотелось, но после нескольких кусочков она вдруг почувствовала, насколько была голодна. Тёплая еда успокаивала, чай согревал ладони, а присутствие девочек понемногу развязывало тугой узел у неё в груди.

Когда тарелка опустела, Амалия положила ложку и некоторое время молча смотрела на оставшиеся на дне крошки.

— Я хочу кое-что рассказать, — наконец произнесла она.

Мила перестала жевать и отложила хлеб. Эльза повернулась к ней всем телом.

— У меня есть старший брат. Он уже четвёртый год учится в Академии. На факультете Света...

Амалия замолчала, собираясь с мыслями. Воспоминания нахлынули разом, но она не позволила себе утонуть в них.

— В детстве мы были очень близки. Он всегда заступался за меня, учил всему, что знал сам. А потом уехал в Академию, и всё изменилось. — Она сжала кружку обеими руками. — Сначала он писал. Письма были короткие, но тёплые. Потом стали приходить всё реже. А в последнем было всего три строчки: «У меня всё хорошо. Учёба занимает много времени. Передай привет родителям». Я ответила, но он больше не написал. Когда я поступила, то надеялась, что он обрадуется. Думала, мы сможем поговорить и всё снова станет как раньше. Хотя бы немного.

Мила протянула руку через стол и накрыла её ладонь своей.

— Ты, наверное, слышала о нём, — тихо сказала Амалия. — Стефан Брандт.

Мила замерла. Её пальцы, только что тёплые и успокаивающие, на мгновение напряглись. Она отвела взгляд, а затем снова посмотрела на Амалию с растерянностью и плохо скрытым сожалением.

— Стефан Брандт? — переспросила она. — Золотой мальчик факультета Света? Член Совета лучших студентов?

— Да. — Амалия кивнула. — Он мой брат.

Эльза поджала губы, но ничего не сказала.

— О нём действительно все говорят, — осторожно продолжила Мила. — Он один из лучших на факультете. Его ставят в пример младшим курсам. Говорят, он очень талантливый и... *безупречный*.

Последнее слово прозвучало не как похвала.

— Я не знала, что он твой брат, — добавила она после короткой паузы. — И, наверное, никто не знает. Я ни разу не слышала, чтобы он упоминал сестру.

— В этом и дело. — Амалия горько усмехнулась. — Похоже, он не хочет, чтобы об этом знали. Вчера, в столовой, он посмотрел на меня так, словно мы чужие. Но я всё равно хочу с ним поговорить. Узнать, всё ли у него в порядке. Попросить, чтобы он написал маме... Она каждый день о нём плачет.

Последние слова дались с трудом. Амалия закрыла лицо ладонями, и то, что она так долго удерживала внутри, наконец прорвалось наружу. Она плакала тихо, почти беззвучно. Лишь плечи вздрагивали, а слёзы просачивались между пальцами. Со вчерашнего дня — после церемонии, после встречи в столовой, после того, как Стефан отвернулся, — она убеждала себя, что всё в порядке, что она сильная. Но сейчас сил больше не осталось.

Мила не стала задавать вопросов. Она просто придвинулась ближе и обняла Амалию за плечи, прижав к себе. От неё пахло травяным чаем, землёй и свежим хлебом, и этот простой, домашний запах помог Амалии сделать первый ровный вдох.

Стул рядом скрипнул. Эльза подошла к ним и неловко, словно ещё не привыкла к таким проявлениям чувств, обняла обеих.

Амалия опустила руки и вытерла мокрые щёки рукавом. Веки от слёз отяжелели, но дышать стало легче. Она сделала глоток остывшего, всё ещё душистого чая и посмотрела на подруг. Улыбка получилась слабой, но настоящей.

— Спасибо, что теперь у меня есть вы.

Амалия вновь поднесла кружку к губам, но так и не сделала глотка. Её взгляд упал на тумбочку, где лежал новый конспект по «Древним языкам». На обложке ровным почерком было выведено имя преподавателя: **Лориан Монтгомери**.

— Мила, — позвала она, не сводя глаз с надписи. — Ты ведь училась у профессора Монтгомери в прошлом году? Он преподавал тебе рунопись?

Мила откусила хлеб, неторопливо прожевала и кивнула:

— И рунопись, и «Древние языки». Дважды в неделю по полтора часа. — Она выразительно закатила глаза. — И уж поверь, эти занятия я не пропускала ни разу.

— Почему? — спросила Амалия, стараясь придать голосу безразличие.

Получилось не слишком убедительно.

Мила прищурилась, и на её губах появилась лукавая улыбка

— Потому что он красивый, дурочка. Ты видела его серьгу? А волосы? И то, каким становится его взгляд, когда он говорит о древних рунах? — Она мечтательно вздохнула. — Половину лекций я не слушала. Просто смотрела на него.

— Мила! — возмутилась Эльза, хотя кончики её ушей предательски порозовели.

— А что? — Мила развела руками. — Я не железная. Знала бы ты, сколько раз он проходил мимо моей парты и поправлял положение моей руки... — Она покачала головой, словно одно воспоминание об этом всё ещё сбивало дыхание. — У меня сердце едва из груди не выпрыгивало.

Амалия невольно улыбнулась. От признания Милы стало легче: по крайней мере, она была не единственной, на кого действовало его присутствие. И всё же любопытство внутри не утихло — напротив, разгорелось сильнее, царапая изнутри.

— А он... — начала она и запнулась, подбирая слова. — Он всегда такой? Ну... спокойный, сдержанный.

Мила задумалась. Отодвинула пустую тарелку и сложила руки на столе.

— Если честно, я мало о нём знаю. Он не любит говорить о себе. Но ходили слухи, что до Академии он долго путешествовал по нейтральным землям и изучал древние артефакты. Ещё говорили, будто он был учеником старого магистра, владевшего магией, которой здесь не обучают.

— Какой магией?

Мила пожала плечами:

— Никто толком не знает. Однажды на лекции он обмолвился, что существует магия, которая старше Шести Путей. Что-то, сохранившееся со времён до Раскола. После занятия я спросила, что он имел в виду, а он лишь улыбнулся и сказал: «Это не для этой аудитории».

— И ты так просто отступила? — удивилась Амалия.

— А что мне оставалось? — Мила вздохнула. — Он посмотрел на меня — и я забыла, зачем вообще подошла.

Она усмехнулась, но почти сразу стала серьёзнее.

— Иногда мне кажется, что он видит гораздо больше, чем показывает. И умеет не только преподавать, но и... что-то ещё. Не знаю, как это объяснить.

Амалия смотрела на имя, выведенное на обложке конспекта, и чувствовала, как в груди разливается почти жгучее любопытство.

Библиотека из её сна. Низкий, тёплый голос Лориана. Его пальцы, коснувшиеся её подбородка. И слова, которые всё ещё звучали в памяти так ясно, словно он произнёс их наяву:

«Я всегда там, где ты меня ждёшь».

— Ты что, запала на него? — спросила Мила.

В её голосе сквозила насмешка, но не злая, скорее дружеская и слишком проникательная.

— Нет! — поспешно ответила Амалия. — Просто... он интересный. Как преподаватель!

— Разумеется, — протянула Мила, и в её глазах заплескались лукавые искры. — Как преподаватель. Я тоже именно так говорила.

— Мила! — снова одёрнула её Эльза, на этот раз уже не скрывая улыбки.

— Что? — Мила примирительно подняла руки. — Я всего лишь сказала, что он красивый. И что он ей снился. Я видела, как ты проснулась, Амалия. У тебя было такое лицо, будто во сне происходило нечто очень... приятное.

Жар мгновенно бросился Амалии в щёки.

— Это был всего лишь сон, — произнесла она, стараясь вложить в голос больше твёрдости, чем чувствовала на самом деле.

— Конечно. — Мила подмигнула. — Всего лишь сон. Верю каждому слову!

Она поднялась, собрала пустые тарелки и отнесла их к двери, где стоял поднос для грязной посуды. Вернувшись, Мила присела на край кровати. Весёлость исчезла с её лица, уступив место непривычной задумчивости.

— Послушай, Амалия. Я не знаю, что именно тебе приснилось, и знать не хочу. Но если решишь выяснить о нём больше... будь осторожна. Я видела, как он смотрит на некоторых старшекурсниц. Не на всех — лишь на тех, кто... — Мила нахмурилась, подыскивая подходящее слово. — Кто его заинтересовал. В этом взгляде было что-то странное, будто он не просто смотрел, а изучал их.

Амалия уже открыла рот, желая спросить, что именно подруга имеет в виду, но Мила зевнула, потянулась и нарочито бодрым тоном произнесла:

— Ладно, девчонки, завтра рано вставать. Вам понадобятся силы, чтобы пережить Коргата.

Вскоре в комнате погасли лампы. Эльза ещё некоторое время читала при тусклом свете магического огонька, Мила тихо возилась с цветами на подоконнике, а потом и они улеглись.

Амалия долго лежала с закрытыми глазами, вслушиваясь в ровное дыхание подруг. Перед тем как сон окончательно смежил ей веки, она вновь позволила себе подумать о профессоре Монтгомери — о серебряной серьге, низком голосе и взгляде, который задержался на ней чуть дольше, чем требовала простая вежливость.

Изучал? Или всё-таки просто смотрел?

Ответа она не знала.

Глава 3

Новый учебный день начался с занятия по физической подготовке.

Спортивная арена находилась за Башней Разума и представляла собой огромное круглое поле, окружённое каменными трибунами, которые поднимались уступами вверх. На самой высокой точке, прямо над центральной трибуной, развевались флаги шести факультетов. В центре арены были выложены беговые дорожки, полосы препятствий и площадки для тренировок. Препятствия выглядели внушительно: высокие стены, канаты, свисающие с металлических арок, рвы с водой и бревна, которые надо было перепрыгивать. По краям арены висели щиты с рунами Защиты — чтобы случайное заклинание не вылетело за пределы. Мила рассказывала, что щиты поставили после того, как один студент Стихий случайно разрушил трибуну фаерболом. Студента отчислили, а трибуну пришлось отстраивать заново. Теперь руны на щитах обновляют каждый год — чтобы даже самый сильный файербол не вылетел за пределы поля.

Амалия огляделась. Постепенно поле заполнялось всё больше. Белые мантии, чёрные, синие, пурпурные, зелёные, серые — все смешались в пёструю толпу.

Преподавателя звали мастер Коргат. Он был невысоким мужчиной средних лет, с короткой стрижкой и квадратной челюстью. Его лицо пересекал шрам — от левой брови до подбородка, через нос. Говорили, что он получил его в молодости, сражаясь с демонами на северной границе. Сам Коргат никогда об этом не рассказывал.

Девушки отошли к скамейкам у входа. Амалия стянула серую мантию, оставшись в простой белой футболке и спортивных штанах. Её непослушные рыжие волосы лезли в лицо.

— Готова? — спросила Эльза, затягивая русые волосы в тугую косу.

— Не очень, — честно призналась Амалия.

Они обменялись понимающими взглядами и направились к остальным.

— Доброе утро, — рявкнул мастер Коргат так, будто утро успело лично его оскорбить. — Строиться!

Студенты поспешно вытянулись в шеренгу по росту. Амалия оказалась в середине, Эльза встала рядом.

— Сегодня будем бегать, — объявил Коргат, медленно прохаживаясь вдоль строя с заложёнными за спину руками. — Десять кругов вокруг арены. Затем полоса препятствий. После — силовые упражнения.

Кто-то среди белых мантий недовольно засопел. Коргат остановился и впился взглядом в нарушителя тишины.

— Магия иссякает, — произнёс он отчётливо. — Тело остаётся. Если вы не способны пробежать три круга без передышки, вы не маги. Вы — никто. Размялись и вперёд!

Его голос хлестнул по строю не хуже кнута. Юные маги притихли и без дальнейших возражений вышли на дорожку.

Амалия старалась держаться рядом с Эльзой. Стихийники сразу рванули вперёд, словно три круга были не разминкой, а состязанием, победитель которого получит по меньшей мере королевскую корону. Амалия и Эльза выбрали спокойный темп, стараясь сберечь силы для всей дистанции.

Первый три круга дались легко. На четвёртом ноги налились тяжестью. К началу пятого дыхание Амалии сбилось, а холодный воздух начал обжигать лёгкие.

— Ты как? — спросила Эльза, немного замедлившись.

— Дышу, — выдохнула Амалия. — Пока.

Некоторое время они бежали плечом к плечу, подстраиваясь под шаг друг друга.

— Ты говорила, что родом из Лапидии? — спросила Амалия между вдохами.

— Да, — Эльза смотрела прямо перед собой. — Но не из Глиптории. Я выросла на окраине, почти у самой границы. В маленькой деревне под названием Тихое ущелье.

— Никогда о ней не слышала.

— Ещё бы, — в голосе Эльзы промелькнула усмешка. — Там всего двадцать домов.

Разговор отнимал слишком много сил, и дальше они бежали молча. Остался лишь мерный топот десятков ног, тяжёлое дыхание и хруст песка под подошвами.

К концу последнего круга Амалия почти перестала чувствовать ноги. Едва пересекла условную черту, она опустилась на колени и упёрлась ладонями в холодную землю. Воздух входил в лёгкие с хрипом, обжигая горло. Пот заливал глаза, выбившиеся из пучка пряди прилипли к разгорячённым щекам, но убрать их она не могла — руки мелко дрожали от напряжения.

Эльза опустилась рядом, вытянула ноги и откинулась назад, опираясь на ладони. Щёки у неё покраснелись, тугая коса растрепалась, однако дышала она куда ровнее Амалии. Только грудь поднималась чаще обычного.

— Ты жива? — спросила она, не поворачивая головы.

Ответить сразу Амалия не смогла. Она сделала один мучительно глубокий вдох, затем второй и лишь после этого выдавила:

— Никогда... не любила... бегать.

Коргат не давал им отдыхать. После бега по плану была полоса препятствий. Стены, рвы, канаты, брёвна. Амалия несколько раз споткнулась, ободрала ладонь о дерево, но не остановилась. Эльза рядом чертыхалась сквозь зубы, но тоже бежала. Белые мантии закончили первыми. Они стояли у финиша, смотрели на отстающих и переговаривались. Потом начались упражнения на силу: отжимания, приседания, подтягивания на перекладине. Амалия отжалась десять раз вместо положенных двадцати. Коргат не сказал ни слова, просто поставил галочку в блокноте.

К концу занятия у Амалии болело всё. Она стояла, согнувшись, уперев руки в колени, и пыталась отдышаться. Пот капал с лица. Резинка в какой-то момент слетела с хвоста, и рыжие волосы рассыпались по плечам.

Амалия всё ещё сидела на коленях, чувствуя, как жар ползёт от шеи к щекам, а песок царапает кожу даже сквозь ткань. Она не хотела признавать, что сил подняться пока нет.

Рядом кто-то остановился.

— Держи.

Она подняла голову. Макото протягивал ей бутылку с водой, с аккуратной руной Охлаждения на боку: тонкая линия, петля, короткий росчерк. Из-за неё вода внутри всегда оставалась прохладной, будто только что из горного источника. Его лицо горело тем же огнём, что и у неё, а чёлка прилипла ко лбу, тёмная от пота.

— Спасибо, — выдохнула Амалия, сжимая горлышко бутылки так, будто это была единственная вещь, которая не давала ей рассыпаться.

Рядом тяжело опустился Дэррил. Его волнистые волосы из-за влаги стали почти прямыми, и теперь пряди падали на глаза, мешая видеть. Он едва переводил дух, но в руках у него было сразу две бутылки. Одну он молча протянул Эльзе, вторую прижал к шее, будто надеялся, что холод собьёт жар.

— Ты хорошо бежал, — сказала Эльза, посмотрев на него и забирая бутылку.

— А ты — нет, — тут же отозвался Дэррил, даже не пытаясь быть вежливым. — Ты споткнулась на втором круге.

— Зато не упала.

— Чудом.

Эльза фыркнула, но спорить не стала: спорить сейчас было слишком тяжело. Макото присел на корточки перед Амалией.

— Ты потеряла, — сказал он, протягивая маленькую резинку — ту самую, которой она утром собирала волосы. — Выпала, когда ты упала на полосе препятствий.

— Я не падала, — Амалия взяла резинку, но пальцы дрогнули, и та чуть не выскользнула. — Я грациозно опустила.

— Ты рухнула как мешок с бронзой, — подтвердил Дэррил.

— Я сказала — грациозно.

— Грациозно на колени, — уточнил Макото.

— На колени.

— Лицом вниз.

— Я проверяла, ровный ли песок, — Амалия решила идти до конца. Если уж позориться, то с достоинством.

— Если хочешь, я в следующий раз буду падать, чтобы ты не одна краснела, — Макото говорил так спокойно, что казалось, он и правда готов это сделать.

— Я не краснею, — соврала Амалия.

— Твои щёки думают иначе, — спокойно заметил Макото и сел рядом, вытянув ноги.

Теперь они просто сидели вчетвером на краю беговой дорожки, тяжело дыша и глядя, как другие студенты, ещё полные сил, заканчивают упражнения. Кто-то смеялся, кто-то ругался,

кто-то спорил, кто быстрее. Для них полоса препятствий была вызовом. Для Амалии — почти битвой.

— Тяжёлый день, — наконец выдохнул Дэррил.

— Теперь это наш обычный день, — заметил Макото. — С каждым днём будет всё тяжелее.

Эльза хмыкнула, наклонила бутылку и сделала глоток, будто звук льющейся воды мог заглушить его слова.

— Ты всегда такой оптимист?

— Я реалист, — ответил Макото, не отводя взгляда от дорожки. — Оптимисты сдохли ещё на третьем круге.

Амалия не удержалась и усмехнулась. И тут же закашлялась: горло саднило, и даже усмешка отдавалась болью.

После физподготовки ныло всё. Амалия не помнила, когда в последний раз так сильно болело тело. Каждый шаг отдавался в бёдрах, руки дрожали после отжиманий, а плечи ныли от того, что она слишком сильно сжимала кулаки во время бега.

Выйдя на главную дорогу, Эльза свернула к библиотеке. Ещё в первый день, когда она забирала учебники, ей попала на глаза книга о древних рунических алфавитах. Тогда пришлось оставить её на полке: обязательные тома и без того оказались неподъёмными, и Эльза едва дотащила их до комнаты. Теперь она решила вернуться.

Эльза любила подобные вещи — забытые символы, мёртвые языки, старые свитки с выцветшими чернилами. Она могла просидеть над ними несколько часов, не заметив, как наступил вечер. Не ради контрольной или похвалы преподавателя, а потому, что ей действительно хотелось понять, что скрывается за каждой линией.

Амалия с ней не пошла. У неё не осталось сил ни на книги, ни на разговоры. Хотелось лишь добраться до комнаты, упасть на кровать и хотя бы полчаса ни о чём не думать.

Они разошлись у перекрёстка галерей. Эльза направилась к библиотечной башне, а Амалия свернула в боковой коридор.

Здесь было непривычно тихо. Глубокие окна выходили во внутренний двор, и полуденный свет в них казался густым, медовым. В золотистых полосах медленно кружилась пыль.

В конце галереи кто-то стоял, Амалия заметила его не сразу. Он опирался плечом о косяк приоткрытого окна и держал в руке тонкую самокрутку, из которой лениво тянулся сизый дым. Вторую руку он засунул в карман, чувствуя себя так свободно, словно находился не в академическом коридоре, а в собственной комнате.

Это же тот самый парень с паркета...

Чёрная мантия была небрежно наброшена на его плечи, рукава тёмной рубашки закатаны до локтей. Верхняя пуговица оказалась расстёгнута, открывая тонкую линию ключицы. На загорелом запястье виднелся плетёный браслет с алыми камнями.

Амалия замедлила шаг и тут же рассердилась на себя за это.

Парень уже заметил её. Повернул голову, сделал последнюю затяжку — медленно, будто никуда не торопился, — и выдохнул дым в открытое окно. Его серо-зелёные глаза с золотистыми искрами лениво скользнули по ней и задержались на лице. От тёмного пахло можжевельником, старой кожей и чем-то пряным и горьковатым.

— Рыжая. — низкий голос прозвучал чуть хрипло — то ли от дыма, то ли от долгого молчания.

— Здесь нельзя курить.

— А кто сказал, что я курю? — он снова выпустил дым за окно. — Это лекарство от скуки.

— Похоже, не помогает.

В глазах парня вспыхнул интерес. Амалия сделала шаг, но тёмный не отступил от окна. Коридор был достаточно широким, чтобы обойти его, и всё же ей вдруг показалось, будто он занимает собой всё пространство.

Парень затушил самокрутку о каменный край подоконника, завернул окурочек в клочок бумаги и убрал в карман мантии.

— Тебе бы тоже не помешало лекарство.

— Я не скучаю.

— Я не об этом. Ты вся натянутая, как струна.

— А вы всегда раздаёте советы тем, кого едва знаете?

Парень оттолкнулся от подоконника и лениво подошёл ближе. Расстояние между ними сократилось настолько, что Амалия ощутила исходящее от него тепло. Запах дыма стал сильнее. Он не был неприятным, напротив — в нём обнаружилось что-то опасно уютное. Как в костре посреди ночного леса: хочется протянуть к огню озябшие руки, хотя знаешь, что одно неосторожное движение обожжёт кожу.

Амалия подняла голову. Он оказался выше, чем ей показалось в первый день.

— Ты всегда такая смелая? — спросил он, слегка наклонившись к ней.

— Только когда какой-то псих называет меня Рыжей.

— Значит, это я делаю тебя смелой?

— Не льстите себе.

— Тогда в следующий раз не отвечай, когда я тебя так назову. — Он чуть прищурился. — Сделаю вид, что ты призрак. Будешь проходить мимо, а я стану благородно смотреть в стену.

— Сомневаюсь, что у вас получится.

— Смотреть в стену?

— Быть благородным.

На этот раз он улыбнулся по-настоящему. Улыбка едва тронула уголки губ, но сразу изменила его лицо, сделав моложе и ещё опаснее. Амалия закатила глаза и попыталась обойти его. Парень сдвинулся в ту же сторону. Тогда она шагнула в другую — он снова оказался перед ней. Амалия резко остановилась.

Я тебя сейчас чем-нибудь огрею.

— Что вам от меня нужно?

Он несколько секунд молчал, разглядывая её. В его глазах по-прежнему пряталась насмешка, но теперь под ней проступило что-то ещё.

— Пока не решил.

Амалия сделала шаг вперёд, не оставляя ему выбора. На мгновение между ними почти не осталось расстояния. Её плечо задело край его мантии, пальцы случайно коснулись его руки. Прикосновение было коротким, но по коже пробежала горячая искра.

Амалия вскинула подбородок, хотя сердце билось слишком быстро.

— Пропустите меня.

Он помедлил, затем шагнул в сторону и церемонно склонил голову.

— Как пожелаете, призрак.

Амалия прошла мимо, заставляя себя не ускорять шаг. Она успела отойти на несколько метров, когда он окликнул её:

— Рыжая.

Она остановилась и, поняв, что снова ответила, сердито обернулась. Парень стоял у окна, сложив руки на груди. Улыбка вернулась на его губы.

— Я же сказал не отзываться.

— А я решила проверить, сможете ли вы хотя бы раз посмотреть в стену.

Его взгляд медленно скользнул по её лицу.

— Ты оказалась интереснее стены.

Амалия на мгновение забыла, что хотела сказать, этого ему оказалось достаточно. Улыбка стала шире.

— До встречи, Рыжая.

— Надеюсь, нет.

Она уже собиралась отвернуться, когда он негромко произнёс:

— Кассиан.

Амалия моргнула.

— Моё имя. — он не посмотрел на неё, но уголок его губ снова дрогнул. — Чтобы в следующий раз тебе не пришлось спрашивать.

— Я и не собиралась...

Но Кассиан уже прошёл мимо. В воздухе остался уже знакомый запах дыма, можжевельника и старой кожи. Амалия проводила его взглядом.

Самоуверенный кретин.

Она постояла у окна ещё несколько секунд, прислушиваясь к удаляющимся шагам, а затем вздохнула и направилась к себе. Нужно было переодеться, привести волосы в порядок и успеть на следующее занятие. Впереди была «Рунопись». До начала оставалось пятнадцать минут — достаточно, чтобы собраться с мыслями. По крайней мере, Амалия на это надеялась.

Комната встретила её тишиной. Амалия закрыла дверь, сбросила сумку и опустилась на край кровати. Сняла обувь, стянула носки и уставилась в стену.

Несколько мгновений она сидела неподвижно.

— Кассиан, — тихо произнесла она, пробуя имя на слух.

Парень вызывал слишком противоречивые чувства. С одной стороны, Амалия прекрасно понимала: он маг Тьмы. И Тьма — не просто цвет мантии. Это иные законы, иная магия, иная правда. Никто не мог знать, что у него на уме и зачем он заговорил с ней в пустом коридоре. Возможно, от скуки, как и сказал, возможно, из любопытства. А возможно, по причине, о которой ей лучше было не знать. И всё же она не почувствовала в нём опасности. Ни холода, ни презрения, ни жестокости, которую так любили приписывать тёмным магам. Лишь насмешку, ленивое любопытство и странное внимание, от которого ей до сих пор становилось не по себе.

— Может, я дура, — пробормотала Амалия, поднимаясь.

Она подошла к зеркалу и попыталась пригладить выбившиеся пряди. Волосы не слушались, щёки всё ещё сохраняли подозрительный румянец, а мысли упрямо возвращались к серо-зелёным глазам с жёлтыми искрами. Амалия нахмурилась, словно могла одним строгим взглядом привести себя в чувство.

В кабинете уже привычно пахло бронзой и старой бумагой. Амалия вошла последней. Эльза уже сидела за первой партой, разложив перья и чернила. Макото и Дэррил заняли места у окна и о чём-то тихо переговаривались. В аудитории было всего четыре парты — ровно по числу первокурсников факультета Рун.

Дверь открылась. Лориан Монтгомери вошёл бесшумно, как тень. Серая мантия сидела на нём идеально, серебряная вышивка тускло мерцала при свете ламп. Волосы снова были собраны в низкий хвост. Аудитория тут же заполнилась ароматом старых книг с медовыми нотками.

Если я буду на него пялиться, то профессор точно заметит.

Амалия резко опустила взгляд в раскрытую тетрадь, хотя на странице не было ни одной записи, кроме даты, выведенной слишком старательным почерком. Чернила ещё не успели высохнуть, и последняя цифра чуть расплылась, когда она нечаянно провела по ней краем ладони.

Глупо. До невозможности глупо.

Амалия заставила себя вдохнуть. Запах старых книг, сухой бумаги и чего-то тёплого, медового снова коснулся её так внезапно, что сердце предательски сжалось. Амалия ненавидела, когда тело предавало её раньше мыслей.

Лориан Монтгомери поднял голову. Амалия почувствовала это ещё до того, как его взгляд дошёл до неё. Она знала, что не должна поднимать глаза.

Разумеется, не должна.

Достаточно было вести себя нормально. Сидеть ровно, смотреть в тетрадь, делать вид, что её интересует только предмет. Она пришла сюда учиться, а не думать о том, как серебряная нить на его мантии мерцает при каждом движении плеча. И не о его голосе, который в прошлый раз звучал так низко и мягко, что каждое слово почему-то осталось в памяти. И уж тем более не о его ослепительности и гребаной непревзойдённости...

Нет, профессор Монтгомери более чем «привлекательный». Он выглядит как чёртово произведение искусства.

Перо в её пальцах хрустнуло. Амалия вздрогнула и поняла, что слишком сильно сжала его. В этот момент взгляд профессора остановился на ней. Амалия всё же подняла глаза. Лориан стоял у кафедры, одной рукой касаясь раскрытой папки. Свет лампы ложился на его лицо сбоку, подчёркивая чёткую линию скул и спокойную строгость губ. Сердце ударило так громко, что ей показалось, будто сидящая рядом Эльза должна была услышать.

Перестань.

Амалия опустила глаза первой.

Ты ведёшь себя как ребёнок, Амалия! Он профессор!

Из-за дурацких мыслей Амалия прослушала начало объяснения. Лориан что-то говорил о дисциплине, но слова проходили мимо. Она улавливала только отдельные фразы, а всё остальное время разглядывала его руки.

Да что с ней вообще такое?

— ...Бумага прощает ошибки, — голос Лориана наконец пробился сквозь шум в её голове. — Вы можете стереть линию, перечертить символ, начать заново. Бронза — нет. Каждый штрих остаётся на ней навсегда, поэтому здесь важны точность и терпение. Ошиблись — пластина отправляется в брак. Берёте новую и начинаете сначала.

Амалия выпрямилась и заставила себя сосредоточиться.

— Ваша задача как рунных магов — научиться чертить без ошибок. В реальной опасности времени на вторую попытку не будет. Ошибётесь — и защита не сработает.

Он выдержал паузу, оглядывая аудиторию.

— А потом вас убьют.

Профессор замолчал, давая словам осесть.

— Сегодня будем работать над руной «Альгиз». Это основа для многих защитных заклинаний. Без неё вы не сможете создать даже простейший щит. Данная руна относится к нематериальным, её нельзя запечатать и сделать артефакт. Поэтому сегодня вам не понадобится ни металл, ни бумага. Когда я увижу, что вы справляетесь, перейдем к связкам. Покажу вам, как работают руны в тандеме и как сделать самый простой щит.

Профессор начал чертить линии в воздухе. Пальцы двигались быстро, уверенно, будто он делал это тысячи раз. Амалия смотрела на его руки и не могла отвести взгляд. Через секунду рядом с Лорианом парила золотисто-медная руна. Амалия узнала её — «Ансуз», знак знания и откровения.

— Это базовая форма, — объяснил Лориан. — Для щита вам понадобится вторая руна — «Альгиз», знак защиты.

Профессор нарисовал ещё одну, Амалия никогда раньше не видела её — символ был сложнее, похожий на рога, поднятые вверх — как ветви дерева, защищающие небо.

— «Ансуз» даёт силу. «Альгиз» даёт форму. Вместе они создают щит.

Монтгомери провел рукой и руны соединились воедино. На секунду свет погас, а потом вспыхнул снова, и перед Лорианом навис огромный мерцающий щит. Он был почти прозрачным, но по его поверхности пробежали золотисто-медные волны, переливались, меняли оттенки.

— Это «Страж». Простейший щит. Он держит удар недолго, но для начинающих достаточно.

Амалия замерла. Это было завораживающее зрелище. Не магия, а целое искусство!

— Вот так, — сказал Лориан, и щит растаял, рассыпавшись золотистыми искрами. — Работают руны, когда они соединены правильно. Ваша задача — научиться делать так же. Повторяю, это нематериальная руна, она держится недолго, и способна отразить пару ударов. Не путайте её с руной «Защиты», которая, скорее всего, висит у каждого дома. Теперь вы. «Ансуз» вы уже чертили, поэтому можете переходить сразу ко второй руне, если уверены в себе, конечно же.

Амалия была не уверена в себе, поэтому для начала решила повторить «Ансуз». Чертить в воздухе ей казалось проще, чем на бумаге, и девушке стало казаться что у неё даже неплохо получается. Стоило Монтгомери подойти ближе, как рука стала предательски дрожать, а в груди образовалась дыра. Амалия старалась не думать о том, что Лориан в данную минуту смотрит только на неё — ей хотелось впечатлить профессора своими ровными рунами.

— Не задерживайте дыхание, — произнёс Лориан у самого её уха. — Иначе дрожь только усилится.

Амалия попыталась вдохнуть, но стало лишь хуже.

Лориан не отошёл. Его пальцы бережно обхватили её правое запястье.

— Смотрите.

Лориан поднял её руку и медленно повёл ею в воздухе. Кончиками пальцев Амалия ощущала странное сопротивление, словно они рассекали не воздух, а тёплую воду. Одна линия, вторая, поворот. Её рука двигалась вместе с его рукой, послушная до неприличия. Ладонь профессора была горячей и шершавой от мозолей. Почему у преподавателя рунической магии руки человека, который держал меч чаще, чем перо?

Додумать она не успела. Последний штрих замкнулся — и перед ними вспыхнула руна.

Золотисто-медное сияние раздвинуло воздух. Символ парил над партой, живой и пульсирующий, будто внутри него билось крошечное сердце. Свет ложился на их переплетённые пальцы, скользил по лицу Лориана, золотил его ресницы. В начале урока он уже создавал такую руну, но та принадлежала ему. Эта родилась между *ними*. От этой мысли Амалии стало жарко. Господи, ну что за дурацкая чушь лезет в голову? Это просто упражнение, профессор помогает студентке. Никакого «между ними» не существует.

Его дыхание коснулось её щеки.

Вот дерьмо.

— Чувствуете? — спросил он. Голос был тихим, однако руна отозвалась на него вспышкой.

Амалия всмотрелась в свет. Под кожей покалывало, а в костях запястья дрожало что-то чужое и одновременно до странности знакомое. Пальцы профессора на её запястье сжались чуть крепче. Всего на мгновение, но Амалия заметила. Когда он заговорил снова, в голосе уже не было прежней мягкости.

— Интересные у вас руны, Амалия.

— Это плохо?

— Это необычно.

— Вы всегда отвечаете так, чтобы человеку стало ещё тревожнее?

Она выпалила это прежде, чем успела прикусить язык. Лориан повернул голову. Их лица оказались смертельно близко друг от друга. В глазах профессора блеснуло веселье, быстро

исчезнувшее под привычным спокойствием. Руна вспыхнула в последний раз и рассыпалась медными искрами. Лориан отпустил её руку.

Амалия сразу почувствовала холод.

— Теперь самостоятельно, — произнёс он уже обычным преподавательским тоном, игнорируя её вопрос.

Лориан отошёл к соседней парте.

— Хорошо, мисс Вогель. Идеально. Можете переходить к Альгиз.

Эльза победно улыбнулась Амалии. Та показала ей большой палец, хотя внутри всё ещё дрожало золотисто-медное послевкусие магии.

Следующая руна вышла кривой.

— Да чтоб тебя, — прошептала Амалия.

Ещё одна — лучше. Третья вспыхнула сразу, но погасла, едва родившись. Четвёртая продержалась несколько секунд. С каждой попыткой Амалия всё отчётливее ощущала сопротивление воздуха. Магия больше не казалась чем-то, что случается исключительно с другими. Она была рядом, за тонкой преградой, которую можно было продавить пальцами.

Амалия уже приготовилась перейти ко второму символу, когда голос Лориана разрезал шум аудитории:

— На сегодня достаточно. Практикуйтесь дома. На следующем занятии начнём создавать щит — если ваши руны перестанут рассыпаться от одного неверного вдоха.

Это камень в мой огород?

— Амалия, — позвала Эльза, затягивая ремень сумки. — Дэррил попросил позаниматься с ним. Он уверен, что на следующей лекции профессора Арлана опозорится так, что его вычеркнут из семейной хроники.

— Для этого его имя сначала должно туда попасть.

Эльза фыркнула.

— Передам. Встретимся в столовой через час?

— Договорились.

Подруги попрощались. Амалия сложила записи и накинула сумку на плечо.

— Мисс Брандт.

Ну разумеется.

Она замерла у парты. Лориан сидел за преподавательским столом и что-то записывал в чёрный блокнот. Перо двигалось быстро, оставляя острые, почти колючие строки.

— Похоже, у вас освободился час.

— Я собиралась вернуться в комнату, профессор Монтгомери.

Её пальцы впились в ремень сумки. Жалкая защита, но лучше, чем ничего.

Он закончил строку, поставил точку и лишь тогда поднял голову.

— Вы заметили, что в почти пустой аудитории у вас получается лучше?

— Наверное.

— Не «наверное». — Лориан закрыл блокнот. — В первый день вы едва удерживали руну три секунды. Сегодня продержали её почти двенадцать.

Лориан поднялся и обошёл стол, но остановился на почтительном расстоянии. При остальных он казался частью аудитории — таким же строгим и понятным, как доска или ряды парт. Теперь же пустой кабинет будто сжался вокруг него.

— В группе вы теряетесь, — продолжил он. — Ждёте, что кто-нибудь заметит ошибку раньше вас. Следите за чужими руками вместо своих. Вам страшно оказаться худшей.

Амалия вскинула подбородок.

— Не говорите так, будто знаете меня.

— Я говорю о том, что вижу.

— И что же вы видите?

Лориан чуть склонил голову. Каштановые волосы скользнули по воротнику.

— Девушку, которая заранее злится на весь мир, чтобы не дать ему первой причинить ей боль.

Слова попали точно под рёбра.

Вот же засранец.

Амалия стиснула зубы.

— Вы всех студентов разбираете по косточкам или мне особенно повезло?

— За всеми я наблюдаю, — сухо ответил он. Небольшая пауза изменила воздух между ними. — Но за вами — особенно.

Что-то внутри неё споткнулось. Лориан не улыбался, не пытался смягчить сказанное. Просто открыто смотрел, отчего эта фраза звучала гораздо опаснее любого заигрывания.

— Почему? — спросила Амалия.

— Потому что вы делаете невозможное и ведёте себя так, словно это случайность.

— Я едва зажгла простейшую руну.

— Без магического дара.

Вот оно. Конечно. Рано или поздно разговор всегда приходил к этому.

Амалия умолкла. Лориан приблизился на шаг — не нарушая приличий, но пространство между ними всё равно стало тесным.

— Вы боитесь собственной силы.

От этих слов Амалия коротко, недоверчиво рассмеялась.

— Какой силы? Все в Академии уверены, что во мне пусто.

— Все в Академии ошибаются.

Лориан заложил руки за спину и снова стал выглядеть собранно и недостижимо. Он казался таким правильным, что хотелось чем-нибудь в него швырнуть.

— Я хочу, чтобы вы оставались после занятий дважды в неделю, возможно, чаще, если выдержите.

— Вы предлагаете дополнительные занятия? Зачем вам это?

— Потому что вы не такая, какой вас считают. Я знаю, что вы пришли в Академию, где каждый день вам напоминают, будто вы оказались здесь по ошибке. Знаю, что вы всё равно садитесь в первом ряду. И знаю, что сегодня, испугавшись собственной руны, вы не отступили. Вы создали следующую.

Каждая его фраза сдирала с неё слой за слоем всё то, что она так старательно закопала глубоко внутри.

— Хватит, — выдохнула Амалия, и голос предательски дрогнул.

Лориан замолчал, но было уже поздно. В груди уже разливалась липкая теснота, и она ненавидела себя за это. И ещё за дрожащие губы и противную влагу в глазах.

Только разревётся перед ним ещё не хватало. Это будет просто охренительно.

— Амалия, — тихо произнёс он. — Вы не пустая. В вас есть сила... но она спит слишком глубоко. Возможно, её запечатали, потому что она слишком опасна.

— И вы сможете её разбудить?

— Смогу.

Амалия сглотнула.

— В четверг, после последней лекции, — бросил он, отворачиваясь к окну. — Не опаздывайте.

— Я ещё не согласилась.

— Вы придёте.

Невыносимый человек. Просто невыносимый.

Она уже взялась за ручку двери, когда остановилась. Слова вырвались сами, до того как мозг успел их отредактировать:

— Профессор... Вы сказали, моя сила может быть опасной. А вы не боитесь оставаться со мной наедине?

Лориан медленно обернулся. Едва заметная, мрачная, и совершенно не преподавательская улыбка тронула его губы. Такая улыбка могла принадлежать человеку, который знает о тебе что-то, чего ты сама о себе не знаешь.

— Боюсь, мисс Брандт.

Сердце Амалии дёрнулось и покатилося куда-то вниз.

— Но не вас.

Она выскочила в коридор прежде, чем успела сморозить очередную глупость. Прижала тетради к груди так, будто они могли удержать внутри всё, что вдруг пришло в движение. Но его слова шли за ней по пятам.

«Вы не пустая».

Эта фраза засела в голове, как заноза. Как строчка заклинания, которое она не могла забыть, сколько ни пыталась. Амалия столько раз слышала обратное, что почти срослась с этой мыслью. Почти. А теперь этот человек — один из тех, чьё мнение действительно имело вес, — посмотрел на неё так, будто увидел не бракованную куклу, а тайну. Чёрт. Ей ужасно хотелось поверить. И впервые она позволила себе эту слабость.

До обеда оставалось минут двадцать. Возвращаться в общежитие — бессмысленно. Торчать в столовой раньше времени — сдохнуть со скуки. Нужно проветрить голову, пока мысли не сплелись в какой-нибудь безумный клубок.

Амалия направилась в академический сад. В день приезда она видела его лишь мельком, из окна телеги: зелёные кроны, белые дорожки, блеск воды. Сейчас он раскинулся перед ней за Башней Жизни.

Она обогнула башню и замерла.

Дорожка из серого камня петляла между невысокими деревьями. Конец лета ещё не тронул листву — она только начинала золотиться по краям, будто кто-то осторожно подпалил её огнём. В воздухе пахло влажной землёй, листвой и чем-то сладким — поздние цветы всё ещё цеплялись за клумбы, отказываясь умирать.

Амалия не разбиралась в садоводстве, но кое-что здесь выглядело странно. Одно растение вилось вверх, как пружина, готовое сорваться. У другого листья были фиолетовыми, как сумерки перед грозой. Она уже собиралась потянуться к одному из них, когда сзади раздалось:

— Это драконий коготь.

Амалия вздрогнула и резко обернулась, готовая уже выдать какую-нибудь колкость. Перед ней стоял высокий парень в белой мантии, из-под которой виднелась голубая туника, перехваченная кожаным ремнём. На ремне — ножны. И взгляд Амалии зацепился за них дольше, чем следовало.

Парень это заметил.

— Извини, не хотел напугать, — сказал он мягко.

Светлые волосы падали на лоб, голубые глаза смотрели открыто, без насмешки. И всё же Амалия невольно отступила на полшага, почувствовав за спиной прохладное стекло витрины. Незнакомец смотрел на неё так, будто она была ещё одним странным растением в этом саду. И, чёрт возьми, ей это не понравилось.

— Не бойся, — добавил он, чуть приподняв руки, показывая, что не собирается прикасаться к оружию. — Это знак отличия.

— Какого? — спросила Амалия.

— Я состою в военном клубе. «Стальные клинки». Мы тренируемся обращаться с оружием и отрабатываем бой без магии.

Он похлопал ладонью по ремню, но тут же, будто вспомнив о её настороженности, убрал руку.

— Кинжал — часть униформы. Я только закончил тренировку и ещё не успел переодеться.

Амалия промолчала. Ей хотелось сказать, что наличие кинжала на поясе не становится менее тревожным оттого, что оно называется частью униформы. Но парень выглядел скорее смущённым, чем опасным, поэтому она лишь снова повернулась к растению.

За толстым стеклом тянулся вверх тонкий тёмный стебель. На его конце изгибался длинный алый лепесток, заострённый и блестящий, будто покрытый лаком. Он действительно напоминал коготь — изящный, хищный и немного пугающий.

— Почему драконий? — спросила она.

Парень подошёл ближе, но остановился на почтительном расстоянии.

— Из-за формы лепестков. И из-за ожогов.

Амалия тут же отдернула руку, хотя и не касалась стекла.

Он негромко рассмеялся.

— Через витрину безопасно. Но если сорвать без перчаток, сок оставляет следы, похожие на ожоги от драконьего пламени. По крайней мере, так говорят травники.

— Ты разбираешься в растениях? — спросила Амалия, меняя тему.

— Немного, — парень пожал плечами. — Часто бываю здесь, когда хочется тишины. Заодно запоминаю названия.

— А это что? — Амалия кивнула на фиолетовые листья в соседнем горшке.

Листья были бархатистые, с серебристыми прожилками, и казалось, будто на них осел тонкий лунный иней.

— Лунная мята, — ответил он. — Хорошо растёт в тени. Из неё делают успокаивающий чай. Говорят, помогает от бессонницы.

— Говорят?

— Я пробовал однажды. Уснул прямо над конспектом по защитным печатям. Так что, возможно, правда.

Амалия не сразу нашла с ответом. В этом и было самое странное: рядом с ней шёл студент Света, говорил спокойно, почти по-дружески, без привычной усмешки, без холодного превосходства. И от этого становилось тревожнее, чем от открытой неприязни.

Они миновали небольшой фонтан — не тот парадный, что встречал гостей во внутреннем дворе, с мраморными фигурами и сияющими струями, а совсем иной: скромный, почти спрятанный среди зелени. Каменная чаша его потемнела от времени, по краям расплзся мягкий изумрудный мох, а вода журчала тихо, будто шептала что-то самой земле. Неподалёку, в густой тени старого дуба, стояла скамейка.

— Это дерево посадили в день основания Академии, — сказал парень, замедлив шаг. — Говорят, первый ректор принёс желудь из своих земель.

Амалия подняла голову.

Дуб был огромен. Не просто дерево — древний ящер, вросший в землю задолго до того, как здесь возвели стены. Его ствол, узловатый и широкий, в трещинах, как старая карта, хранил больше секретов, чем вся Академия. Крона уходила в небо, и ветви переплетались в живой шатёр, сквозь который солнце просеивалось редкими золотыми монетами. Они дрожали на дорожке от каждого вздоха ветра и рассыпались, стоило только ступить.

— Ты часто здесь бываешь? — спросила она.

— Когда нужно подумать. Или сделать вид, что я думаю.

В уголках его глаз мелькнул смех. Голубые глаза — слишком ясные для человека, который что-то скрывает. Амалия поймала себя на том, что разглядывает его дольше, чем прилично, и внутри всё настороженно сжалось. Он отвёл взгляд первым — и это было странно. Обычно студенты старших курсов, все эти напыщенные индюки из Света смотрели на неё свысока, с жалостью или скукой. А этот просто... уступил. И указал вперёд:

— А это теплицы. Там растения, которым нужен особый уход. Факультет Жизни трясётся над ними так, будто это не цветы, а наследники древних родов.

Амалия прищурилась, что бы рассмотреть. Стеклянные строения стояли в конце аллеи, залитые солнцем. Их стены мерцали радужной дымкой.

Защитные чары.

— Этим занимается факультет Жизни, — продолжил парень. — Но, если честно, иногда я за ними подсматриваю.

— За растениями? — уточнила Амалия.

Он усмехнулся.

— За процессом. Магия Жизни отличается от нашей. Более... органичная, что ли. Свет — это структура, направление, точность. Луч, грань, отражение. А у них всё растёт, меняется, дышит. Иногда кажется, что они не управляют магией, а договариваются с ней.

Амалия приподняла бровь.

Ну и тип. Строит из себя философа, а сам, судя по всему, лазит по кустам, как мелкий воршика, и делает вид, что это научный интерес.

Она не удержалась:

— Ты сейчас звучишь как человек, который шпионит за чужими грядками и пытается придать этому научное значение.

Парень снова рассмеялся, и они уже молча двинулись дальше.

Сад оказался куда больше, чем казался из окон Академии. Он не просто окружал корпуса — он жил между ними, скрывал их, соединял тайными переходами из зелени, камня и запахов. Каждая дорожка вела к новому открытию. Пруд, где в тёмной воде скользили золотые рыбки с хвостами, как языки пламени. Кусты с сизыми ягодами, которые вспыхивали изнутри, едва на них падала тень. Круглая площадка из белого камня, откуда открывался весь кампус.

— Здесь можно спрятаться, — сказал маг Света, замедляя шаг. — Если Академия вдруг решит окончательно свести тебя с ума.

— Она старается с первого дня. — Амалия усмехнулась краешком губ.

— Значит, ты держись достойно. Пошли, я покажу тебе место, где даже преподаватели не ходят.

Он свернул с основной дорожки на узкую тропинку, почти скрытую густыми кустами. Ветки тут же зашуршали по их мантиям. Одна тонкая веточка зацепилась за рукав Амалии, будто сад решил задержать её и спросить: «Уверена?»

Не уверена, совсем не уверена.

Но почему-то продолжила идти.

— Мы не заблудимся? — спросила Амалия, когда тропинка стала совсем узкой, а за спиной исчез просвет главной аллеи.

— Не волнуйся. Я знаю этот сад как свои пять пальцев.

— Люди, которые так говорят, обычно первыми заводят всех в болото.

— Здесь нет болота.

— Обычно они ещё и врут.

Они прошли ещё несколько минут. Сад вокруг сгущался, становился диким, почти лесным. Птичьи голоса стихли, словно здесь начиналась территория, где даже им полагалось говорить шёпотом. А потом кусты вдруг расступились.

Перед ними открылась маленькая круглая поляна, со всех сторон окружённая деревьями. В центре рос куст с ярко-синими цветами — такими густыми и глубокими по цвету, что они казались не лепестками, а сгустками вечернего неба. От них исходило едва заметное сияние.

— Магическая лаванда. Посадил один препод много лет назад. Потом он ушёл, а куст остался. Никто за ним не смотрит.

— Очень красиво, — восхищенно выдохнула Амалия, и тут же мысленно себе вlepила.

Ну красота, ну восторг, теперь он подумает, что тебя одним кустом можно уболтать, умница.

— Садись. Минут десять у нас ещё есть.

Амалия села так, чтобы между ними осталась ровно одна ладонь. Трава была мокрой, по ней ещё не ушёл утренний туман, и от земли тянуло холодом, а синие цветы в глубине поляны мерцали так, будто внутри каждого заперли глоток лунной воды.

Они молчали. И вот что странно — это молчание её не душило. Не требовало срочно вставить колкость или умный комментарий, чтобы не выглядеть идиоткой.

Амалия смотрела на лаванду и сама не верила в происходящее. Скажи ей кто вчера, что она будет сидеть в заднице Академии, на тайной поляне, рядом со студентом Света, и не чувствовать себя мишенью чужого любопытства — она бы этому гипотетическому человеку прямо в лицо рассмеялась. И, пожалуй, пожелала бы ему поскорее оказаться под ближним проклятием.

— Почему ты показываешь это мне? — спросила она, не поворачивая головы. — Мы же даже не знакомы.

— А это обязательное условие?

— Для тайных полян — вообще-то да.

— Надо внести в устав Академии.

Парень улыбнулся одним уголком рта, сорвал травинку, покрутил её между пальцами.

— Ладно. Потому что ты выглядела так, будто готова была либо рвануть отсюда, либо кого-нибудь проклясть на месте.

— И потому решил утащить меня в кусты?

— В сад, — поправил он с таким достоинством, что стало почти смешно.

— У нас мантии разного цвета. Тебя не смущает?

— Нет. А тебя настораживает?

— Должно. — она медленно кивнула.

— Понимаю, о чём ты. Предрассудки тут растут лучше этой лаванды. Их поливают каждый день — на лекциях, в столовой, на тренировках, даже в библиотеке, между полками, где, казалось бы, пыль и тишина. Но я немного другого мнения.

Амалия смотрела на цветы и пыталась уложить в голове простую, и оттого бесящую вещь: этот разговор не был похож ни на один из тех, что она слышала от студентов Света прежде. Ни снисхождения, ни ленивой улыбки уголком рта. Ни желания влезть в душу, чтобы потом вымыть об тебя руки.

С простыми вещами, Амалия, сложнее всего воевать. С монстром понятно — бей в морду. А вот с таким вот тихим «я человек, а не боевой отряд» — поди разбери, куда прятать нож.

— Звучит почти благородно.

— Осторожнее. Ещё немного — и ты решишь, что я приятный.

Где-то далеко, за кронами, колокол ударил раз, потом второй. Звук просочился сквозь листву и разбил тишину поляны. Парень вздохнул.

— Пора. — Он поднялся, отряхнул мантию; на светлой ткани остались зелёные потёки от травы, и он посмотрел на них так, будто мантия лично его предала. — Опоздаем на обед — начнётся настоящая трагедия.

— Боишься пропустить суп?

— Боюсь остаться один на один с голодными первокурсниками. В них нет милосердия.

Амалия встала следом. Подол мантии зацепился за ветку, и она дёрнула раз, другой — ветка держала крепче, чем следовало. Ругнуться вслух она себе не позволила, но про себя от всей души пожелала этому кусту гореть в трёх мирах.

Он шагнул ближе.

— Можно?

Амалия хотела сказать «сама справлюсь». Это отрепетировано и более безопасно. Руки-ноги у неё целы, магия при ней, какого беса она должна позволять незнакомцу копать в подоле своей мантии? Но он не полез к ней, разрушая личное пространство; и именно это почему-то всё решило.

— Можно.

Парень бережно высвободил край ткани из веток.

— Всегда к вашим услугам, рунная леди, попавшая в плен к кустарнику.

— Ещё слово — и все узнают, где твоя тайная поляна.

Он приложил ладонь к груди.

— Удар ниже пояса.

Они пошли, и Амалия с ужасом поняла, что нарочно замедляет шаг. Что ей не хочется обратно. Мысль была до смешного жалкой: ещё утром она бы поклялась на чём угодно, что эта академия — с её светлыми мантиями, высокими окнами, вылизанной улыбками и правилами, писанными как будто существом без сердца, — навсегда останется для неё наказанием, сроком, который надо отбыть. А теперь ей было жаль уходить с заросшей тропинки, от синих цветов и от этого незнакомого парня, который говорил с ней так, будто она не чужачка среди избранных, не рыжая ошибка в списках, а просто Амалия.

У выхода из сада светлый маг остановился.

— Мне надо подождать друга. — Кивнул в сторону боковой аллеи. — Иди без меня, а то опоздаешь. Мы и так проболтали всё свободное время.

— Спасибо... за прогулку.

Он улыбнулся, и улыбка эта была из тех, от которых потом долго не можешь выровнять дыхание.

— Не за что, рунная леди.

И произнёс он это без насмешки, а наоборот — как настоящее звание.

Амалия моргнула.

— Я не... — начала и запнулась.

Он наклонил голову, и в глазах у него мелькнуло что-то весёлое.

Ну давай, рыжая, выбери способ выглядеть душой. Вариантов, как всегда, три штуки, и все плохие.

Амалия решила не выбирать. Она кивнула — с достоинством, как ей казалось, хотя внутри чувствовала себя человеком, который от души поклонился шкафу, приняв его за ректора, — и пошла к главному зданию.

За спиной — ни слова. И от этого у неё между лопаток горело всю дорогу, до самых дверей.

Имя! Она не спросила его имя!

Я проторчала с ним целый день. Ходила следом по саду, слушала, как он рассуждает про предрассудки и магические цветы; и при этом даже не удосужилась выяснить, как, чёрт возьми, его зовут.

Она закатила глаза так сильно, что на секунду увидела собственные ресницы.

Если Амалия и дальше легко будет позволять незнакомцам так легко входить в её жизнь, к вечеру она пойдёт в запретные катакомбы с каким-нибудь типом в маске — потому что у того «честные глаза» и рот, умеющий красиво складывать слова о луне. А ночью, привязанная к алтарю какой-нибудь заброшенной крипты, будет думать: «Зато как он говорил про приливы».

Амалия обернулась. У входа в сад маг всё ещё стоял. Вернуться? Спросить?

«Прости, милый, я весь день ходила с тобой по таинственному саду, слушала твои умные речи, позволяла ворковать мне что-то про руны — но самую мелочь, твоё имя, спросить, конечно же, забыла.

Она застонала сквозь зубы, и толкнула дверь столовой.

Шум накрыл её, как волна.

После тишины сада зал казался ей почти непристойно живым. Звенели подносы, скрипели лавки, где-то кто-то ржал (именно ржал) над шуткой, которой не суждено было стоять и половины этого восторга. Над рядами столов плыл запах — тёплый хлеб, тушёное мясо, пряные овощи. Уютный запах. Почти как из дома, которого у неё здесь, строго говоря, не было.

Амалия взяла поднос: суп, ломоть ржаного. Суп подозрительно поблёскивал зелёным, как будто его сварили из болотной жижи и чьей-то неосторожной мечты. Амалия наклонилась, принялась. Пахло... съедобно. Что в этом месте уже можно было считать достижением.

Эльза махала ей из дальнего угла, где стол притулился под высоким стрелчатым окном, точно прячась от всего остального шума. Рядом с ней — Макото и Дэррил. А напротив — девушка, которую Амалия раньше не встречала.

Она подошла, поставила поднос, села рядом с Эльзой.

— Привет, — выдохнула она с усталой полуулыбкой.

Ей дружно разом ответили. Незнакомка — нет. Та лишь скользнула по Амалии взглядом, цепким, оценивающим, на грани приличия.

— Амалия, — Дэррил отодвинул тарелку и повернулся к ней всем корпусом, с торжественностью летописца, собирающегося поведать о великой битве. — Мы с Эльзой сегодня были в библиотеке. Я объяснял ей основы магической теории.

Эльза вскинула голову так резко, что волосы хлестнули по плечам.

— Это я тебе объясняла.

— Ну да, — он не смутился ни на секунду. — Мы объясняли вместе. Я говорю — она кивает. Она говорит — я киваю. Идеальный научный союз.

— Ты не кивал, — прищурилась Эльза. — Ты спал.

— Я думал. С закрытыми глазами.

— С закрытыми глазами думают только в монастырях, — вставил Макото, не отрываясь от тарелки.

Дэррил нахмурился.

— А ты-то откуда знаешь?

— Читал.

— Ты читаешь только комиксы.

— В комиксах бывают монастыри.

И тут Амалия рассмеялась. Было в этой перебранке что-то тёплое. После бесконечных занятий, чужих взглядов, странных снов и рун, которые будто шевелились под кожей, эта глупая пикировка была почти роскошью.

Маленький островок нормальности в море, где всё остальное медленно, но верно сходило с ума.

— В общем, — Дэррил снова повернулся к Амалии, явно решив вернуть разговор в нужное русло, — я теперь в теме, Эльза постаралась. Она умеет объяснять и почти не кричит, когда я туплю.

Эльза опустила взгляд в кружку. На щеках у неё проступил едва уловимый румянец, но Амалия его поймала. А потом перевела взгляд на Дэррила, и он отвёл глаза первым.

Вот оно. Значит, не показалось.

Между ними точно что-то есть, догадалась Амалия, — и почувствовала, как внутри одновременно расцвело и тут же сжалось что-то, чему она не успела дать имя. Радость за подругу, потому что Эльза, чёрт возьми, заслуживала, чтобы на неё смотрели именно так: не как на удобную отличницу, не как на вечный «голос разума», которого всегда зовут, когда нужна логика, а как на девушку, рядом с которой хочется стать лучше. А грусть... грусть пришла следом, потому что сама Амалия последнее время ловила себя на том, что ищет в толпе *совсем другой*

взгляд. Тот, от которого сердце делало лишний удар, хотя разум в ту же секунду принимался настойчиво шептать: держись подальше, глупая, ты же видишь, чем это пахнет.

— Раз уж мы закончили обсуждать интеллектуальные страдания Дэррила, — произнёс Макото, — предлагаю перейти к более важному вопросу.

— Если это снова про расписание уборки в комнате, я заранее против. У меня слабое здоровье и врождённая неприязнь к веникам.

Макото закатил глаза.

— Амалия, познакомься. Это моя сестра, Рин.

Она перевела взгляд на незнакомку и сразу же заметила сходство с Макото. Чёрные волосы были стянуты в высокий пучок и заколоты деревянными гребнями, щелевидные цепкие глаза. Та же безупречная собранность. Всё в ней было выверено: осанка, положение рук, наклон головы. Пурпурная мантия факультета Разума в цвет её глаз свободно лежала поверх короткого белого кимоно и фиолетовой хакама. Широкий пояс спадал почти до колен, подчёркивая тонкую талию, строгую линию силуэта. Одежда выглядела чужеродно среди академических мантий, как гостя из другой страны.

— Рин Акияма, — представилась она. Голос оказался ниже, чем Амалия ждала. Ровный, с лёгким холодком, как речная вода, по которой ещё не прошёл лёд.

— Амалия, — ответила та. И почему-то, сама не зная зачем, добавила: — Брандт. Вы очень похожи.

— Рин моя близняшка, — кивнул Макото.

— Приятно познакомиться, — сказала Амалия, протягивая руку.

— У тебя интересная аура.

Амалия растерялась, посмотрела на Рин, ожидая продолжения, а та молчала. Её фиолетовые, чуть прищуренные глаза застыли, и смотрела она уже не на Амалию, а сквозь неё.

Ауры Рин видела с раннего детства. Сколько себя помнила — училась различать их по цвету, по плотности, по едва уловимому рисунку, какой оставляет на них человек, сам того не подозревая. Но такой, как у Амалии, она не видела никогда.

Она была *глубокой* как колодец без дна. Ни цвета, ни рисунка. Ни даже привычной ровной пульсации, на которую настраиваешься как на биение чужого сердца. А где-то на самом дне Рин чувствовала то ли ожидание, то ли сон. Будто внутри этой девушки спало нечто, чему она не решилась бы дать имя.

Она не знала, что это значит. Опасно ли это, или это просто какая-то порода, о которой ей пока не читали?

— Просто редкая, — коротко отрезала она и отвернулась к тарелке.

Грохот стукнувшей о стол кружки разрезал зал, как удар хлыста.

— Повтори-ка, что ты сказал, сопляк?

Амалия обернулась. За соседним столом сидели трое в белых мантиях. Напротив — двое в чёрных. Широкоплечий парень с коротким ёжиком (Ланс, вспомнила Амалия) сверлил тёмного мага насмешливым взглядом.

— Я сказал, — ответил тёмный спокойно, не поднимая голоса, — что ваши светлые заклинания — дешёвый театр. Вспышка, хлопок и никакого толку.

— А твои проклятия? — не отступал Ланс. — Ты хоть одно можешь наложить, не распоров при этом самого себя?

— Могу. Но на тебе проверять не стану — магию жалко.

По соседним столам прокатился смешок. Ланс побагровел.

— Ты, тёмная погань... — начал он, приподнимаясь.

— Ланс. — знакомый светлый маг положил руку другу на плечо. — Остынь.

— Да он же...

— Я сказал — остынь.

И Ланс замолчал. Тёмный маг усмехнулся и отвернулся.

Амалия смотрела на всё это и чувствовала, как у неё каменно сжались плечи. Значит, вот оно как. Конфликт Света и Тьмы — не слухи, не страшилки на ночь, не споры в газетах. Он кипел прямо здесь. В студенческой столовой, среди недоеденного супа и сладковатого запаха корицы, под равнодушными взглядами студентов Стихий и Разума, которым, может, и было то всё равно — пока не коснётся их самих.

Как далеко это может зайти?

Ненависть, если её копить годами, не растворяется. Она не выходит сама, она ждёт и ищет повод — и каждый раз находит. Сплетни, толчок плечом в тесном коридоре. Всё это — мелочи, но именно из них, Амалия знала, вырастает большая беда.

Воскресенье пришло как законная передышка. Занятий не было, преподаватели не охотились за опоздавшими, а стены Академии наконец разрешалось покинуть без особого повода.

Мила предложила посмотреть Белхейвен — ближайший городок. И уже через час девушки шагали по дороге, наслаждаясь свободой.

Белхейвен стоял на нейтральной земле, в стороне от границ шести королевств. Здесь селились люди, не желавшие никому принадлежать: торговцы, ремесленники, фермеры, старьёвщики и упрямцы, считавшие магию ненужной роскошью там, где хватало крепких рук, лошадиной спины и огня в очаге.

Город оказался совсем небольшим. Одна главная улица, вымощенная булыжником, будто камни бросали наугад. Дома с красными черепичными крышами теснились друг к другу, над дверями покачивались расписные вывески. На верёвках между окнами сушилось бельё, у булочной дети гипнотизировали поднос с горячими плюшками, а из открытой кузницы доносился звон металла.

После суровой громадины Академии Белхейвен казался игрушечным.

— Мне туда, — Мила указала на лавку, над входом которой висели пучки сушёных трав.

— А я посмотрю ткани, — сказала Эльза.

Её взгляд уже намертво прицепился к соседней витрине, где лежали рулоны бархата, льна и тонкой шерсти. Амалия подозревала, что Эльза заметила эту лавку ещё на подходе к городу и с тех пор лишь вежливо ждала возможности избавиться от спутниц.

— Тогда я просто поброжу. Встретимся у таверны через час?

Они разошлись. Амалия неторопливо двинулась по улице, разглядывая прохожих и вывески. Впервые за несколько недель над ней не нависали башни Академии. Никто не требовал найти в себе магию, доказать, что её зачислили не по ошибке, или хотя бы вовремя явиться на ужин.

Можно было просто идти. Чёрт, она уже забыла, каково это — просто идти.

У кузницы широкоплечий мужчина с закатанными рукавами опустил раскалённую подкову в воду. Пар взвился перед его лицом, металл зашипел, будто его резали живьём. Из булочной пахло свежим хлебом и корицей. Желудок Амалии предательски сжался. Где-то играла скрипка.

Амалия едва улыбнулась. Ей нравился Белхейвен. Здесь никто не смотрел на неё как на пустую оболочку без дара. Для этих людей она была всего лишь девушкой в академической мантии — возможно, избалованной, возможно, заносчивой, но точно не сломанной. Свобода оказалась неожиданно горькой штукой. Стоило почувствовать её вкус — и возвращаться уже не хотелось.

Внимание Амалии привлёк прилавок с книгами. Старые, потрёпанные, с потемневшими корешками, пахнущие пылью, воском и временем. Старьёвщик, сгорбленный старик с длин-

ной седой бородой, перебирал фолианты и бормотал себе под нос так, будто спорил сразу с несколькими невидимыми покупателями.

— Что ищете, милая?

— Ничего. Просто смотрю.

— Смотреть можно долго, читать обычно полезнее. Конечно, если умеете отличать книгу от кирпича. Хотя некоторые кирпичи написаны куда приличнее того, что нынче печатают.

Амалия невольно улыбнулась. Старик ей уже нравился, хотя он только оскорбил половину современной литературы, даже не подняв головы.

Она провела пальцами по выстроившимся корешкам.

«Травник северных земель».

«Обычаи горных родов».

«История Священного договора».

На следующей книге её рука остановилась. Тонкий томик почти затерялся между двумя тяжёлыми фолиантами. Кожаную обложку истёрли десятки — а может, и сотни — чужих ладоней; выцветшие буквы едва проступали на ней, словно название пытались стереть, но не сумели до конца.

Амалия осторожно вытянула книгу с полки. Переплёт оказался неожиданно тёплым.

Странно.

Она едва не выпустила находку, но заставила себя удержать её. Наверное, кожа нагрелась на солнце.

Обычная старая книга, никакой жутки и никаких причин вести себя как перепуганная дурочка.

— «Легенды об Аэмире», — прочитала она вслух.

При виде книги лицо торговца скривилось так, будто Амалия вытащила из груди не томик, а дохлую крысу.

— А, эта дрянь.

— Вы умеете продавать.

— В мои годы уже можно не стараться. Старые сказки, пророчества, утраченные имена, великие тени прошлого и прочая чушь. У магов от неё загораются глаза, зато кошельки захлопываются намертво. Я купил её за бесценок и готов продать ещё дешевле — лишь бы она перестала занимать место.

Амалия погладила большим пальцем потёртую кожу. Под ним будто что-то дрогнуло.

Глупости.

Она не могла понять, что именно её зацепило. Название? Следы чужих рук на обложке? Или это неприятное, липкое ощущение, будто среди сотен людей, проходивших мимо прилавка, книга ждала именно её?

Чёрт бы её побрал.

— Сколько?

— Одну монету.

Амалия достала монету и положила на прилавок. Затем спрятала «Легенды об Аэмире» в сумку.

У таверны они встретились ровно через час.

Мила волокла мешок с травами и выглядела так, будто только что сторговалась с болотной ведьмой, обманула её на полкроны и теперь ждала проклятия в спину.

— Даже не спрашивайте, — предупредила она.

— Я и не собиралась, — сказала Эльза, прижимая к груди свёрток тёмно-синей ткани.

Пальцы Амалии сами собой легли на застёжку сумки. Под ладонью угадывался твёрдый край старой книги. От кожаной обложки будто исходило слабое тепло — или ей уже мерещилась всякая чушь после слов старьевщика. О своей покупке она решила не рассказывать.

Над Белхейвеном опускался вечер. Город терял дневную резкость: черепица темнела, в окнах один за другим вспыхивали огни, и мостовая блестела янтарём. Дым из труб стлался между крышами, цепляясь за флюгеры и балконы. Где-то звонили колокольчики над дверями лавок, где-то торговец запирает ставни, ворча на поздних покупателей.

Город будто укладывался спать. Они почти добрались до городской арки, когда Амалия услышала:

- ...точно говорю. Я видел.
- Врёшь.
- Чтоб мне пальцы капканом откусило. Видел!

Амалия невольно замедлила шаг.

У старого колодца стояли двое мужчин. По грязным сапогам и ножам у пояса Амалия предположила, что это охотники или лесные рабочие. Один, широкий и рыжебородый, держал ведро, но не спешил его опускать. Второй, тощий, в выцветшей куртке, всё время поглядывал в сторону леса.

- Где? — спросил рыжий.
- За старым амфитеатром. Там, где камни в землю ушли.
- И что ты там забыл?
- Силки проверял.

— В сумерках?

— Да какая разница? — огрызнулся тощий. — Они землю вскрыли. Камни сами расходились, будто... будто под ними что-то дышало.

— Кто «они»?

Его собеседник понизил голос:

— Маги из Академии. Белые мантии и чёрные.

Повисло молчание.

Даже плеск воды в колодце будто стал тише.

— Вместе? — не поверил рыжий.

— Вместе. Светлые стояли по кругу, тёмные копали. А потом снизу донёсся звук.

Мужчины замолчали, заметив Амалию. Оба разом отвернулись. Рыжий принялся возиться с верёвкой, а тощий уставился на небо так старательно, словно впервые обнаружил его существование.

Амалия продолжила идти, вдыхая прохладный вечерний воздух и стараясь не думать о том, что услышала.

За городской аркой их встретила дорога, залитая последним светом. Белхейвен оставался позади, смыкая ставни и зажигая фонари. Впереди темнели холмы, а над ними поднимались башни Академии. Амалия подняла на них взгляд. На самой высокой, там, где не должно было быть ни балкона, ни окна, стояла человеческая фигура. Амалия успела увидеть лишь край длинной мантии и слишком светлые волосы, тронутые ветром. Потом фигура шагнула вперёд. Амалия моргнула, но над башней уже никого не было.

Глава 4

Утро началось с «Истории магии» — предмета, придуманного, видимо, чтобы студенты научились умирать от скуки без применения заклинаний. Преподавал его магистр Олдрик: сухой, бесцветный старик.

— Сегодня поговорим о расколе магии, — произнёс он. — И о том, почему мы всё ещё расплачиваемся за чужие ошибки.

Амалия приготовилась скучать.

— Тысячу лет назад магия перестала быть единой. Люди утратили способность владеть всеми шестью силами. Отныне им подчинялась одна, реже две. Причина неизвестна. Легенды говорят о Сосудах и первом носителе Искры, но доказательств нет. Позже появились Универсалы, способные вместить две или три силы. Их почитали и боялись. Но ни один не овладел магией целиком.

Амалия подумала о Стефане. В двадцать два он получил силу, о которой другие могли только мечтать, но потерял семью. Дерьмовая цена за величие.

— Первый раскол произошёл между Светом и Тьмой, — продолжил Олдрик. — Светлые утверждали, что Хаос разрушает законы мира. Реки текли вспять, камни падали в небо, люди теряли разум. Они потребовали запретить Тьму. Тёмные ответили, что порядок Света — это клетка. Мир без хаоса не меняется. Он гниёт в неподвижности.

С задних рядов донеслось:

— Будто они ошибались.

Олдрик не отреагировал.

— Всё началось с одного сорвавшегося проклятия. Погиб ребёнок. Свет потребовал казнить виновного, Тьма отказалась его выдать; и город раскололся. В том столкновении погибла тысяча человек.

Магистр умолк. Амалия смотрела на написанную мелом дату. Одна чужая ошибка — и тысяча мёртвых. *Какого чёрта люди всегда превращали горе в повод убить ещё кого-нибудь?*

— Через сто лет был уничтожен Храм Шести Сил — единственное место, где маги всех направлений собирались вместе.

На стене висело его изображение: шесть башен, соединённых кольцом переходов.

— Кто его разрушил? — спросил студент впереди.

— Свет обвинил Тьму, Тьма назвала взрыв подставой. Истину так и не установили, но Храм пал. Началась Трёхсотлетняя война. Свет создал паладинов, способных выжигать Тьму из людей. Тёмные проклинали города, насылая болезни и безумие. Стихийники примкнули к обеим сторонам, нейтральных убивали все. Маги Разума ушли в подполье.

— Они всегда были трусами, — бросил кто-то с последнего ряда.

Это был парень в тёмной мантии, с пепельными волосами. Амалия до сих пор не знала его имени.

Олдрик повернулся к нему.

— Выжидать — не значит трусить. Иногда нужно исчезнуть, чтобы однажды вернуться и восстановить то, что остальные сожгли.

— А маги Жизни?

— Лечили всех. За это их убивали обе стороны.

Ну конечно. Спасая людей — получаешь нож под рёбра. Прекрасный мир, очень разумный.

— Рунные маги создавали оружие для тех, кто мог заплатить, — продолжил Олдрик.

— И эти крысы ещё удивляются, что их презирают?

Рыжеволосый стихийник даже не поднял руки. По аудитории прокатились смешки. Амалия впилась ногтями в ладони.

Мы не продавались. Мы выживали.

Слова уже жгли язык, но она проглотила их. Чёртово молчание всегда давалось ей легче, чем драка. И бесило её за это ещё сильнее.

— Выживание редко выглядит достойно со стороны. Особенно для тех, кому никогда не приходилось выбирать между совестью и могилой.

Смешки оборвались.

— Война длилась триста лет, число погибших неизвестно. Счёт потеряли в первое десятилетие. По некоторым записям, треть населения не умерла, а исчезла. Осталась на проклятых землях, где ветер до сих пор обнажает человеческие кости.

Магистр снял очки и протёр их. Его рука заметно дрожала. Впервые Амалия увидела не занудного старика. Перед ней стоял человек, для которого эта история почему-то не закончилась тысячу лет назад.

— На следующем занятии обсудим Кровавое перемирие. Прочитайте первые пять глав. И подумайте: сумели бы вы остановить войну? Чью сторону выбрали бы?

Никто не потянулся за вещами. Вопрос завис над рядами, неприятный и острый. Каждый наверняка хотел представить себя героем. Амалия — нет. Она уже знала, как легко человек выбирает правильную сторону, когда ему не приходится за неё умирать.

— Свободны, — произнёс Олдрик и отвернулся к окну.

После обеда Амалия снова пошла в Академический сад. Она села на скамейку под старым дубом и достала из сумки книгу, купленную в Белхейвене.

«Легенды об Аэмире».

Текст был старым, некоторые слова Амалия вовсе слышала первый раз.

«В начале не было ничего. Пустота и Бездна. Говорят, что первое слово произнесла Матерь — существо без формы и имени. Она сказала: «Да будет» — и из пустоты родилась Искра — первоматерия, из которой состоит всё сущее. Искра взорвалась и ударила в первого человека. Это был Аэмир — первый маг, первый Сосуд. Внутри него жила чистая, неразделённая магия — та самая Искра, из которой позже возникли шесть Великих Сил. Аэмир мог использовать любую магию. Он был всем. И никем одновременно — потому что его собственная личность была лишь оболочкой для колоссальной силы.

Аэмир прожил тысячу лет. Он основал первый город, написал первые законы, научил людей выращивать хлеб и лечить раны. Но сила внутри него росла. И однажды он не выдержал. Искра разорвала его на части — и из каждой части родилась одна из Великих Сил. Так появились шесть магий. А Аэмир рассыпался в прах, оставив после себя только пророчество:

«Придёт новый Сосуд, но он не будет магом. Он будет пустым. И в эту пустоту войдёт вся магия мира — или ничего не войдёт. Сосуд выберет сам. И тогда мир либо спасётся, либо сгорит»»

Амалия закрыла книгу с тихим хлопком и уставилась на обложку, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, а дыхание сбивается.

Новый сосуд. Что, если это не просто легенда? Что, если это... обо мне?

— Не помешаю?

Амалия подняла голову так резко, что прядь рыжих волос соскользнула ей на щёку.

В трёх шагах от скамейки стоял тот самый голубоглазый маг. Белоснежная мантия с золотой вышивкой ложилась по плечам без единой складки. На груди, у воротника, тонко поблёскивал знак его факультета. В руке он держал небольшое яблоко, уже надкусанное, и вид у него был такой непринуждённый, словно он не только что застал её врасплох с подозрительно древней книгой, а просто вышел прогуляться по саду. Хотя, может, для светлых магов это одно и то же.

— Прости, не хотел мешать, — сказал он и без приглашения опустился рядом. Амалия уловила запах яблока и нагретой солнцем ткани. — Увидел знакомую рыжую макушку и решил проверить, кому она принадлежит.

Амалия захлопнула книгу и поспешно убрала её в сумку.

— Здесь хорошо думается, — произнесла она, изобразив спокойствие.

Парень протянул руку, будто только сейчас вспомнил, что у приличных людей имеются имена.

— Мы уже встречались, а я так и не представился. Дормиэль.

— Амалия.

Его ладонь оказалась тёплой.

— Как прошли выходные? — Он снова надкусил яблоко, не отводя от неё взгляда.

— Ездил в Белхейвен с подругами.

— Жаль, меня не выпустили дела. — Дормиэль откинулся на спинку скамьи. — В следующий раз составлю тебе компанию.

И почему это прозвучало не как предложение, а как уже принятое решение?

— Посмотрим, — с притворной строгостью ответила Амалия. — Почему ты остался в Академии?

— Клуб, тренировки, дополнительные занятия. Иногда день состоит из одних обязанностей, а ночью пытаешься вспомнить, какого чёрта вообще на них согласился.

Он повернулся к ней. Между ними осталось неприлично мало воздуха.

— Ты сегодня не здесь, — сказал Дормиэль.

— Вообще-то я сижу рядом с тобой.

— Телом — да.

Амалия вскинула бровь. Вот же наблюдательный. Некстати, зараза.

— Можешь не рассказывать, но если однажды захочешь... — он чуть подался к ней.

— Ты всегда такой добрый?

— Нет. — Дормиэль усмехнулся. — Когда злюсь, могу быть очень неприятным. Свет тоже может ослепить и обжечь.

Смотрю на тебя и мне хочется смеяться от таких слов.

Взгляд Дормиэля опустился к её сумке.

— «Легенды об Аэмире», — произнёс он.

Амалия перестала дышать.

— Ты знаешь эту книгу?

— Слышал о ней. Дед говорил, что в ней есть ответы на многие вопросы. И ещё больше загадок.

Он улыбнулся краешком губ, но улыбка вышла задумчивой.

— Ты не читал?

— Не довелось. Такие книги редко попадают в руки случайно.

Амалия невольно подумала о старьёвщике в Белхейвене, о пыльном прилавке. И о странном чувстве, будто потёртая книга ждала именно её.

— Мне пора, — сказал он. — Скоро тренировка.

— Опять обязанности?

— Они скучают без меня.

Амалия улыбнулась. Дормиэль ответил кивком и поднялся.

— Приятно было наконец познакомиться, рунная леди.

— Взаимно, Дормиэль.

Кассиан шёл на тренировку «Стальных клинков». Боевой зал находился в восточной части Академии, рядом с башней Света, но Кассиан всегда выбирал кругной путь — через

парк, где царилла благословенная тишина, а редкие прохожие не задавали лишних вопросов и не бросали косых взглядов на его тёмную мантию.

Мантия болталась на его плечах, как доспех, который ему давно мал по размеру, а закатанные рукава открывали вид на вены, по которым, казалось, тёк чистый адреналин вперемешку с тьмой. И эти шрамы... тонкие белые нити на предплечьях, свидетельства того, что Кассиан не просто учился магии — он её выгрызал. В зубах он мучил потухшую самокрутку, перетирая фильтр в труху. Курение в Академии — это прямой билет в карцер, но Кассиану было плевать. Ему просто нужно было это ощущение чего-то горького и осязаемого на языке, чтобы не сойти с ума от собственного гудения в голове.

Он вывернул из-за угла и... блять. Ноги будто в дерьмо вросли.

В конце аллеи, под дубом, который выглядел старше самой смерти, сидела она. Рыжая. Солнце беспардонно лапало её волосы, превращая их в пожар, и рассыпалось искрами по коленкам. А прямо рядом с ней — белое пятно, от которого у Кассиана мгновенно скрутило внутренности.

Дормиэль. Долбаный староста Света.

На тренировках этот тип всегда выглядел так, будто у него в заднице стальной стержень: спина прямая, взгляд чистый, как у святого, и эта вежливая улыбочка, от которой хотелось вмазать ему по лицу просто для того, чтобы проверить, пойдет ли из носа кровь или радужный нектар. Дормиэль был слишком правильным, слишком отполированным. Идеальный продукт системы. От одного его вида у Кассиана кожа начинала зудеть, как от чесотки.

Они трепались. Кассиан не слышал слов — ветер уносил их, оставляя лишь мягкий гул голосов, похожий на мурлыканье. Рыжая слушала его, чуть наклонив голову, и эта её дурацкая улыбка... Она светилась.

Кассиан стиснул зубы так, что в челюсти что-то хрустнуло.

Дормиэль что-то объяснял, плавно взмахивая рукой, и — о боги — эта его фирменная ямочка на щеке. Та самая, на которую велись все первокурсницы, задыхаясь от восторга. Дешевый трюк. Ловушка для наивных дур. Кассиан видел, как этот «светлый» узел на запястье затягивается: сначала они тебе улыбаются, а потом душат своими правилами и ожиданиями, пока ты не превратишься в такую же безликую хрень в белом.

Сука, да почему она так на него смотрит?

Это не была ревность. Ревность — это для тех, у кого есть чувства, а Кассиан давно выжег их к чертям. Это была просто ярость от того, насколько приторно и лживо выглядела эта сцена. Он знал, чем пахнут такие, как Дормиэль. Не лавандой и не благородством. Они воняли расчетом и холодной, как лед в морге, убежденностью в своей правоте.

Кассиан должен был свалить. Развернуться и уйти в тени, где ему и место. Но ноги не слушались. Он стоял и смотрел на её лицо, пытаясь понять: она реально такая слепая или ей просто нравится этот сладкий яд?

Дура.

Влюбится — и пропадёт. Влезет в их светлую паутину, поверит в правильные речи, в правильные поступки, в правильных людей. А потом однажды посмотрит в зеркало и не поймёт, куда, к чёрту, делась сама.

Рыжая снова улыбнулась. Кассиан отвернулся так резко, будто улыбка предназначалась ему и ударила прямо под рёбра. Выплюнул потухшую самокрутку на мокрую землю и втоптал её каблуком в грязь.

Хватит. Он развернулся и зашагал прочь, запретив себе оглядываться. Не помогло.

Она увязалась за ним без спроса: рыжие волосы, в которых бесстыдно копалось солнце; белая мантия рядом с ней; её запрокинутое к Дормиэлю лицо. Её проклятый взгляд.

Кассиан видел её в первый день. Она стояла посреди незнакомой толпы — взъерошенная, настороженная, слишком маленькая для этого мира и слишком упрямая, чтобы это показать.

Испуганные глаза бегали по чужим лицам, а пальцы в кармане так крепко сжимали какую-то пластину, будто та удерживала на месте весь её прежний мир. Тогда Кассиан лишь скользнул по ней взглядом.

Ещё одна. Ничего особенного.

А потом она заговорила.

— Я ищу кое-кого.

Рыжая произнесла это без дрожи, без липкой осторожности, которая появлялась в чужих голосах сразу после того, как люди замечали его тёмную мантию.

Кассиан до сих пор не понимал, что именно тогда застряло у него под кожей. Может быть, то, что она не отступила? Не посмотрела на него как на бешеную тварь, которую пока не убили лишь из-за правил Академии? Не спряталась за дежурной улыбкой?

Она просто смотрела, а в её светлых глазах не было ни страха перед тёмным магом, ни привычной брезгливости, ни осторожного любопытства.

И именно это бесило сильнее всего, потому что какая-то особенно тупая часть Кассиана захотела ей поверить. А он слишком хорошо знал, во что обходится подобная роскошь.

«Ты идиот», — бросил он себе и ускорил шаг.

Мантия хлестала по ногам. Ветер цеплялся за волосы, лез за ворот, холодил разгорячённую кожу. Кассиан шёл быстрее, словно мог оставить собственные мысли позади.

Конченный идиот, если решил, что она не такая, как остальные.

Кулаки сжались сами собой. Ногти впились в ладони, и короткая, ясная боль оказалась почти приятной.

Они все одинаковые. Сначала смотрят открыто, будто и правда видят в тебе человека. Потом узнают достаточно — и начинают бояться. Или, что ещё мерзее, решают, что тебя можно использовать.

Светлые. Тёмные. Мантии менялись. Дерьмо под ними — редко.

Он свернул под аркаду. Здесь солнце обрывалось у самого порога, а холодный камень хранил запах сырости, пыли и старой магии. По стенам тянулись стёртые руны, похожие на шрамы, которые здание давно перестало прятать.

Только в этой тени Кассиан позволил себе остановиться. Закрыв глаза, медленно выдохнул сквозь зубы. И натянул на лицо привычное равнодушие.

Если Рыжая решила довериться Дормиэлю — это её выбор. Не его дело и забота. И уж точно, мать его, не его боль.

Кассиан открыл глаза и пошёл дальше, но внутри, назло каждому разумному доводу, всё ещё стоял старый дуб. На залитой солнцем скамье сидела девчонка с глазами цвета воды под первым льдом. И улыбалась не ему.

После очередного занятия Амалия и Эльза возвращались в общежитие.

День клонился к вечеру. Академия постепенно меняла голос: дневной гул аудиторий стихал, в коридорах становилось просторнее, а из высоких окон на каменные стены ложился тёплый янтарный свет. Девушки свернули на главную аллею, обсаженную старыми липами, и Амалия вдруг замедлила шаг.

За Башней Стихий, на открытой тренировочной площадке, шло занятие.

Около десятка студентов стояли полукругом перед преподавателем — юноши и девушки в синих мантиях. Сейчас они были в простых туниках и штанах, с закатанными рукавами, расчёпанными волосами и сосредоточенными лицами. В центре площадки расхаживал коренастый мужчина с рыжей бородкой. Он что-то объяснял, резко жестикулируя, и его голос доносился до аллеи обрывками: короткие команды, замечания, нетерпеливое покашливание.

Потом преподаватель отступил в сторону, и студенты начали упражнение. Парень с короткими тёмными волосами вытянул руку вперёд. На раскрытой ладони вспыхнул огненный

шар. Пламя переливалось оранжевым и алым, плясало на его коже, не обжигая, отбрасывало на землю цветные тени. Парень медленно перекатил шар по пальцам, ловко перебросил его с одной руки на другую, будто жонглировал раскалённым плодом, а потом резко сжал кулак. Огонь погас. В воздухе остался только тонкий дымок и едва уловимый запах гари.

Рядом рыжая веснушчатая девушка подняла обе руки. Она нахмурилась так сосредоточенно, будто пыталась удержать не воду, а собственное дыхание. Между её ладонями заструилась прозрачная влага. Она слушалась каждого движения пальцев: свивалась в спирали, изгибалась плавными волнами, текла вверх, насмешливо нарушая законы природы. Девушка собрала воду в плотный шар, зависший между ладонями, и одним резким движением запустила его в небо.

Шар взлетел, сверкнул в последних лучах солнца и рассыпался тысячью брызг. Капли дождём посыпались вниз, вспыхивая радужными искрами, и на мгновение обычный академический двор стал похож на место из старой сказки, где магия была не ремеслом, а искусством.

— Красиво, — выдохнула Эльза.

Амалия только кивнула. Отвести взгляд оказалось почти невозможно.

Стихийную магию она прежде видела лишь издали, а на лекциях её раскладывали по унылым полкам: проводник, контроль, концентрация, баланс внутреннего потока. Ни слова о том, что огонь умеет дышать в человеческой ладони. Что вода может обвиться вокруг запястья, как ручной зверь.

Парень повёл пальцами, и пламя рассыпалось веером искр. Золотой рой закружился вокруг него, заскользил по плечам, вспыхнул ярче, когда он шагнул вперёд. Один резкий вдох — и огонь погас искра за искрой, будто подчинился не воздуху, а его воле.

Девушка подняла ладонь. Капли замерли, не долетев до земли. Вода медленно побелела, затянулась ледяной кожицей и рассыпалась сотней крошечных кристаллов. Они повисли над площадкой, ловя последние лучи заката. Красивые до злости и хрупкие до первого неверного движения.

Амалия забыла вдохнуть.

— Пойдём, — Эльза осторожно коснулась её локтя. — Если опоздаем на чайную церемонию Милы, она нам этого не простит.

— Вчера она купила новый сервиз, — напомнила Амалия, всё ещё глядя на лёд.

— Поэтому последствия будут особенно страшными. Травяная буря с лекцией о правильном заваривании.

Амалия всё-таки отвернулась.

— Тогда валим. Вторую лекцию за день я, чёрт возьми, не переживу.

После ужина Амалия уснула почти сразу. Усталость навалилась, скомкала мысли, заткнула тревогу. Сначала снилось что-то белёсое и бесформенное; образы перетекали один в другой, не успевая обрести смысл.

А потом сон заточил края.

Амалия стояла посреди огромного зала. Каменный пол под ногами растрескался; из разломов тянуло таким холодом, словно внизу не было земли — только распахнутая пасть без дна. Потолок терялся во мраке, серые стены покрывали руны. Такие же, как на серье Лориана Монтгомери. Несколько символов Амалия узнала, и сердце сразу забарабанило по рёбрам. Остальные казались чужими: ломаные черты, врезанные друг в друга круги и треугольники, острые переплетения. Стоило задержать на них взгляд — и линии начинали шевелиться.

Это был храм. Вернее, то, что от него осталось. Обломки колонн громоздились на полу. Разбитые статуи без лиц глазели в пустоту. Трещины ползли по плитам, будто когда-то нечто огромное пыталось выломаться из-под храма. Откуда-то сверху лился серебряный свет, однако ни один предмет не отбрасывал тени.

— *Иди сюда.*

Амалия резко обернулась.

В центре зала стояла фигура, сшитая из света и темноты. Её очертания дрожали, как отражение на чёрной воде. Лицо возникало по частям — линия скулы, провал глаз, изгиб губ — и тут же стиралось. Но Амалия знала: перед ней кто-то древний, старше этих стен. И до одури одинокий.

Воздух вокруг фигуры мерцал.

— Кто ты? — спросила Амалия. Голос каким-то чудом не дрогнул. В отличие от всего остального внутри неё.

— *Тот, кто был до тебя.*

Руны на стенах задрожали, словно узнали говорившего.

— Аэмир? — выдохнула она.

Вдоль позвоночника протянулось ледяное лезвие. Фигура не ответила. Она шагнула вперёд, и свет вокруг неё умер. Зал затопил густой сумрак. Амалия попыталась отступить — хрен там. Ноги вросли в пол, а камень под подошвами размяк и облепил их чёрной смолой.

— *Ты — следующая.*

Теперь голос касался самого уха, хотя фигура не приблизилась.

— *Пустота внутри тебя — не проклятие. Это дверь.*

— Куда?

— *Туда, где всё начинается. И где всё заканчивается.*

Слова легли на грудь неподъёмной тяжестью. Амалию повело. Она рванулась, попыталась закричать, хотя бы выругаться — сделать хоть что-нибудь, чёрт возьми, — но рот не открылся.

Зал ожил, руны вспыхнули разом. По храму прокатился низкий гул, от которого завибрировали кости. Так могла бы звучать земля, впервые вдохнувшая после тысячелетнего сна. Плиты дрогнули, воздух сгустился и полез в горло.

Белый свет ударил в глаза. Амалия зажмурилась, закрывая лицо руками.

— *Просытайся.*

Она распахнула глаза и захлебнулась воздухом.

Комната общежития тонула в предрассветной тишине. Рядом ровно дышала Эльза и Мила. За окном ночь уже выплетала до серого. Одеало сбилось к ногам, сорочка липла к мокрой спине, а сердце молотило по рёбрам, словно Амалия и правда неслась по тем бесконечным коридорам.

Она несколько раз моргнула, проверяя, проснулась ли. Внутри всё ещё звенело:

«*Ты — следующая*».

Больше уснуть не получилось. Амалия лежала, уставившись в потолок, пока за окном медленно проступало утро. Потом бесшумно поднялась, чтобы не разбудить подруг, накинула мантию, кое-как собрала волосы и схватила сумку. Ни чай, ни завтрак в неё сейчас не полезли бы. От одной мысли о еде желудок сводило тугим узлом.

Коридоры встретили её пустотой. Факелы горели ровно, но их жёлтый свет выглядел таким же невыспавшимся, как она. От каменных стен тянуло ночным холодом. Амалия брела, почти не разбирая дороги. Голова гудела, веки налились тяжестью, а клочья сна всё ещё липли к мыслям мерзкой паутиной.

Поэтому его она заметила не сразу.

— Плохо спишь, Рыжая?

Знакомый ленивый голос скользнул по спине, заставив её вздрогнуть.

Амалия обернулась. Кассиан подпирал плечом стену, будто торчал здесь случайно. Конечно. Просто по чистой случайности поджидал её в пустом коридоре на рассвете. Тёмную мантию он набросил кое-как, волосы растрепались — то ли недавно поднялся с постели, то ли вообще в неё не ложился. Полумрак заострял черты его лица. Серо-зелёные глаза с жёлтыми

искрами следили за ней непозволительно внимательно для человека, которому якобы на всё плевать.

— Откуда ты знаешь? — спросила она.

Его взгляд неторопливо прошёлся по ней сверху вниз.

— Идёшь как сомнамбула. Ещё пара шагов — и начнёшь обнимать стену.

— Спасибо, — усмехнулась Амалия, хотя замечание всё-таки царапнуло. — Какой изысканный комплимент.

— Не благодари.

Он пожал плечами. Уголок его рта дрогнул, будто Кассиан едва удержал улыбку.

Оттолкнувшись от стены, он шагнул к ней.

Амалия осталась на месте. Только вскинула подбородок, не позволяя себе отвести взгляд.

Пусть даже внутри всё уже неприлично занервничало.

Прекрасно. Именно этого мне не хватало после кошмара.

— Выглядишь так, будто встретила призрака, — произнёс он.

— Можно и так сказать.

Кассиан чуть склонил голову. Тёмная прядь упала ему на лоб, наполовину спрятав глаза, но взгляд остался на ней.

— И что же тебе снилось?

А тебя это волновать не должно, псих.

Но Кассиан смотрел без своей обычной издёвки. Вот же... Лучше бы усмехнулся — тогда она легко огрызнулась бы и ушла. А эта непривычная серьёзность будто удерживала на месте.

— Ничего особенного, — наконец сказала она, старательно изображая безразличие. — Просто странный сон.

Кассиан сунул руки в карманы и медленно оглядел её. В его глазах Амалия увидела... Настороженность? Тревогу? Нет. Этот придурок не мог за неё тревожиться.

— Знаешь, Рыжая, — произнёс он тише, — будь осторожнее.

Амалия нахмурилась. Кассиан замолчал, словно каждое следующее слово приходилось вытаскивать из себя силой и сам факт этой откровенности его бесил.

— Ты всё пропускаешь через себя. И слишком легко веришь тем, кто улыбается тебе в лицо.

— Ты сейчас про кого?

— Про всех. Не каждой протянутой рукой хотят помочь. Иногда просто проверяют, насколько близко ты позволишь подойти.

По спине прошёл холодок.

— А ты? — спросила Амалия. — Ты желаешь мне добра?

Вопрос встал между ними, острый и неудобный.

Кассиан не ответил, только посмотрел на неё. Он хотел сказать больше, Амалия это видела. Но слова разбились о стену, которую он возводил, наверное, половину своей чёртовой жизни.

Кассиан первым отвёл глаза.

— Я хотя бы не притворяюсь.

Он развернулся и пошёл прочь, не оставив ей времени на ответ. Шаги глухо ударялись о камень, пока поворот не проглотил его вместе со звуком. В воздухе остался только запах дыма и можжевельника.

Амалия стояла посреди пустого коридора и смотрела ему вслед. Сон, руны, голос древнего существа — всё отступило, вытесненное новым беспокойством. Не менее опасным, зато куда более личным.

Что с ним, чёрт возьми, не так?

Почему он разговаривал загадками?

И почему, зараза, так и не ответил?

Глава 5

С той встречи прошёл месяц. За это время Академия успела промыть Амалии все косточки. Лекции сменялись домашними заданиями, те — тренировками по физподготовке, которые она ненавидела всей душой. Особенно бег на длинные дистанции: после него ноги ещё час дрожали, как у новорождённого оленёнка, а лёгкие грозились выпрыгнуть наружу и больше не возвращаться.

Спасала рунопись. Этих уроков Амалия ждала неприлично сильно. Правда, руны у неё по-прежнему не зажигались без помощи профессора. Он накрывал её ладонь своей, направлял поток — и лишь тогда линии начинали тускло мерцать, словно нехотя признавали её существование. В свободное время Амалия тренировалась до онемения пальцев, но добилась только слабого свечения.

Это бесило. Очень.

Кассиана Брандт почти не видела. Иногда замечала в столовой — он сидел в дальнем углу среди тёмных магов. Иногда они встречались в коридоре, тогда Кассиан коротко кивал и сразу отводил взгляд. Они больше не разговаривали. И какого дьявола это молчание цепляло сильнее любого разговора, Амалия понимать не хотела.

Эльза тем временем окончательно сблизилась с Дэррилом. Они вместе ходили в библиотеку и готовились к контрольным. Он таскал ей из столовой булочки, а она с поразительным упорством изображала недотрогу. Но однажды Дэррил споткнулся, Эльза успела схватить его за руку и улыбнулась так тепло, что всё стало до смешного очевидно.

Макото оставался тихим и невозмутимым. Сидел на задней парте, выводил руны с пугающей точностью и почти никогда не поднимал руку. Зато порой Амалия ловила на себе его внимательный взгляд — такой же острый и непроницаемый, как у его сестры. Рин появлялась редко: занятия на факультете Разума почти не оставляли ей свободного времени. Встречались они только в столовой, но стоило Рин сесть за их стол, как даже Дэррил начинал следить за языком.

— Она ведь не читает мысли? — шепнул он однажды.

— Не будь параноиком, — фыркнула Эльза, размешивая чай.

— А если читает?

— Тогда она уже умерла от скуки где-то между твоими мыслями о вчерашнем ужине и сегодняшнем завтраке.

Дэррил оскорблённо замолчал, правда ровно на две секунды. Потом понял шутку и расплылся в улыбке.

Мила по-прежнему поила их чаем. Каждый вечер она заваривала свой фирменный травяной микс, после которого либо становилось легче жить, либо хотелось немедленно уснуть лицом в стол. Они впятером — Амалия, Эльза, Мила, Макото и Дэррил — собирались в столовой, разбирали прошедший день и дружно перемывали кости преподавателям.

Особое место в этом месяце заняли дополнительные занятия с Лорианом Монтгомери.

Дважды в неделю, по вечерам, когда коридоры академии пустели, а за высокими окнами уже густела ночь, Амалия поднималась на пятый этаж башни Рун.

Каждый раз она обещала себе, что сегодня будет проще. Сегодня она войдёт, сядет за парту и будет думать только о рунах, и не станет замечать, как Лориан смотрит на неё! Сегодня не будет проклинать собственное сердце за то, что оно почему-то решило изображать сумасшествие. Получалось примерно так же хорошо, как у неё получались первые попытки начертить защитный контур.

— Садитесь, Амалия, — негромко произносил Лориан.

Всего два слова. И почему, во имя всех проклятых рун, даже они звучали так, будто он приглашал её не к парте, а в какую-то тайну, о которой лучше никому не знать?

Амалия садилась у окна, раскладывала инструменты и с преувеличенным усердием проверяла каждый из них. Камень для нанесения линий. Игла. Чернила. Пластина для тренировочного плетения. Всё на месте, только вот голова у неё была совершенно не там.

Лориан подходил сзади, а дальше начинался настоящий кошмар.

Он наклонялся, чтобы поправить положение её руки, и его дыхание едва задевало щёку. Пальцы уверенно ложились поверх её пальцев, словно в этом не было ничего способного свести человека с ума.

Амалия каждый раз забывала, как дышать. Сердце принималось колотить по рёбрам с таким усердием, будто собиралось выбраться наружу и немедленно сбежать из этой комнаты.

Не дрожи, только не дрожи.

Но потом Лориан снова касался её руки — и к демонам летели все её благородные намерения. Мир становился до неприличия маленьким. Тепло его ладони, шорох ткани за спиной, тёмный запах преподавательской мантии и его голос совсем рядом.

В такие моменты Амалия забывала не только очертание руны. Иногда ей казалось, что она забывает даже собственное имя.

На прошлом занятии они отрабатывали «Стража». Первые две попытки вышли отвратительными. Линии перекошились, серебряная энергия пошла рывками и расплзлась по краям символа, едва не сорвав плетение. Амалия уже приготовилась услышать сухое замечание, но Лориан не раздражался. Он вообще редко позволял себе раздражение. Вместо этого спокойно разобрал каждую её ошибку, указал, где она слишком сильно удерживала поток, где, наоборот, отпустила его раньше времени. Потом снова встал за её спиной и накрыл её руку своей.

С третьей попытки символ вспыхнул тусклым серебром, Амалия замерла.

— Получилось.

Профессор смотрел не на руну, а на неё.

— Вы быстро учитесь.

Амалия тут же опустила глаза, чувствуя, как предательски вспыхивают щёки.

Ну прекрасно. Можно было освоить сложную руну за три попытки, но научиться нормально реагировать на его похвалу я, видимо, не способна.

И всё же она успела заметить его улыбку. Но от неё мысли почему-то разом сбились с привычного порядка, а внутри стало тепло — настолько, что Амалия разозлилась на себя ещё сильнее.

Лориан отошёл к столу и взял со стопки чистую пластину.

— В следующий раз я покажу вам новую комбинацию.

— Какую?

— Более сложную. Она потребует большей концентрации и контроля над энергией.

— Я справлюсь. — слова прозвучали неожиданно уверенно.

— Я знаю.

Два коротких слова, ничего особенного, совершенно ничего. Тогда почему они до сих пор сидели у неё под рёбрами, будто он сказал нечто совсем другое?

Амалия медленно отвела взгляд. К демонам всё это!

Ей нужно было учиться рунам, всего лишь рунам. И уж точно не замечать, как единственный взгляд Лориана Монтгомери способен напрочь разрушить весь её тщательно выстроенный контроль.

Самое паршивое в этой ситуации? Кажется, ему это было прекрасно известно...

Дормизель тоже не исчез. Они встречались в саду — случайно или нет, Амалия так и не поняла. Он оказывался рядом подозрительно вовремя: на дорожке к библиотеке, возле фонтана; у скамьи, где она читала, притворяясь, что совершенно не замечает его приближения.

Он рассказывал о «Стальных клинках», о друзьях, о новых связках ударов. Амалия слушала, смеялась над его шутками (иногда даже искренне). И всё же что-то в нём не давало ей расслабиться. Его ответы были слишком правильными, будто он заранее перебрал все возможные реплики и выбрал ту, которая понравится ей больше остальных.

Слова Кассиана о белых мантиях упорно не шли из головы.

Дормиэль был добр, внимателен, всегда готов помочь. Он ни разу не дал ей настоящего повода сомневаться, но предупреждение Кассиана сидело под кожей мерзкой занозой.

Может, я уже совсем свихнулась?

Кто из них прав? Кассиан, ожидающий ножа от каждого, кто протягивает руку? Или Дормиэль с его безупречной улыбкой и словами, в которых невозможно найти трещину?

А может, оба что-то недоговаривали.

Месяц исчез почти незаметно. Академия перестала казаться Амалии чужой: у неё появились друзья, занятия, вечерний чай и Лориан — отдельная, крайне опасная категория её мыслей. Впереди оставалось ещё много месяцев; и Амалия пока не знала, что Академия уже начала считать их за неё.

Амалия вошла в аудиторию последней. Магистр Олдрик уже стоял у кафедры и перебирал старые свитки. В зале царила такая тишина, что даже светлые непривычно сидели смирно.

Во имя всех стихий, невероятное событие!

— Садитесь, — произнёс Олдрик, не поднимая головы. — Сегодня поговорим о том, как маги поделили мир. И о том, *что* предпочли запереть в тайных архивах.

Амалия заняла своё место, раскрыла тетрадь и машинально проверила чернила.

— Вы уже знаете о Трёхсотлетней войне, разрушении Храма. О том, как Свет и Тьма едва не уничтожили друг друга. К триста первому году обе стороны поняли: если продолжить, делить будет нечего. Останутся пустоши, набитые призраками.

Он подошёл к карте и коснулся выжженного пятна в её центре.

— Тогда на Пепелище, среди руин Храма Шести Сил, встретились главы всех школ. Семь дней и семь ночей они спорили, угрожали и торговались. Возможно, даже умоляли — хотя этого хроники почему-то не любят.

— И к чему они пришли? — спросили из первого ряда.

— К Священному Договору. Каждая школа получила собственную землю. Магов разделили границами, чтобы они перестали резать друг друга на улицах.

Палец Олдрика двинулся по карте.

— Солардис отошёл Свету: горы, ослепительно белые из-за кристаллов в скалах. Ноктурн — Тьме: каньон, куда почти не проникает солнце и где тени порой двигаются сами. Аква-тис достался Стихиям — огромная земля от вечных льдов до кипящих гейзеров. Менталис — Разуму: скрытый туманами архипелаг, где реальность повинуетя воле магов. Вердис — Жизни: лес, чьи деревья помнят каждое поколение. Лапидия — Рунам: каменистая пустыня, где ветер складывает древние символы из песка.

— Почему Рунам отдали пустыню? — нахмурилась Эльза.

На лице Олдрика появилась усталая усмешка.

— Рунные маги были слабее остальных. Им досталось то, что никто не захотел.

Амалия стиснула перо.

Мы пережили войну, а в награду получили горсть камней и вежливое «не сдохните там».
Очень благородно!

— Между землями сохранили нейтральные территории, — продолжил Олдрик. — Там живут те, кто отказался принадлежать одной школе. Там же основали Академию Шести Путей — единственное место, где все направления вновь оказались под одной крышей.

«Под одной крышей» звучало куда приличнее, чем «достаточно близко, чтобы перегрызть друг другу глотки».

— Договор подписали, и война закончилась. По крайней мере, так написано в ваших учебниках. Старые обиды никуда не делись, а ненависть не умерла — лишь затаилась и теперь ждёт, когда кто-нибудь достаточно глупый снова откроет ей дверь. На следующем занятии разберём современную историю. Главы с девятой по двенадцатую. Свободны.

По аудитории прокатился шум отодвигаемых стульев. Студенты потянулись к выходу, на ходу обсуждая лекцию и жалуясь на четыре заданные главы. Амалия убрала записи в сумку и вместе с остальными спустилась во внутренний двор.

До следующего занятия оставалось совсем немного. Ровно столько, чтобы перебежать через галерею, едва не столкнуться с двумя старшекурсниками, спуститься по холодной винтовой лестнице и проклясть того придурка, который решил построить тренировочную арену на другом конце академии.

Когда Амалия вошла внутрь, остальные уже выстраивались вдоль стены.

Мастер Коргат встретил их с непривычным выражением лица. Обычно он смотрел на учеников так, словно каждый из них лично испортил ему утро. Сегодня же в его глазах таилось почти довольство.

Коргат стоял посреди арены, скрестив на груди руки, и неторопливо оглядывал строй.

— Сегодня у вас особое занятие, к нам пришли «Стальные клинки». Они покажут, как обращаться с оружием без магии.

По рядам пробежал взволнованный шёпот.

— Заклинания забудьте, магические щиты тоже. Сегодня у вас будут только оружие, собственное тело и холодный расчёт. У кого с последним проблемы — мои соболезнования.

Из-за его спины бесшумно выступили «Клинки». Никаких мантий, факультетских знаков и побрякушек. Только ткань, кожа, туго затянутые ремни и оружие. Они двигались спокойно, без показной угрозы, однако разговоры на арене стихли сами собой.

Амалия сразу увидела Кассиана.

Конечно, чтоб его.

На нём была чёрная туника, плотно облегающая плечи, и свободные тренировочные штаны, не мешавшие движениям. В руке он держал короткий учебный меч. Его пальцы лениво скользили по рукояти, словно ему было скучно. Рядом стоял Дормиэль. Рукава чёрной рубашки были закатаны до локтей, открывая крепкие предплечья; узкие штаны подчёркивали лёгкую, выверенную стойку, а на поясе тускло поблёскивал кинжал. Даже без мантии он выглядел безупречно — спокойный, собранный и до раздражения красивый.

Словно эти двое нарочно решили явиться вместе и окончательно испортить ей способность связно думать.

— Разбились на пары! — рявкнул Коргат. Его голос ударился о каменные стены, и несколько первокурсников вздрогнули. — Один из «Клинков» показывает приём, второй повторяет. И, ради всех богов, постарайтесь не убиться. Я слишком молод и красив, чтобы оказаться в тюрьме из-за какого-нибудь идиота.

Кто-то нервно хихикнул, Коргат медленно повернул голову на звук.

— Смеяться будете, когда перестанете держать кинжал как ложку для супа. Начали!

Строй рассыпался. По арене зашуршали шаги, звякнули ножны, полетели первые торопливые приглашения встать в пару.

Амалия ещё не успела решить, к кому подойти, когда Кассиан отделился от остальных и направился прямо к ней. С каждым его шагом рукоять меча чуть покачивалась в расслабленной ладони.

Ну конечно, к кому же ещё.

— Рыжая, — усмехнулся он, лениво качнув мечом. Лезвие поймало утренний свет и резануло по полу белой полосой. — Давно не виделись.

— Не называй меня так, — отрезала она, надеясь, что голос не выдаст, как нервно колотится сердце.

— А как называть? — Кассиан склонил голову, разглядывая её с откровенным интересом. — Амалия? Призрак?

Он произнёс её имя медленно, с некой издёвкой. Внутри у неё что-то дёрнулось — глупо и совершенно некстати.

О Боги, дайте мне сил!

— Ладно, — будто из милости бросил он.

Меч с сухим щелчком скользнул в ножны. Кассиан достал короткий кинжал с бронзовой, отполированной чужими ладонями рукоятью.

— Сегодня — малые клинки. Для начала проще.

Кинжал перекатился между его пальцами и замер.

— Начнём со стойки. Без неё ты не боец, а мишень, у которой слишком много надежд.

Он расставил ноги, чуть согнул колени и подался корпусом вперёд. Кинжал застыл у груди, параллельно полу. Небрежность слетела с него в одно мгновение, исчезли скучающий взгляд и ленивая усмешка. Остался человек, который точно знал, куда ударить, чтобы второго шанса уже не понадобилось.

— Ноги шире, — приказал он. — Не настолько! Ты не мост изображаешь. Колени мягче, вес перенеси вперёд. Встанешь на носки — тебя опрокинет первый же идиот с палкой. Дыши ровно. Клинок не отдельная железка, а часть руки. Почувствуй его вес.

Амалия повторила стойку, пытаясь поймать каждую деталь. Получилось паршиво: плечи окаменели, локоть ушёл в сторону, а рукоять она стиснула так, словно хотела задушить кинжал голыми руками.

Кассиан несколько секунд молча наблюдал за ней.

— Нет.

Он оказался сзади прежде, чем Амалия успела возмутиться. Жар его тела прошёл сквозь тонкую рубашку и обжёг спину. Он не касался её больше необходимого, но расстояние между ними стало до неприличия коротким.

Чёрт-чёрт-чёрт.

— Расслабь плечи, — произнёс он уже тише.

Его пальцы легли на её локти, направляя руки, затем скользнули к запястью. Одной рукой он надавил на плечо, вынуждая опустить его, другой повернул кисть под нужным углом.

— Дыши, Рыжая.

— Я дышу, — процедила она.

— Нет. Ты изображаешь статую, которую поленились оживить. Вдох, вот так, медленно. Амалия втянула воздух, злясь на него, на себя и особенно на то, как остро ощущала его за спиной.

— Выдох.

Она выдохнула.

— Ещё раз.

Амалия уже открыла рот, чтобы послать его куда подальше, но Кассиан крепче удержал её запястье.

— Страх сковывает тело, — сказал он без тени прежней насмешки, так бережно, что спорить расхотелось. — Прими его, бояться нормально. Только не позволяй страху решать за тебя.

Амалия глубоко вдохнула и медленно выпустила воздух. Плечи понемногу расслабились. Пальцы разжались, перестав душить рукоять. И кинжал вдруг изменился в её руке: больше не казался чужим куском металла.

— Смотри.

Кассиан развернулся и показал связку. Короткий укол, резкий блок, скользящий шаг в сторону. Три движения слились в одно — настолько быстрое, что Амалия едва успела проследить за клинком.

Он повторил приём медленнее, расчлняя его на части.

— Первое — укол. Не падай за рукой всем телом, иначе потеряешь равновесие. Второе — блок. Не пытайся пересилить удар. Уведи его в сторону. Третье — уход. Никогда не застывай на месте. Неподвижный противник — удобный подарок.

Кассиан опустил оружие и кивнул ей:

— Теперь ты.

Амалия покрепче взялась за рукоять, сглотнула и сосредоточилась.

— Укол. Блок. Уход, — отчеканил он. — Медленно, ритм важнее скорости.

Она двинулась. Укол — остриё качнулось, но осталось на выбранной линии. Блок — предплечье напряглось, встречая удар, которого не было. Уход — шаг получился слишком резким, и Амалия едва не подвернула ногу.

Вот дерьмо.

Она выровнялась прежде, чем Кассиан успел что-либо сказать, и повторила связку. Потом ещё раз. И ещё.

Поначалу приходилось обдумывать каждое движение, будто тело принадлежало какой-то особенно тупой незнакомке; но постепенно мышцы запомнили последовательность, и мысли перестали путаться под ногами.

Кинжал рассекал воздух с коротким свистом. Подошвы шуршали по каменным плитам. На арене перекликались команды наставников, звенело тренировочное оружие, срывались резкие выдохи. Всё сливалось в единый, беспокойный шум.

Неподалёку вскрикнула Эльза. Кинжал выскользнул из её руки и с лязгом ударился о камень. Инструктор сразу отступил, примирительно подняв ладони.

— Извини! — выпалил он. — Я не хотел давить так сильно.

— Ничего, — отрезала Эльза.

Однако, поднимая оружие, она не смогла скрыть дрожь в пальцах. Эльза стиснула зубы, перехватила рукоять и вновь приняла стойку.

— Ещё раз, — бросила она инструктору.

Кассиан даже не повернул головы.

— Не отвлекайся.

— Но она...

— С ней всё нормально. Если перестанет быть в порядке, Коргат заметит это раньше тебя. — он поднял кинжал между ними, загораживая ей обзор. — А ты сейчас смотри на меня.

Амалия нехотя перевела взгляд обратно. Смотреть на него оказалось ещё хуже.

— У тебя слишком мягкие руки, Рыжая, — сказал Кассиан и снова подошёл вплотную.

— Это проблема? — она задрала подбородок, отчаянно стараясь не показать, что его близость действует на неё совершенно не так, как должна.

— Для кинжала — да.

Он накрыл её ладонь своей. У оснований его пальцев ощущались мозоли. Кассиан сжал её руку, исправляя хват.

Да что за проклятая тренировка такая?

— Клинок любит твёрдость, — произнёс он у самого её виска. — Как и тот, кто его держит.

Сердце Амалии пропустило удар. Кассиан повернул её кисть, переместил большой палец и показал, как распределить вес рукояти.

— Вот так. Если ладонь вспотеет, клинок не должен выскользнуть. Если тебя ударят по запястью — не должен выпасть. Если испугаешься — всё равно удержи его.

Неподалёку Дормиэль показывал приём Макото.

Акияма держался увереннее большинства первокурсников. Пока остальные воевали с собственными ногами и базовыми стойками, рунный маг без усилий провёл связку из пяти ударов. Дормиэль стоял вполоборота, показывая позицию: ноги на ширине плеч, колени чуть согнуты, корпус развёрнут так, чтобы противнику осталось как можно меньше места для удара. Макото повторил почти безупречно. Стойка перетекла в выпад, клинок лёг под точным углом, движение завершилось мягко и подконтрольно. Ни капли лишнего напряжения — будто тело не училось, а вспоминало. Дормиэль даже замер на мгновение, приподняв бровь.

— Неплохо, у тебя явно есть опыт. Где тренировался?

Макото ответил не сразу. Пальцы чуть крепче сжали рукоять — вопрос попал туда, куда не звали.

— В детстве учил отец, — наконец произнёс он. — Он служил в дворцовой гвардии Мнемосии.

— Тогда усложним. Ещё раз, но с контратакой. После выпада — шаг в сторону и разворот клинка. Вот так.

Быстрым движением запястья Дормиэль превратил атаку в защиту. Макото повторил без запинки — и добавил едва заметный уклон корпуса, сделав приём чище и опаснее.

Амалия невольно засмотрелась.

Дормиэль будто ожил. Сейчас он не объяснял и не поправлял — испытывал мастерство Макото, подбрасывая ему всё новые задачи и, судя по едва заметной улыбке, откровенно получал от этого удовольствие. В нём вдруг обнаружился азартный, почти дерзкий человек, которого Амалия раньше не замечала.

Макото тоже изменился. Обычно молчаливый, отстранённый, словно заранее выставивший между собой и остальными невидимую стену, сейчас он говорил единственным языком, который, похоже, действительно считал своим: движением клинка, поворотом запястья, выверенным шагом.

Всё было точным до странности. Никакой суеты, ни одного лишнего движения. За каждым поворотом клинка чувствовались годы тренировок, о которых Макото никогда не рассказывал. Он словно забывал обо всём вокруг, стоило стали оказаться в его руке. И Амалия вдруг подумала, что, наверное, ему действительно проще понимать оружие, чем людей. С людьми ведь нельзя было просто знать, куда поставить ногу и с какой стороны ждать удара.

Закончив связку, Дормиэль хлопнул Макото по плечу.

— С тобой приятно работать. Если захочешь, можем тренироваться вместе и вне занятий. А в следующем году присоединишься к нашему клубу.

Макото чуть заметно улыбнулся. Амалия даже поймала себя на том, что задержала взгляд на его лице. Улыбка была редкой настолько, что почти казалась чужой.

— Буду рад.

— Время! — голос Коргата рассёк зал. — Поменялись!

Кассиан развернул клинок и протянул Амалии рукоятью вперёд.

— В следующий раз попробуем что-нибудь посерьёзнее, — сказал Кассиан.

Амалия подняла на него взгляд.

— А в этот?

Кассиан посмотрел на неё с тем выражением, которое совершенно не нравилось ей ещё до того, как он ответил.

— В этот постарайся не умереть. Хотя бы до конца тренировки.

— Очень обнадеживает, — буркнула Амалия.

Кассиан хмыкнул, коротко хлопнул её по плечу и отошёл к следующему студенту. Тот уже переминался с ноги на ногу, поглядывая на Кассиана так, словно к нему направлялся не наставник, а персональное наказание небес за все грехи, совершённые в прошлой жизни.

Амалия проводила Кассиана взглядом, поправила хват и попыталась восстановить в памяти стойку.

Она только успела поднять оружие, когда из глубины зала донёсся глухой удар. Амалия резко обернулась.

Макото застыл после выпада. Остриё его клинка остановилось всего в каком-то жалком сантиметре от груди Дормиэля. На одно короткое мгновение арена словно забыла, как дышать. Никто не двигался. Один за другим смолкли разговоры, оборвался звон стали. Даже Коргат прервал объяснение на полуслове и повернулся к ним.

Дормиэль смотрел на клинок у своей груди, Макото — прямо ему в глаза. И вот теперь Амалии стало совсем не до тренировок.

Что за дрянь между ними происходит?

Она перевела взгляд с одного на другого, пытаясь понять, что именно только что увидела. Случайность? Ошибка? Или они оба прекрасно знали, что делают?

Дормиэль медленно поднял свободную руку, признавая поражение. На его губах появилась одобрительная улыбка. Вот только взгляд остался настороженным.

— Признаю поражение, — произнёс он спокойно. — Ты быстр.

Макото не ответил. Он всё ещё держал клинок у его груди, и Амалия почему-то была совершенно уверена: если Дормиэль действительно хотел закончить этот поединок, он уже давно мог отвести оружие. Но никто из них не спешил первым нарушать возникшее между ними напряжение.

Макото опустил клинок, но напряжение из его тела никуда не исчезло. Пальцы по-прежнему крепко сжимали рукоять, плечи были собраны, а взгляд оставался острым и чужим. Кажется, ещё мгновение назад перед Дормиэлем стоял не первокурсник, а человек, прекрасно знавший, куда именно нужно вонзить сталь.

— Просто повезло, — коротко ответил Макото.

— Продолжаем! — рявкнул Коргат, разрывая повисшую тишину. — И без самодеятельности!

После занятий Мила предложила заглянуть в теплицы. Эльзу они тоже позвали бы, но та уже ускользнула в библиотеку вместе с Дэррилом. Амалия успела заметить их у входа: оба говорили одновременно, перебивали друг друга и смеялись так, будто вокруг больше никого не существовало. Потом массивные двери сомкнулись за ними.

Ну и хитрюга! И ведь ни слова не сказала.

— Я в растениях понимаю примерно ничего, — предупредила Амалия, всё ещё поглядывая на двери библиотеки. — Могу отличить дерево от травы.

— Значит, начнём не с ядов, — безмятежно ответила Мила.

Амалия покосилась на неё:

— Ты сейчас пошутила?

— Конечно, — сказала та с подозрительно невинным лицом. — Научишься. Здесь дело не только в растениях. Жизнь связывает всё: корни под землёй, листья на ветру, руки тех, кто за ними ухаживает. Даже нас с тобой.

— Звучит красиво.

Теплица пряталась за Башней Жизни. Издали она казалась огромной каплей мутновато-зелёного стекла, застывшей среди каменных корпусов Академии. Солнечные блики скользили по её куполу, дробились на гранях и расползались по дорожке бледными пятнами.

Едва Мила распахнула дверь, Амалию окатило влажным теплом.

Воздух здесь был тяжёлым от запахов. Под стеклянной крышей шелестели сотни листьев, хотя ветра не было. Где-то тихо капала вода. По трубам, скрытым среди выющихся стеблей, проходила едва заметная дрожь, похожая на медленный пульс.

Амалия остановилась на пороге.

— Здесь всё будто... дышит.

— Потому что так и есть, — отозвалась Мила.

Она провела Амалию вдоль грядок, называя растения одно за другим. Аккуратная мята блестела тёмными листьями. Ромашка теснилась пушистыми кустиками, словно пыталась занять побольше места. Над лавандой воздух становился терпким и прохладным.

У дальней стены рос невысокий куст с тонкими стеблями и фиолетовыми цветами. Их почти прозрачные лепестки едва заметно дрожали, хотя вокруг стояла неподвижная духота.

— А это что?

Мила мгновенно посерьёзнела.

— Сон-трава. Не наклоняйся к ней.

Амалия, уже собиравшаяся именно это и сделать, отступила.

— Насколько всё плохо?

— Если вдохнёшь пыльцу, проспишь три дня. При слабой сопротивляемости можешь не проснуться. Она опасна, но полезна. В правильной дозировке снимает боль, успокаивает лихорадку и помогает пережить тяжёлые операции.

— А в неправильной?

— Делает работу целителей бессмысленной.

Амалия снова посмотрела на цветы. Красивые, нежные — и совершенно равнодушные к тому, проснётся человек после встречи с ними или нет.

Чёртова природа. Даже здесь нельзя доверять милым мордашкам.

— И ты выращиваешь её сама?

— Для исследований, — ответила Мила. — Маги Жизни не только лечат. Мы изучаем, как энергия движется внутри живого: где накапливается, куда уходит, почему один организм принимает её, а другой отторгает. Если научиться слышать этот ритм, можно понять, что происходит с существом ещё до того, как болезнь проявится.

Мила уже шла дальше. У низкого стеллажа в глиняных горшках росли молодые побеги. Тонкие, бледные, они жались друг к другу, будто им было страшно появляться на свет.

Мила взяла небольшую лейку.

— Лей ближе к краю. Не на стебель. Корням нужна влага, а не болото.

— Если я их убью, ты никому не скажешь?

— Обязательно передам преподавателям, с которыми у тебя будут занятия в следующем году.

— Зорич, ты жестокая женщина.

Потом Мила дала ей маленькие ножницы и показала, как срезать сухие листья, не повреждая здоровые. Увядавшие части они складывали в плетёную корзину, сухие цветы — в отдельный мешочек. Работа оказалась однообразной, но странно успокаивающей. Шорох листьев заглушал мысли, а влажное тепло размягчало напряжение в плечах.

Вечером Амалия поднялась на пятый этаж башни Рун. Перед кабинетом Лориана она остановилась. Сердце колотилось так, будто первым постучать решило именно оно. Амалия стиснула пальцы, заставила себя вдохнуть и трижды ударила костяшками в дверь.

— Войдите, — отозвался профессор.

Кабинет принял её полумраком и запахом старых книг, нагретого воска, сухих трав. Масляная лампа выхватывала из темноты бумаги, чернильницу, бронзовые пластины и тонкие инструменты для рунописи.

Лориан сидел за столом, просматривая записи. Сегодня его волосы были распущены и тёмными волнами лежали на плечах. Серебряная серьга тускло блеснула, когда он поднял голову.

Их взгляды встретились.

И всё. Пусто. Ни одной грёбаной мысли, включая ту, зачем Амалия сюда припёрлась.

— Садись, Амалия, — сказал он, указав на привычное место.

Она послушалась, изо всех сил стараясь не выглядеть человеком, который разучился нормально ходить.

Лориан достал с верхней полки небольшую баночку с тёмной жидкостью и тонкую кисть с костяной ручкой.

— Сегодня мы займёмся кое-чем другим.

Он снял крышку. По кабинету растёкся терпкий запах шалфея, полыни и металла.

— Руны наносят не только на бумагу, бронзу или камень. Кожа тоже может стать проводником.

Ооо, вот и пришла моя смерть...

— Руны, нанесённые на тело, соприкасаются с магическим потоком напрямую, — продолжил Лориан, понизив голос. — Они не просто направляют силу, они зовут её. Иногда пробуждают то, что человек запечатал в себе, даже не подозревая об этом.

Ладони Амалии мгновенно вспотели.

— Во мне нечего пробуждать, — произнесла она, ненавидя предательскую хрипоту в собственном голосе. — Я пустая, все так говорят.

— Ты не пустая, Амалия. Ты так долго слышала это от других, что начала повторять их голосом; но я чувствую иначе. В тебе есть скрытая сила. Возможно, опасная, но настоящая.

У неё пересохло во рту.

Слова попали именно туда, где годами копились злость, стыд и страх оказаться нелепой ошибкой среди людей, рождённых с даром. Амалии хотелось усмехнуться, отмахнуться, выдать что-нибудь колкое. Не получилось. Она лишь сидела перед ним, сжимая пальцы под столом, и пыталась не поверить слишком быстро.

Лориан пододвинул к ней баночку и положил рядом кисть.

— Я предлагаю попробовать, — сказал он. — Но лишь в том случае, если ты сама этого хочешь.

Амалия посмотрела на тёмную жидкость. Затем взгляд сам собой переместился на его руку. Длинные пальцы лежали рядом с баночкой; у основания ногтей въелись следы чернил. Манжет выбилась из-под рукава, приоткрывая запястье.

Да не пялься ты!

Амалия поспешно подняла глаза.

А что, если он прав? Если внутри неё действительно всё это время что-то было? И что произойдёт, если сегодня оно наконец откликнется?

Амалия сглотнула.

— Это опасно?

— Всё настоящее требует риска, — ответил Лориан. — Но я не позволю тебе зайти дальше, чем ты способна выдержать.

Его уверенность должна была успокоить, но вместо этого по коже прошла дрожь.

— Что нужно делать?

Уголок его рта едва заметно приподнялся.

— Для начала — довериться мне.

Она опустила взгляд, щёки обдало жаром.

Да чтоб тебя.

Он был её наставником. Тем, рядом с кем полагалось сидеть прямо, отвечать внятно и уж точно не замечать, как низко звучит его голос в ночной тишине. Но сейчас кабинет словно отрезало от остальной башни. Остались горький запах трав, тёплый свет лампы и Лориан напротив. И все правильные мысли, которые Амалия так старательно держала в голове, вдруг перестали казаться убедительными.

Лориан взял кисть и окунул её в тёмную жидкость. Несколько секунд ждал, пока лишние капли стекут обратно. Амалия следила за его пальцами и злилась на себя за то, что не могла отвести взгляд.

— Начнём с малого, — произнёс он. — С руны, которая поможет услышать твой поток.

Она глубоко вдохнула, расправила плечи и кивнула.

— Я готова.

Господи, как же неубедительно это прозвучало.

Лориан приблизил кисть, но остановился, не коснувшись кожи.

— Закатай рукав, — сказал он. — Для первого раза предплечье безопаснее всего.

Она подчинилась не сразу. Пальцы почему-то перестали слушаться, и Амалии пришлось дважды ухватиться за край рукава, прежде чем ткань мантии скользнула вверх, обнажая руку до локтя. Прохлада кабинета впилась в кожу и вызвала мурашки по всему телу.

Замечательно. Сейчас я ещё начну трястись, как перепуганная дуручка.

Амалия положила руку на край стола, и Монтгомери накрыл её запястье ладонью. От этого прикосновения дыхание застряло где-то под рёбрами, а сердце, которое до этой секунды вело себя относительно прилично, вдруг решило окончательно её опозорить.

— Если захочешь остановиться, скажи, — произнёс он тихо. — В любой момент.

Амалия кивнула, голосу она сейчас не доверяла. Ещё вырвется что-нибудь жалкое.

Кисть коснулась её кожи. Холод обжёг предплечье, Амалия дёрнулась, но ладонь Лориана мягко сомкнулась на её запястье, не позволяя резкому движению испортить линию. Его большой палец едва заметно прошёлся по коже. Следом пришло тепло. Оно медленно потекло вдоль первого штриха, густое, тягучее, будто в вену влили расплавленное серебро. Кисть двигалась уверенно: плавный изгиб, короткая черта, тонкий разрыв, второй контур. Лориан не торопился, и каждое его движение отзывалось внутри Амалии странным эхом.

Зовом.

Она следила, как тёмные линии собираются в знак, и постепенно перестала понимать, где заканчивается прикосновение кисти и начинается магия. Казалось, Лориан ничего не рисовал. Руна уже существовала под её кожей всё это время, а теперь он заставлял её выйти наружу.

— Что это за руна?

— Пробуждение, — ответил Лориан, не отрывая взгляда от её руки. — Она не создаёт магию и не даёт человеку силу, которой в нём никогда не было. Только открывает то, что уже существует.

Лориан закончил последний штрих и отвёл кисть. Ничего не произошло.

Амалия не дышала, глядя на собственное предплечье. Тёмные линии неподвижно лежали на коже, влажно поблёскивая в свете лампы. Прошла секунда, за ней другая, и знакомое разочарование уже начало подниматься со дна. Чего она вообще ждала? Что её рука загорится, стены задрожат, а древняя магия торжественно объявит, что всё это время ошибалась адресом?

Неожиданно руна вспыхнула мягким медным сиянием, от чего Амалия резко втянула воздух. Тепло поднялось выше локтя, добралось до плеча, скользнуло под ключицу. Сердце ударило так сильно, что на мгновение заглушило все прочие звуки.

Ладонь Лориана всё ещё лежала на её запястье, и теперь Амалия чувствовала не только руно. Она чувствовала профессора. Каждый его палец. Тихий пульс под его большим пальцем — или это был её собственный? Чёрт разберёт.

— Я чувствую... — голос предательски дрогнул. Амалия сглотнула и подняла на него глаза. — Я чувствую её.

— Где?

— Внутри, — прошептала она. — Там что-то... Нет, оно не шевелится. Оно дышит.

Руна отзывалась на каждый удар сердца. И вместе с ней под рёбрами набирал силу второй ритм.

— Значит, это правда? — спросила Амалия так тихо, что сама едва услышала. — Я не пустая?

Лориан медленно провёл большим пальцем вдоль руны, оставляя между рукой и кожей тончайшую полоску воздуха. Не коснулся — и всё же Амалия ощутила это движение до последнего дюйма, будто он провёл не по предплечью, а прямо по натянутым нервам.

— Ты никогда не была пустой.

Амалия опустила взгляд на медные линии. Если бы она продолжила смотреть ему в глаза, он наверняка понял бы, что эти слова сделали с ней. А если уже понял — пусть хотя бы не видит, как отчаянно ей хочется услышать их снова.

— Спасибо, профессор.

— Лориан, — поправил он негромко.

— Что?

Его пальцы всё ещё окружали её запястье. Большой палец замер там, где под кожей бешено бился пульс.

— Когда мы одни, можешь называть меня по имени.

Когда мы одни.

У Амалии закружилась голова. Вероятно, виновата была руна. Магический поток, пробуждение, слишком сильное напряжение — годилось любое объяснение, кроме единственного, от которого бросало в жар.

— Разве это... правильно?

— Нет, — ответил он без раздумий.

Лориан чуть наклонился, и пространство между ними сократилось. Теперь она различала тёмный ободок вокруг его радужки и тень от ресниц на скулах. Чувствовала запах книг, чернил и чего-то дурманящего её разум.

— Назови меня по имени, Амалия, сейчас.

Это была ловушка. И хуже всего — Амалии захотелось в неё шагнуть. Ей следовало отнять руку и встать. Напомнить ему, а заодно и себе, кем они приходились друг другу. Вместо этого она осталась на месте, позволяя ему держать её запястье и считать каждый сорвавшийся удар пульса.

— Лориан, — выдохнула она. Его имя прозвучало непозволительно интимно.

Во взгляде Лориана что-то изменилось. Всего на мгновение его безупречное спокойствие дало трещину, и Амалия увидела под ним не наставника, а мужчину, которому понравилось, как его имя прозвучало на её губах.

— Лориан, — повторила Амалия на этот раз медленнее.

Его взгляд скользнул к её губам, и Амалия подумала, что сейчас случится что-то непонятное. Но профессор отпустил её, а затем вообще отвернулся, чтобы закрыть баночку с краской, словно ничего не случилось.

Амалия прижала ладонь к руне. Медные линии мерно бились под пальцами, и теперь она уже не могла понять, что именно разбудило спрятанную в ней силу.

Магия или он?

Когда Амалия вышла из башни, ночь успела опуститься на академию. Каменные стены ещё хранили дневное тепло, а сад уже наполнялся прохладой и влажным запахом трав. Она направилась к общежитию, прижимая руку к груди, словно могла удержать сквозь ткань слабое серебристое биение руны Пробуждения.

Мысли раз за разом возвращались в кабинет Лориана: к терпкому аромату сушёных растений, к мягкому скольжению кисти по коже, к его низкому, спокойному голосу.

«Ты никогда не была пустой».

Эти слова застряли внутри крепче любого заклятия. Годами Амалия убеждала себя, что ей всё равно! Что можно жить без магии, не замечая жалостливых взглядов и шёпота за спиной! А ему понадобилась одна фраза, чтобы эта тщательно выстроенная ложь пошла трещинами.

Она не сразу заметила движение возле кустов. Сначала тень просто сгустилась между ветвями, затем послышался шорох ткани. Амалия подняла голову и замерла. Из зарослей боярышника вышел Стефан. Они едва не столкнулись. На короткий миг окружающий мир провалился куда-то прочь, оставив лишь знакомые черты: каштановые волосы, резкую линию скул, голубые глаза, такие же как у неё.

— Стефан, — выдохнула Амалия, не веря своим глазам.

Сердце рванулось навстречу ему раньше, чем разум успел вмешаться. Всё, что Амалия пыталась удержать в себе с самого приезда, рухнуло разом: обида, тревога, бессонные ночи и сотни проклятых вопросов. Перед ней стоял брат. Её брат! Человек, по которому она скучала так сильно, что порой эта тоска выворачивала рёбра изнутри.

Амалия шагнула к нему и протянула руки. Ещё мгновение — и она вцепилась бы в его мантию, уткнулась лицом ему в плечо и потребовала объяснить, какого чёрта он исчез и почему всё это время заставлял её сходить с ума. Но Стефан испуганно отшатнулся. Он выставил ладонь, отсекая её коротким движением, будто между ними можно было возвести стену одним жестом.

— Что с тобой стало? — полный боли голос Амалии прозвучал тише, чем ей хотелось.

Она всё ещё глупо держала руки протянутыми к нему, как будто он всё ещё был тем мальчишкой, который таскал её на плечах через лужу. Всего мгновение назад это казалось естественным: обнять брата, вдохнуть знакомый запах старого дома. Теперь этот порыв выглядел так жалко, что захотелось спрятать руки за спину, сжать их в кулаки и сделать вид, что ничего не было. Что она вообще их не протягивала, и вообще ей плевать!

Стефан продолжал смотреть на её пальцы, будто боялся, что Амалия всё-таки прикоснётся.

— Не надо, — сказал он.

Амалия медленно опустила руки. Ладони вспотели. Она вытерла их о юбку, но от этого стало только хуже.

— Не надо что? Обнимать тебя? Или приезжать? — Она попыталась усмехнуться, но губы предательски дёрнулись, и из горла вырвался какой-то жалкий полувсхлип-полусмешок. — Хотя постой. Ты же не отвечал на письма. Наверное, я должна была догадаться. Что там, Стефан? Корона на лбу? Или ты просто решил, что родственники — это такая неприятная привычка, от которой пора отказаться?

Он молчал.

— Стефан. Посмотри на меня.

— Я смотрю.

— Нет. Ты пялишься мне за плечо и несёшь какую-то хрень. Посмотри нормально!

Его взгляд наконец встретился с её. Челюсть Стефана напряглась, под тонкой кожей заходили желваки. Он сжал кулаки и спрятал их в складках мантии.

— Возвращайся домой.

— Что ты вообще несёшь?! Где мой брат? Куда ты его дел? Что ты с ним сделал? Ты хоть понимаешь, как я...

— Просто забудь, что я твой брат.

Он отвернулся прежде, чем она успела ответить. Мантия взметнулась белой складкой, будто крыло — и Стефан зашагал прочь, не оборачиваясь.

— Да пошёл ты... — выдохнула Амалия.

Она хотела окликнуть его, броситься следом. Схватить за рукав, развернуть, встряхнуть — пусть посмотрит в глаза, пусть объяснит хоть что-то. Заорать, что он не имеет права просто взять и вычеркнуть её. У них одна кровь, одна память и одно детство. Все их тайны, все дурацкие клятвы, которые когда-то казались нерушимыми. «Клянусь, что всегда буду рядом». Где это теперь?

Амалия осталась посреди аллеи. Смотрела, как темнота проглатывает его силуэт. Шаги стихли, осталась только пустота, которая звенела в ушах. И только тогда она поняла, что дрожит. Руна под рукавом пульсировала, кожа под узором горела, будто кто-то медленно водил раскалённой иглой.

Что, мать твою, произошло с моим братом? И почему он так отчаянно хочет, чтобы я исчезла? Как будто моё существование — угроза.

Глава 6

Чёрт дёрнул Амалию пойти не напрямик в корпус общежития, а через башни Академии. И вот она каким-то чудом перешла в башню Тьмы, через которую можно было выйти к главному корпусу, а за тем уже и к крытой галерее, ведущей в комнату общежития.

Брандт вышла к окну на втором этаже.

Луна висела непривычно низко, заливая серебром крыши соседних башен. Где-то вдали надрывно кричала ночная птица, а потом резко умолкла, словно ей заткнули клюв.

Амалия прижалась лбом к холодному стеклу и посмотрела вниз, к западной стене Академии. Там двигались тени. Сначала она решила, что виноваты старые дубы. Их ветви раскачивались на ветру, царапали каменные стены и ломали лунный свет на длинные уродливые полосы. Только вот тени деревьев не шагают цепочкой и не держат одинаковый темп. И уж точно не тащат на плечах длинные предметы, поблёскивающие металлом.

Амалия прищурилась и вцепилась пальцами в подоконник.

Люди!?

Белые мантии магов Света мелькали рядом с чёрными одеяниями магов Тьмы. Уже одно это выглядело до чёрта неправильно. Но хуже было то, что они несли: лопаты, кирки, тяжёлые мешки, туго стянутые верёвками.

Какого дьявола им понадобилось за стенами Академии посреди ночи?

Одна из фигур вдруг повернула голову к окнам. Амалия резко отшатнулась и вжалась спиной в камень. Сердце с размаху сделала сальто назад. Амалия задержала дыхание, будто человек внизу мог услышать его через стекло и два этажа.

Несколько мгновений ничего не происходило, потом снова зашуршала трава.

Амалия осторожно выглянула из-за края окна. Группа направлялась к старой восточной стене, за которой начинался густой лес, что тянулся до заброшенного амфитеатра, давно оплётённого плющом и дурной славой.

— Что вы там делаете?.. — прошептала она.

Голос предательски дрогнул. В памяти всплыл разговор, случайно подслушанный в Белхейвене. Тогда она почти не придавала ему значения — мало ли какую чушь шепчут люди, когда уверены, что никто не слышит.

«В лесу... за старым амфитеатром... они там что-то копали...».

Значит, не чушь.

Последняя фигура в чёрной мантии скользнула между деревьями и исчезла. Лес сомкнулся за ней, не оставив даже колыхания ветвей.

Сердце Амалии билось так бешено, что стало больно дышать. Она торопливо пошла прочь; почти сорвалась на бег, но вовремя заставила себя замедлиться. Брандт оглянулась через плечо. Никого. Только пляшущий свет факелов, вытянутые по стенам тени и тишина, от которой хотелось выругаться вслух.

В комнату, быстро! Запереть дверь, залезть под одеяло и сделать вид, что я ничего не видела, а завтра спокойно во всём разобраться. Да, конечно, спокойно! Просто кучка магов среди ночи утащила лопаты в проклятый лес. Обычное дело, мать его!

Амалия свернула за угол и застыла. В конце коридора, прислонившись спиной к каменной стене, сидел Кассиан. На его лице не было привычной дерзкой скуки, словно весь окружающий мир давно успел его разочаровать. Он просто сидел на холодном полу, вытянув ноги и положив руки на колени, и смотрел перед собой так неподвижно, будто в пустом коридоре перед ним открывалось нечто, чего Амалия не могла увидеть.

Чёрной мантии на нём не было. Только тёмная рубашка, небрежно расстёгнутая у ворота, и простые брюки. Волосы растрепались, упавшие на лоб пряди рассекали лицо тенями. В дру-

гом состоянии он выглядел бы неприлично красивым — из тех, на кого нормальная девушка не должна пялиться дольше пары секунд, если хочет сохранить остатки достоинства; но сейчас Амалия почти не замечала этого.

Его глаза были открыты, и всё же Кассиана словно не было здесь. Пустой мёртвый взгляд уходил куда-то далеко за каменные стены Академии.

Амалия не знала, что делать. Окликнуть его? Пройти мимо, сделав вид, что не заметила? Вернуться назад и оставить его наедине с тем, что держало его в этой жуткой неподвижности?

Она колебалась всего мгновение, а потом всё-таки шагнула к нему. Кассиан не шелохнулся, не поднял глаз, не вздохнул, будто Амалии здесь не было.

— Кассиан? — позвала она почти шёпотом. — Почему ты не в общежитии в это время?

Он медленно повернул голову.

— Иди спать, Рыжая, а я здесь посижу.

Ну конечно, как же иначе. Сиди один в ледяном коридоре посреди ночи с таким лицом, будто только что похоронил себя. Точно псих.

Амалия всмотрелась в него внимательнее. Бледная кожа, жёстко сжатые пальцы, тени под глазами. От привычной ленивой наглости не осталось и следа. Кассиан выглядел выжатым, будто не спал несколько ночей.

Уйти было бы разумно, только разум сегодня мог отправляться куда подальше.

Амалия подошла и села рядом, осторожно прислонившись спиной к холодному камню. Между ними осталось не больше двух ладоней. Смешное расстояние — протяни руку, и коснёшься, но сейчас эти две ладони казались ей целой пропастью. Кассиан сидел у самого её края, а Амалия понятия не имела, как к нему приблизиться, не толкнув случайным словом вниз. Тёмный ничего не сказал, даже не посмотрел на неё. Однако и не приказал уйти снова.

Некоторое время они молчали. В глубине коридора с мерным упорством капала вода.

Кап. Кап. Кап.

— Тьма... — проронил Кассиан и снова на секунду замолчал. Пальцы медленно сжались в кулак, а на шее выступили вены. — Она не просто цвет мантии.

— Я знаю, — тихо ответила Амалия. Хотелось, чтобы это прозвучало уверенно, но вышло жалко. Чёрт.

— Нет. — Кассиан повернул голову. — Не знаешь.

И Амалия впервые увидела в его глазах то, чему там, казалось, вообще не было места — голый страх.

— Она жрёт меня изнутри, — сказал он едва слышно. — Каждый день, каждую ночь. Я чувствую, как её становится больше. Она забирает всё свободное мест, лезет в мои мысли, в кровь, в кости. Иногда я закрываю глаза и думаю: а если, открыв их, я уже не буду собой?

У Амалии перехватило дыхание. Как на такое вообще отвечают?

«Всё будет хорошо»? Бесполезная ложь. «Я понимаю»? Нет, не понимает. Не может понять, каково это — каждую ночь засыпать рядом с чем-то, что медленно присваивает твоё тело.

Кассиан отвернулся. Плечи напряглись, будто он собирался подняться и оборвать разговор. Но слова уже сорвались, теперь их было не затолкать обратно.

— Я боюсь, что однажды от меня ничего не останется. — он опустил взгляд на собственные руки, словно искал первые признаки чужого присутствия. — Останется только Тьма.

Амалия смотрела на него, и память одна за другой подбрасывала ей другие его лица. Насмешливое «Рыжая», ленивая походка, дерзость во взгляде.

Она считала Кассиана сильным, невозмутимым до желания треснуть его чем-нибудь тяжёлым, и даже опасным. Но сейчас рядом с ней сидел не тот Кассиан. Этот вывернул себя наизнанку и оставил всё самое уязвимое на холодном камне между ними. И, чёрт бы его побрал,

он боялся не смерти. Он боялся однажды проснуться и обнаружить, что у его глаз, рук и голоса больше нет хозяина.

— Ты не станешь тьмой, — твёрдо сказала Амалия.

По губам Кассиана скользнула горькая усмешка.

— Откуда тебе знать?

— Ты говоришь об этом, боишься. — Амалия развернулась к нему, поджав под себя ногу. Теперь между ними оставалось до смешного мало места. — Настоящая тьма не боится потерять себя, Кассиан, ведь ей нечего терять.

Не смотри на меня так.

— Ты слишком добрая, Рыжая, однажды это тебя погубит.

— Может быть. — она попыталась улыбнуться, хотя в горле стоял тугой ком. — Но сегодня я не дам утонуть тебе.

Амалия протянула руку и осторожно накрыла его ладонь своей. Холод обжёг пальцы. Кожа Кассиана была ледяной.

В первое мгновение Амалия приготовилась к тому, что он отшатнётся. Вырвет руку, оттолкнёт её, бросит какую-нибудь колкость, но Кассиан не шевельнулся. Только опустил взгляд на их сцепленные пальцы, словно не понимал, как её рука там оказалась; или почему он до сих пор позволял ей оставаться. Под его кожей билось напряжение — мелкая, едва различимая дрожь.

Проклятье, что же с тобой сделали?

Постепенно дрожь начала стихать. Кассиан вдохнул глубже, затем ещё раз. Его дыхание выровнялось, а плечи, до этого поднятые и застывшие, медленно опустились.

Они сидели молча. Тепло её ладони будто перетекало в него, пробираясь сквозь этот нечеловеческий холод. Амалия не знала, помогает ли ему на самом деле или просто цепляется за эту мысль, потому что иначе станет слишком страшно. Может ли обычное прикосновение удержать человека, которого тьма уже тянет к себе? Наверное, нет, но Кассиан всё ещё сидел рядом.

— Спасибо, — произнёс он спустя несколько минут. Слово прозвучало непривычно, почти неуместно в его устах.

В этот момент Кассиан снова посмотрел на их руки и вдруг изменился. Мягкость исчезла с лица, плечи напряглись, пальцы окаменели в её ладони, между бровей пролегла жёсткая складка.

У Амалии болезненно свело живот.

— Ты не должна была этого слышать, — отрезал он.

Она не сразу поняла смысл слов. Ещё мгновение назад его пальцы лежали в её ладони, а теперь Кассиан смотрел на неё так, словно между ними внезапно выросла стена.

— Что именно?

Он вырвал руку. Пальцы Амалии сомкнулись на пустоте, всё ещё хранившей его тепло.

Кассиан резко поднялся. В каждом его движении появилась нервная, почти звериная порывистость, будто он сцепился с чем-то внутри себя — и, судя по его лицу, эта тварь уже брала верх.

— Кассиан... — Амалия тоже попыталась встать.

Он вскинул ладонь. У его пальцев за клубилась густая чернота, прошитая изнутри фиолетовыми вспышками. Она не таяла в воздухе, как дым, а извивалась и тянулась к Амалии с мерзкой, осмысленной медлительностью. Холод коснулся кожи раньше самой магии.

Убить меня вздумал?

Дым коснулся её виска почти нежно, и от этой ложной ласки стало по-настоящему страшно. Коридор качнулся. Каменные стены потекли вверх, факелы разорвались на длинные

рыжие полосы. Капли воды больше не падали, они глухо били откуда-то из-под земли, будто Амалию уже успели похоронить, а она, глупая, этого даже не заметила.

Она вцепилась в собственное сознание, в обрывки мыслей, в его имя.

Кассиан.

— Прости, Рыжая, — донеслось сквозь сгущавшуюся муть. В его голосе было столько боли, что сердце Амалии стиснуло даже тогда, когда разум уже проваливался во тьму. — Это не для чужих ушей.

Я не чужая.

Тьма сомкнулась прежде, чем Амалия сумела произнести хоть слово. Очнулась она на полу, привалившись спиной к холодной стене. Коридор был пуст.

— Что за... — прошептала Амалия и несколько раз моргнула.

Мысли не слушались. В голове обнаружилась пугающая пустота, словно кто-то забрался в её память, нашёл нужную страницу и аккуратно вырвал её, оставив после себя рваные края.

Коридор, люди с лопатами, чёрные и белые мантии. А потом — ничего.

Амалия нахмурилась и прижала пальцы к виску. Почему она сидит на полу? Сколько времени прошло? Она возвращалась в комнату, кажется. Или остановилась? Услышала что-то? Кого-то?

От попытки вспомнить внутри поднялась тупая тревога.

Амалия медленно встала, держась за стену, и отряхнула мантию. Колени предательски дрожали.

— Прекрасно, — пробормотала Амалия. — Теперь у меня ещё и амнезия.

Перед занятиями ректор объявил студентам о традиционном Осеннем бале-маскараде, который состоится через две недели, вызвав всеобщее оживление. По рядам прокатились восторженные возгласы, студенты заговорили о нарядах, музыке и возможных приглашениях. Мила тут же принялась рассуждать, где достать платье, Эльза слушала её с улыбкой, украдкой поглядывая на Дэррила; а Амалия заметила странно наблюдавшего за ней Кассиана, чей взгляд пробудил смутное и тревожное воспоминание о недавней ночи.

Долго обсуждать предстоящий бал им не позволило расписание. Уже через несколько минут студенты потянулись к выходу, заполняя коридоры шумом и торопливыми разговорами.

— Алхимия, — напомнила Эльза, сверившись с часами. — Если не поспешим, магистр Терра сварит зелье из нас.

Аудитория алхимии находилась в полуподвальном помещении. Здесь был низкий потолок, магические лампы давали тусклый свет, а стены покрывала тёмная копоть. Преподавательница — худощавая женщина с вечно нахмуренными бровями — уже стояла у своего стола, раскладывая склянки и колбы. Её мантия была усеяна пятнами разных оттенков — следами прошлых зелий.

Сегодня варили зелье ночного зрения.

Амалия растёрла корни мандрагоры до влажной кашицы, всыпала сушёных светлячков и, задержав дыхание, добавила ртуть. Одну каплю — ровно столько требовала инструкция. Смесь зашипела, загустела и стала прозрачной, с холодной синевой внутри. По стенкам колбы расплзлось слабое свечение, будто в стекле застрял кусочек ночи.

Магистр Терра возникла рядом так бесшумно, что Амалия едва не опрокинула ступку.

Преподавательница наклонилась над колбой. Между её нахмуренных бровей залегла складка, способная, наверное, испортить зелье одним своим видом.

— Неожиданно, — произнесла она.

«Спасибо. Я тоже рада, что не взорвала нам подвал».

— Почти идеально. В следующий раз добавьте меньше ртути — цвет получится насыщеннее.

После алхимии они с Эльзой поднялись на третий этаж башни Разума. Ступени тянулись вверх нескончаемой спиралью, и к последнему пролёту Амалия уже ненавидела архитектора, башню и собственные лёгкие.

Аудитория магической этики находилась в конце длинного коридора. Стены здесь были обиты тёмно-фиолетовой тканью, а вместо факелов под потолком парили серебристые сферы. Они давали ровный холодный свет и почти не оставляли теней.

Профессор Солон уже ждал у кафедры. На нём была пурпурная мантия факультета Разума.

— Сегодня мы поговорим о границах, — начал он тихо. — О том, где заканчивается свобода одного человека и начинается свобода другого. Магия — не игрушка и не оружие. Она — ответственность.

Он прошёл вдоль кафедры, всматриваясь в лица студентов. Амалии каждый раз казалось, что на ней его взгляд задерживается чуть дольше положенного.

Да что вы все так смотрите? У меня на лбу руны проступили?

— Представьте, что вы умеете читать чужие мысли, — продолжил Солон. — И узнаете: ваш друг замышляет нечто против вас. Имеете ли вы право вмешаться?

— Да, — сразу ответил кто-то из первого ряда.

— А если он лишь думает о вас плохо и не собирается ничего предпринимать?

На этот раз желающих ответить не нашлось.

— Мысль не является преступлением, — сказал профессор. — Наказывать можно лишь за поступок. Это золотое правило магической этики. И запомните ещё одно: магия не должна подавлять. Её предназначение — помогать, защищать, исцелять. Любое заклинание, подчиняющее чужую волю, карается отчислением. В особо тяжёлых случаях — заключением.

Он привёл примеры: маг, превративший целую деревню в послушных кукол; маг, заставивший соперника признаться в преступлении, которого тот не совершал. В третьем примере менталист стёр память свидетелям, чтобы скрыть собственную вину.

Какая же мерзость.

— Но это крайности, — продолжил Солон. — Что насчёт тех, кто применяет силу во благо? Тех, кто защищает близких, рискуя собой?

— Это героизм, — заявил парень со Света.

— А если его самого обвинят в нападении? — раздалось с заднего ряда.

— Тогда придётся доказать, что первый удар нанёс не он.

— На этом остановимся подробнее. Поговорим о случаях, когда маг вправе причинить вред другому и не стать при этом преступником.

Он неспешно прошёлся вдоль кафедры, студенты притихли. Амалия покрутила перо между пальцами.

Ну давайте. Расскажите, как правильно поджарить человека заклинанием и остаться приличным членом общества.

— Представьте, что в вас летит боевое заклинание, — сказал Солон. — Вы успеваете поставить щит, но сразу понимаете: противник сильнее. Если продолжите защищаться, долго не продержитесь. У вас появляется единственный шанс ударить на опережение — и вы им пользуетесь. Оправдан ли ваш поступок?

— Да, — без колебаний ответил парень со Стихий. — Это самозащита.

— Верно. Самозащита — первое и главное основание для применения силы, но усложним задачу.

Солон опёрся ладонями о край кафедры.

— Противник ещё не атаковал. Он только поднял руку, и вы видите, как между его пальцами собирается магия. Вы наносите удар первым. Теперь это самозащита или уже нападение?

По аудитории расползся шёпот. Кто-то торопливо листал конспект, словно ответ мог прятаться между строчек. Кто-то спорил вполголоса с соседом.

Амалия нахмурилась. Если заклинание уже формируется, ждать удара казалось полным идиотизмом. Хотя закон, судя по всему, предпочитал, чтобы тебя сначала попытались убить, а потом уже разрешал возмущаться.

Очень удобно, особенно для покойников.

— Зависит от обстоятельств, — наконец сказала девушка с факультета Тьмы. — Если перед вами известный преступник и есть доказательства его прошлых нападений, то, возможно, удар оправдан. Но если это незнакомец... Он мог просто поднять руку, чтобы поправить мантию.

Кто-то тихо усмехнулся.

— Точно подмечено, — сказал Солон. — Превентивный удар всегда остаётся спорным. Закон требует доказать, что угроза была реальной и непосредственной. Намерение — ещё не действие.

Он взял со стола кристалл истины. Прозрачный, почти бесцветный, тот лежал на его ладони, а в самой сердцевине дрожала голубая искра.

Солон поднял кристалл на уровень глаз.

— В подобных случаях решение принимается не только со слов участников. Кристалл истины сохраняет магические следы и позволяет восстановить последовательность заклинаний. С его помощью можно установить, кто начал атаку. Если дело серьёзное, к расследованию привлекают Ищеек.

При упоминании Ищеек по рядам пробежало едва заметное движение.

Амалия слышала о них достаточно, чтобы не хотеть встречаться ни с одной. Эти люди умели находить остаточный след там, где обычный маг не почувствовал бы ничего. Говорили, от них не спасали ни поддельные воспоминания, ни чужая кровь, ни самые хитрые печати.

Прекрасные ребята. Наверняка обожают вламываться без стука.

После «Этики мага» Амалия и Эльза вышли из Башни Разума и свернули за угол — чтобы тут же остановиться.

Коридор был перекрыт.

Ланс со своей свитой занял проход так вальяжно, словно Академию возвели исключительно для того, чтобы ему было где торчать у стен и портить людям день. Сам он стоял в центре с привычной брезгливостью на лице. Из-за неё он выглядел старше, хотя ума она ему, к сожалению, не прибавляла.

Чуть поодаль Кроуфорд подпирал плечом каменную кладку и перебрасывал между пальцами серебряную монету. Скучающий, расслабленный, будто явился посмотреть чужое унижение и заранее знал, что представление его не разочарует. Третий, худощавый парень с острым, неприятно цепким взглядом, лениво наматывал на запястье кожаный шнурок. Маленький костяной амулет то исчезал в его ладони, то снова выскальзывал наружу.

Внутри у Амалии всё стянулось в тугий узел. Эльза рядом едва заметно напряглась.

— Пойдём другим путём, — тихо предложила она.

С какой стати я должна куда-то сворачивать из-за этого придурка?

Амалия заставила себя продолжить идти спокойно, не ускорять шаг.

Ланс отлепился от стены.

— Смотрите, кто к нам идёт, — протянул он, смакуя каждое слово. — Серая Брандт. Кроуфорд коротко хмыкнул, не переставая играть с монетой.

— Ты видел её руны?

— Говорят, они даже не светятся.

— Как и её будущее в Академии, — закончил Ланс.

Все трое рассмеялись.

Жар хлынул Амалии в лицо, Эльза осторожно тронула её за рукав.

— Не слушай их, пойдём.

Она потянула Амалию за собой, но та не двинулась. Внутри уже ворочалось буря самых разных эмоций. От нахлынувшей ярости свело челюсть.

Ну уж хрен тебе.

Амалия подняла подбородок.

— Ланс, твои шутки так же убоги, как и ты сам, — произнесла она ровно. — Дай пройти.

Тишина прокатилась по коридору, погасив смешки. Улыбка исчезла с лица Ланса не сразу. Сначала застыла, словно он не поверил, что какая-то Серая посмела ответить, потом медленно сползла, обнажая то, что обычно пряталось за ленивой насмешкой.

Ланс шагнул к ней и окончательно перегородил дорогу. Между ними осталось меньше локтя. Амалия ощутила исходящее от его тела тепло и ненавистный запах дорогого пряного масла. Пришлось запрокинуть голову, чтобы не разорвать зрительный контакт. Ноги требовали отступить хотя бы на шаг, но она вросла подошвами в каменный пол.

Ланс обвёл приятелей взглядом, будто заранее знал, что они оценят следующую шутку.

— И что же тебе придётся сделать, чтобы мы тебя пропустили? — спросил он почти ласково, Амалии тут же захотелось скривиться. Ланс чуть наклонил голову, разглядывая её с откровенным удовольствием. — Может, на колени встанешь?

У Эльзы сорвался короткий вдох.

Вот же ублюдок.

Она смотрела на его плечи, на тень, легшую от подбородка на ворот рубашки, на бровь, насмешливо приподнятую в ожидании её реакции. Хотелось сказать что-нибудь едкое. Что-нибудь такое, после чего он заткнётся хотя бы на минуту. Но в голове было пусто, только мерзкое, предательское: не вздумай заплакать.

За спиной кто-то замедлил шаг. Несколько студентов обернулись, но никто не подошёл. Конечно, зачем вмешиваться, когда можно посмотреть?

Коридор вдруг показался Амалии до смешного узким, и именно тогда за их спинами раздался спокойный голос:

— Или можешь просто уйти.

Все обернулись. В нескольких шагах от них стояла Мариэль. Её наряд был образцом утончённой роскоши: облегающий белый костюм подчёркивал стройность фигуры, а поверх него ниспадал длинный плащ, касавшийся пола. Ткань казалась невесомой, но при этом благородно плотной. Золотые узоры, вышитые на рукавах и вдоль края плаща, напоминали древние руны или ветви волшебных деревьев. Волосы, собранные в высокий хвост, лишь усиливали ощущение собранности и внутренней силы, заключённой в этой изящной оболочке.

Мариэль скрестила руки на груди и смотрела на Ланса как на мешок мусора.

— Мы просто...

Кроуфорд перестал крутить монету между пальцами, третий парень отвёл взгляд. Мариэль даже не посмотрела на них.

— Отойдите.

Ланс усмехнулся.

— Но она же...

— Я сказала: отойдите. — Мариэль медленно перевела взгляд на него.

Ланс почему-то больше не стал спорить.

Амалия видела, как напряглась его челюсть, как пальцы сжались в кулак и тут же разжались. Ему хотелось огрызнуться, это было видно. Хотелось послать Мариэль куда подальше, сохранить перед приятелями лицо, сделать вид, будто ему плевать. Только вот он не сделал ничего из этого. Наоборот, отступил на полшага как послушный пёс. Кроуфорд следом убрался с дороги, а за ним и третий парень. Проход открылся.

Ланс прошёл мимо нарочито медленно, не отрывая глаз от Амалии. Злость в его взгляде была почти осязаемой, но под ней таилось кое-что хуже — обещание, которое он даже не пытался скрыть.

Тебе крышка.

Амалия выдержала его взгляд и не отступила, хотя сердце колотилось так, будто пыталось проломить рёбра и сбежать без неё. Пусть подавится своей угрозой. Она не доставит ему удовольствия увидеть её страх.

Ланс отвернулся первым. Смех его приятелей ещё какое-то время метался под сводами, а затем шаги стихли в дальнем коридоре. Только тогда Амалия позволила себе выдохнуть сквозь стиснутые зубы, стараясь не показать, как дрожат колени. Мариэль приблизилась и скользнула по ней быстрым, цепким взглядом, будто проверяла, не успел ли Ланс оставить на ней что-нибудь, кроме своей поганой угрозы.

— Ты в порядке?

— В порядке.

Эльза всё ещё стояла рядом. Она выглядела бледной и натянутой, как струна. Её пальцы крепко обхватывали локоть Амалии, словно она боялась, что та сейчас либо упадёт, либо бросится следом за Лансом и закончит начатое. Мариэль ещё несколько секунд смотрела в коридор, куда он ушёл.

Наконец она повернулась к Амалии.

— Не нарывайся, — произнесла Мариэль негромко. — Он злопамятный.

Серьёзно? А я-то решила, что этот ублюдок просто не умеет достойно проигрывать.

Амалия уже открыла рот, чтобы поблагодарить её, но слова застряли. Вместо них на язык полезли вопросы. Почему Мариэль снова оказалась рядом именно тогда, когда стала нужна? Почему вмешалась? И какого чёрта защищала рунных студентов, если так старательно изображала, будто весь остальной мир вызывает у неё одну лишь скуку?

Но Мариэль не оставила ей ни единого шанса спросить. Она развернулась и ушла. Платиновые волосы скользнули по спине холодным серебром, белая мантия мелькнула среди студентов, и через несколько мгновений Мариэль исчезла в толпе.

После неё остался лишь тонкий запах морозных цветов и слишком много вопросов, чтобы Амалия могла просто выбросить её из головы.

После трёх пар Амалия едва соображала. Голова гудела от дат и магических законов, а встреча с Лансом всё ещё сидела занозой под рёбрами. Попрошавшись с Эльзой, она направилась к Башне Рун.

Лориан ждал её.

В кабинете горела единственная лампа. За высокими окнами стужались сумерки, превращая Академию в холодный синий силуэт.

Амалия задержалась на пороге. Лориан поднял глаза от разложенных на столе инструментов.

— Ты опоздала на три минуты.

— Лекция затянулась.

Она закрыла дверь, щёлкнул замок.

Лориан взял кисть.

— Раздевайся.

Лориан, не могли бы вы подбирать слова? А то я уже веду себя, как идиотка.

Амалия сняла мантию и повесила её на стул. Под ней осталась простая льняная рубашка, которая под его взглядом вдруг показалась неприлично тонкой. Приблизившись, Лориан остановился почти вплотную. От него пахло пергаментом и горькими травами.

— Повернись.

Амалия послушалась. Несколько мгновений он ничего не делал. Эта пауза действовала хуже любого прикосновения. Затем его ладони легли ей на плечи. Лориан осторожно взялся за ворот рубашки, молча ожидая разрешения. Амалия не обернулась — только выдохнула, давая понять что готова. Он медленно спустил ткань сначала с одного плеча, потом с другого, открывая верх спины. Холод коснулся обнажённой кожи, а следом и его дыхание.

Амалия закрыла глаза. По позвоночнику прошла дрожь, пальцы сжались.

Вот дерьмо.

— Не бойся, — тихо произнёс Лориан.

— Я не боюсь.

— Тогда не дрожи. — его дыхание снова обожгло затылок.

Лориан взял кисть. Амалия услышала, как стеклянный флакон тихо звякнул о край стола, а затем его пальцы вновь легли ей на плечо.

— Я нанесу руну на спину, — сказал он. — Там её никто не увидит. Только ты.

— И вы.

Слова вырвались раньше, чем Амалия успела их проглотить. За её спиной стало тихо, невыносимо тихо.

— И я, — произнёс Лориан наконец.

Кисть легла между лопаток. Первый холодный штрих заставил её напрячься. Лориан вёл линию медленно и точно, без единого лишнего движения. За первой появилась вторая, затем третья. Тёмный состав скользил по коже ледяными дорожками, но холод быстро уходил вглубь и там превращался в тепло.

Лориан работал молча. Иногда его пальцы касались её спины: придерживали ворот, чуть поворачивали плечо, проверяли изгиб знака. Ничего лишнего.

Тогда какого чёрта каждое касание отзывалось у неё ниже живота?

Амалия крепче ухватилась за край стола.

Соберись. Он рисует руну, а не соблазняет тебя. Наверное.

— И что вы на мне пишете? — спросила она, стараясь не выдать голосом ни дрожь, ни собственную глупость.

— Руну «Связывание».

— А что именно она связывает? — кисть вновь прошла по коже, и Амалия прикусила внутреннюю сторону щеки.

— Магические потоки. Те, которые в твоём теле оборваны или перекрыты. Твоя магия похожа на старый замок. Ворота заперты. Проходы заложены камнем. На дверях столько засовов, будто тот, кто их ставил, боялся не того, что проникнет внутрь...

Он выдержал короткую паузу.

— ...а того, что однажды вырвется наружу.

По рукам Амалии выступили мурашки.

Последний штрих лёг на кожу. Почти болезненно-сладкое тепло медленно прокатилось вдоль позвоночника. Амалия резко втянула воздух.

Лориан отнял кисть, деревянная ручка с тихим стуком легла на стол, но его ладонь всё ещё оставалась на её спине.

Лориан сделал шаг ближе. Пространство между ними сузилось до критического минимума. Амалия физически ощущала каждый контур его тела, бешеный стук его сердца и обжигающий жар, исходящий от груди.

— Теперь смотри, — сказал он. Его голос прозвучал у самого уха, низкий и тихий. Амалия вздрогнула, и руны на спине отозвались теплом.

Лориан подвёл её к зеркалу, Амалия подняла взгляд.

Золотые линии переплетались между лопаток, спускались вдоль позвоночника и расходились по коже сложным узором.

— Красиво, — выдохнула она.

— Ты красива.

Амалия встретила с его отражением. Во рту мгновенно пересохло.

— Профессор...

— Лориан, — напомнил он вполголоса.

Сердце с размаху ударило о рёбра. Руны вспыхнули ярче, безжалостно выдав её.

Ну конечно. Почему бы магии не сообщить ему, что я сейчас вообще не соображаю?

Золотой свет скользнул по лицу Лориана и отразился в глазах, растопив привычную черноту. Теперь они казались тёплыми.

— Лориан, — повторила она едва слышно.

Монтгомери медленно вдохнул. На мгновение Амалии показалось, что его самообладание дало трещину, но Лориан ничего не сказал.

Между ними оставалось всего несколько жалких сантиметров. Она чувствовала тепло его тела, слышала дыхание и не понимала, кто из них подался ближе. Может, никто. Может, её обманывали зеркало, полумрак и проклятое сердце, которое уже явно жило собственной жизнью.

Низ живота стянуло горячим узлом.

Только этого не хватало.

Лориан поднял руку, кончики его пальцев бережно легли на край руны. Он не нарушил ни одной линии, но прикосновение прошло по Амалии до самого позвоночника. Она прикусила щёку изнутри, удерживая вздох. Судя по его взгляду, недостаточно хорошо.

— Запомни это чувство. Мгновение, когда внутри тебя что-то просыпается.

Их глаза встретились в зеркале.

— Не бойся его, не пытайся задушить. И никогда не называй слабостью то, что однажды станет твоей силой. Прими это.

Слова скользнули под кожу глубже рун, а потом Лориан убрал руку и отступил.

Амалия осталась перед зеркалом, глядя на золотые письмена. Она пыталась понять, что, боги, сейчас произошло.

Лориан отвернулся к столу.

— Одевайся.

Голос вновь стал ровным и собранным, только Амалия уже услышала короткое промедление перед приказом.

Она медленно надела рубашку. Ткань скользнула по чувствительной коже, заставив руны снова нагреться. Пуговицы никак не желали попадать в петли — пальцы дрожали, предатели чёртовы.

Когда последняя застёжка скрыла золотой узор, кабинет снова погрузился в мягкий полумрак. Лориан уже сидел за столом. Он взял перо и склонился над бумагами, будто несколько мгновений назад не смотрел на неё так, что у неё едва не подогнулись колени.

— Ты свободна, — сказал он, не поднимая глаз.

Свободна, как же. Теперь я связана с вами сильнее, чем прежде.

Амалия задержалась у двери.

— Лориан?

Он поднял голову от бумаг, одна бровь чуть приподнялась.

— Да?

Теперь отступать было поздно. Хотя сбежать из кабинета и притвориться, что она вообще сюда не заходила, всё ещё казалось отличным планом.

— Осенний бал... — начала Амалия и тут же прокляла себя за дрогнувший голос. — Вы пойдёте?

Лориан медленно отложил перо. Этот простой жест заставил её сердце заколотиться ещё сильнее.

— Обычно я избегаю подобных мероприятий.

— Но в этом году могли бы сделать исключение.

Твою ж, это прозвучало почти как требование.

— Зачем?

Амалия открыла рот и не нашла ни одного безопасного ответа. Сказать правду? «Потому что я хочу провести вечер с вами. Хочу увидеть вас не профессором, а мужчиной. И, возможно, совершить ещё несколько крайне неразумных вещей».

Прекрасный способ умереть от стыда прямо на месте.

— Чтобы составить мне компанию, — наконец сказала она.

В кабинете стало мучительно тихо. За окном над башнями проступали первые звёзды, но Амалия смотрела куда угодно, лишь бы не встречаться с ним глазами. Смелость, которая толкнула её на этот разговор, сдохла быстро и бесславно.

— Ты приглашаешь меня на бал, Амалия?

В его голосе прозвучала едва заметная удивлённая усмешка.

— Да, — выдавила Амалия. — Приглашаю. Все будут в масках, никто не узнает вас.

— Меня беспокоит не это.

— А что тогда? — Амалия замерла.

— *Причина*, по которой ты хочешь видеть там именно меня?

К щекам снова прилил жар.

Ну разумеется. Почему он не мог просто согласиться, не выворачивая меня наизнанку одним вопросом?

— Возможно, мне нравится ваша компания.

— Возможно?

— Не заставляйте меня повторять. — на этот раз он усмехнулся открыто.

Лориан выдержал паузу, будто решение всё ещё требовало размышлений, хотя взгляд уже выдал его.

— Хорошо, — произнёс он. — Я приду, в маске.

Сердце ухнуло вниз и тут же забило где-то в горле.

— Правда?

— Я похож на человека, который даёт обещания ради вежливости?

Нет. Он был похож на человека, который либо не обещает ничего, либо переворачивает твой мир одним коротким «да».

— Спасибо, — прошептала Амалия.

— Не благодари раньше времени. Ты ещё можешь пожалеть, что пригласила меня.

В его голосе не было угрозы, но по коже всё равно пробежала горячая дрожь.

— Сомневаюсь.

Взгляд Лориана скользнул по её лицу и на мгновение задержался на губах. Или ей показалось? Да чтоб его. Теперь она будет вспоминать это до самого бала.

— Иди, Амалия, — мягко сказал он. — Тебе нужно отдохнуть.

Она кивнула и направилась к двери, из последних сил сохраняя достойный вид. Только оказавшись в коридоре, Амалия прислонилась спиной к холодному камню и закрыла лицо ладонями.

— Я в полной жопе, — выдохнула она, не в силах сдержать улыбку.

Через два дня, возвращаясь с утренней лекции, Амалия увидела у двери своей комнаты небольшой свёрток. Тёмно-синяя ткань тускло поблёскивала в полумраке коридора. Серебряная лента мерцала, выпуская едва заметные искры магии.

На ярлычке значилось всего два слова:

«Брандт А.»

— Это ещё что? — Мила немедленно заглянула ей через плечо. Любопытство вспыхнуло в её голосе с такой силой, словно свёрток адресовали лично ей. — Только не говори, что ты завела тайного поклонника и молчала. Я такого предательства не переживу.

Под рёбрами неприятно шевельнулось предчувствие. Подарков без причины не бывает. Особенно оставленных под дверью без единого слова.

Амалия наклонилась и осторожно подняла свёрток. Тот оказался почти невесомым.

— Открывай, — потребовала Мила и даже подпрыгнула от нетерпения. — Немедленно! Пока я не сделала это за тебя.

Эльза тоже подошла ближе. Обычно сдержанная, сейчас она даже не пыталась изображать равнодушие. Её взгляд прошёлся по ткани, задержался на серебряной ленте, а затем на имени.

— Сначала проверь чары, — посоветовала она.

— Спасибо, — пробормотала Амалия. — Теперь я ещё и взрыва жду.

Проклятья не ощущалось, лишь слабое, ровное тепло, исходившее от ленты. Наверное, это должно было успокаивать. Ни черта не успокаивало.

Амалия потянула за узел. Серебряная лента дрогнула и сама скользнула из-под её пальцев.

На мягкой подкладке лежала серебристо-алая маска. По краям тянулась сложная вязь: завитки сталкивались с острыми линиями, мелкие рунические изгибы прятались один в другом, вынуждая взгляд следовать за ними всё дальше. Казалось, ещё немного — и узор сложится в послание. Алые фрагменты отливали густым винным цветом; серебро отвечало холодными вспышками всякий раз, когда на него падал свет из окна.

Амалия взяла маску за край. Материал под пальцами был гладким, похожим на зачарованный шёлк, но форму держал безупречно. Внутри угадывалась тончайшая магическая основа. И чертовски дорогая.

— Охренеть, — благоговейно выдохнула Мила. Она потянулась к маске, но остановила пальцы в нескольких волосках от неё. Затем обошла Амалию, наклонилась то с одной стороны, то с другой и тихо присвистнула. — Ты вообще понимаешь, что держишь?

— Судя по твоему лицу, нечто, за что меня скоро ограбят.

— Это не просто «нечто». Ручная работа, зачарованный шёлк, серебряная нить... — Мила сощурилась, всматриваясь в вышивку. — Нет, погоди. Здесь примесь лунного металла.

Она выпрямилась и посмотрела на Амалию так, будто та только что призналась в помолвке с наследным принцем.

— Я видела похожие изделия на выставке артефактов в западном крыле. Они стоят неприлично дорого. Не как «пропустить пару ужинов», а «продать фамильный дом и ещё

остаться должной» дорого! Не каждый студент может себе такое позволить. Да что там студент — не каждый взрослый маг.

— Шикарная, — негромко произнесла Эльза.

Амалия перевернула маску, и из складок ткани выпала записка. Плотная кремовая бумага медленно опустилась на каменный пол. Амалия подняла её и развернула.

«Эта маска создана специально для тебя. Я буду рад, если ты наденешь её».

В коридоре повисла тишина. Даже Мила замерла с приоткрытым ртом. Эльза переглянулась с ней и вновь посмотрела на Амалию, теперь внимательнее.

Сердце Амалии забилося быстрее. Она взглянула на маску, и мысли сами собой вернулись к Лориану. К полумраку его кабинета, к тёплому свету лампы, к его пальцам, выводившим руны на её коже.

Неужели это он?

Чем дольше Амалия разглядывала подарок, тем сильнее крепла уверенность. Холодная точность работы напоминала Лориана. Ни один студент не смог бы заказать такую вещь — из зачарованного шёлка, с серебряной нитью и вплетённым в неё лунным металлом; с живой рунической вязью, почти незаметной для неопытного глаза.

— Ну, теперь точно поклонник, — прошептала Мила. — И какой романтичный...

Амалия почти не слышала её. Перед глазами вновь возникло старое зеркало, золотые линии на её спине и Лориан, стоявший позади.

«Эта маска создана специально для тебя».

Слова отзывались внутри странной нежностью.

— Это он, — тихо сказала Амалия.

— Кто? — моргнула Мила.

Амалия подняла глаза. На губах появилась робкая, взволнованная улыбка.

— Лориан.

— Профессор Монтгомери? Тогда почему анонимно? — Мила ахнула так громко, что в конце коридора обернулись двое первокурсников. Эльза лишь приподняла бровь.

Амалия снова посмотрела на маску. Алое и серебряное сияние дрожало в её руках, словно пламя, пойманное в лунный свет.

— Не знаю.

Но в глубине души она догадывалась. Лориан не вручил бы ей подарок среди бела дня, не позволил бы слухам расползтись по Академии. Он оставил бы знак; такой, который могла понять только она.

Глава 7

Осень уже наступила. За окном давно не было того золотого заката, каким Амалия любовалась в первые дни. Теперь небо по утрам было бледным, почти прозрачным, а по стеклу бежали мелкие капли дождя, оставляя за собой мутные дорожки.

На тренировочной арене царил особая атмосфера. Близнецы Акияма отработывали связку приёмов, их движения были отточены до совершенства. Макото двигался с грацией хищника, его катана рассекала воздух с тихим свистом. Рин, более лёгкая и стремительная, словно танцевала между атаками, используя силу противника против него самого.

Рин первой прервала тренировку, заметив, что брат сегодня был не собран. Она опустила меч и вытерла пот со лба тыльной стороной ладони. Макото стоял напротив, тяжело дыша.

— Что с тобой?

— Вспоминаю прошлое... И пытаюсь понять, в какой момент всё стало другим.

— Ты ведь знаешь, что я тебя не оставлю? Когда Совет узнал о твоей силе Рун, я осталась рядом.

Макото опустил голову. Перед глазами возник тот зал: своды, теряющиеся в пурпурном дыму, бесцветное сияние кристаллов и наставники, разом превратившиеся в незнакомцев.

— Они называли меня предателем, — глухо проговорил он. — Сказали, что я намеренно скрывал свою истинную природу.

— Но ты её не скрывал, — в голосе Рин появилась сталь. — Стража Мнемосии потеряла право судить нас в тот миг, когда наказала тебя не за поступок, а за кровь.

Рукоять меча впилась в ладонь, пальцы сжались до дрожи. По запястью метнулась нить рунического света. Он отвернулся, собираясь спрятать руку, но Рин поймала её раньше: без колебаний сомкнула пальцы на его запястье.

— Мы вместе прошли академию боевых магов; учились падать так, чтобы успеть подняться прежде, чем нас добьют. Стояли на испытаниях, после которых других уносили с арены; защищали границы; хоронили тех, кого не сумели вытащить. И ты правда думаешь, что после всего этого какой-то Совет решит за меня, кто ты? Мы выжили потому, что, когда один из нас падал, второй не спрашивал разрешения его поднять.

Макото поднял на неё глаза. Боль из них никуда не делась, но теперь сквозь неё пробивалось тихая благодарность, для которой он, как обычно, не мог подобрать слов. Макото смотрел на сестру и будто заново осознавал простую вещь: даже если однажды весь мир отвернётся и назовёт его чужаком, останется человек, который помнит его настоящим.

— Ты всегда была моей опорой, без тебя я бы там не выжил.

— А без тебя я бы перестала быть собой, — Рин едва заметно улыбнулась.

Слова застряли в горле, и в воздухе повисла гнетущая пустота. Рин терпеть не могла такие моменты. Ещё немного — и они оба окончательно размякнут. Этого только не хватало.

Она первой разжала пальцы, отпуская его руку, и отступила.

— Продолжим тренировку? — в её голос вернулась привычная дерзость, а в фиолетовых глазах вспыхнул самоуверенный блеск. — Покажи чего стоят твои руны в настоящем бою.

— Только пообещай, что не станешь использовать свои особые приёмы.

Рин медленно выгнула бровь.

— Договорились. — она подмигнула и прокрутила меч в ладони. Клинок рассёк воздух, оставив за собой серебряную дугу. — Но не обольщайся. Я всё равно надеру тебе задницу.

— Это мы ещё посмотрим, — Макото тихо рассмеялся.

Он поднял меч и принял стойку, Рин сорвалась с места.

Арена ожила. Клинки высекали искры, магия вздрагивала в воздухе, руны вспыхивали в такт ударам. Там, где несколько мгновений назад звучали болезненные признания, теперь

оставались лишь свист стали, сбившееся дыхание и азарт двоих, которые наконец снова узнали друг друга.

Через час студенты первого курса начали стекаться на арену. Под каменными сводами гудели голоса, звенели пряжки, шуршала плотная ткань выданной формы. Сегодня магов переодели в военное обмундирование — почти такое же, какое носили «Стальные клинки». Куртка непривычно стягивала плечи, высокий воротник натирал шею, а пояс с ножнами казался слишком тяжёлым. Амалия чувствовала себя не воительницей, а девчонкой, случайно забредшей туда, где людей учат убивать.

Коргат вышел на середину арены и велел разбиться на пары. На этот раз первым к Амалии подошёл Дормиэль.

— Готова? — спросил он.

— Да. — лож вышла короткой и вполне убедительной. Жаль, что скрутившийся узлом живот не умел притворяться.

На другом конце арены Кассиан встал напротив парня со Стихий. Тот держал клинок уверенно, без лишнего напряжения. Похоже, сегодня Кассиану достался противник, которого не придётся учить, с какой стороны хвататься за рукоять. Тёмный маг окинул арену холодным взглядом и остановился на Амалии. Кассиан не улыбнулся, даже бровью не повёл. Но от его взгляда у неё по спине пробежало тепло, совершенно неуместное на тренировочной арене.

Дормиэль показывал неторопливо приёмы, Амалия помнила эти движения с прошлого занятия. Тело больше не сопротивлялось каждому приказу. Она не вцеплялась в рукоять до побелевших пальцев и не шарахалась от чужого клинка. И всё же чужое внимание ощущалось кожей. Амалия поднимала глаза — и всякий раз натыкалась на взгляд Кассиана. Даже сражаясь со своим противником, он умудрялся следить за ней.

— Не отвлекайся, рунная леди, — негромко произнёс Дормиэль. Его пальцы легко коснулись её плеча.

Амалия вздрогнула, словно её резко выдернули из глубокой воды.

— Прости, — выдохнула она и крепче перехватила рукоять тренировочного меча.

— Ничего. Ещё раз.

Она кивнула.

Стопы устойчивее, плечи опустить, не смотреть на клинок, а следить за корпусом противника. Так объяснял Кассиан. То же самое сейчас повторял Дормиэль, но в голове почему-то звучал другой голос — низкий, насмешливый и невыносимо спокойный.

Проклятье.

— Хорошо, теперь быстрее.

Амалия сжала рукоять. На этот раз, когда она двинулась вперёд, то не стала искать взгляд Кассиана.

Пусть смотрит.

Темп изменился мгновенно. Металл зазвенел жёстче, удары посыпались один за другим. Дормиэль больше не берёг её. Его движения стали быстрее и чище, и Амалии пришлось выскрести из себя всё внимание до последней жалкой крохи. На лбу выступил пот. Выбившаяся прядь прилипла к виску, дыхание сбилось, в лёгких начало саднить. Но сквозь усталость пробивалось упрямое, почти злое удовольствие. Тело наконец соотносилось быстрее головы.

— Ещё, — бросил Дормиэль.

Амалия стиснула зубы.

Он рванулся вперёд слишком быстро. Выпад вышел резким, и на какую-то долю мгновения потерял точность. Клинок скользнул вдоль её защиты, ушёл с нужной линии, и холодная сталь чиркнула Амалию по предплечью.

На краю пореза налилась капля крови, тяжело дрогнула и поползла вниз, оставляя за собой яркий след.

— О Небо, Амалия! — Дормиэль отпрянул так резко, будто сталь полоснула не её, а его. Меч выскользнул из пальцев и с тяжёлым стуком упал на песок. — Прости. Я не хотел... Я...

Амалия опустила взгляд на предплечье. Рана была противной и жгучей, но не опасной. Кровь сочилась лениво, тонкой нитью.

— Ничего страшного, просто царапина.

Подумаешь, разрезал руку. Обычный учебный день.

Она уже полезла в карман за платком, когда рядом возник Кассиан. Ещё секунду назад он с привычной скукой отражал чужие удары. Теперь между ними оставался один шаг, а от его равнодушия не осталось ничего.

На лице Кассиана проступило такое открытое беспокойство, что Амалия едва не забыла о боли.

Где твоя обычная ледяная рожка, Кассиан?

— Дай посмотрю.

Кассиан отеснил грубо отеснил Дормиэля плечом. Раздражение вспыхнуло в Амалии горячей волной.

Да что вы себе позволяете, оба!

— Я в порядке.

Кассиан перехватил её за запястье и повернул руку к свету. Тёмные пряди упали ему на лоб, когда он склонился над порезом. Вблизи напряжение на его лице читалось слишком ясно: застывшая челюсть, потемневший взгляд и страх, который он не успел скрыть.

Амалия смотрела на него и злилась.

— Ты всегда настолько неосторожна? — спросил Кассиан сквозь зубы.

— Это не её вина, — вмешался Дормиэль, с лица у него ещё не сошла бледность. — Я ошибся.

Кассиан медленно выпустил запястье Амалии и повернулся к нему. Что-то изменилось прежде, чем один из них успел заговорить. Воздух между магами уплотнился, наполнился немой угрозой.

— Твоя ошибка могла стоить ей жизни, — процедил Кассиан, целиком развернувшись к Дормиэлю, больше не глядя на Амалию. — Ты понимаешь, что натворил?

— Понимаю лучше тебя, — в голосе Дормиэля впервые звякнул металл. — И вижу, что рана неглубокая.

— Значит, ей повезло.

— Это учебная арена, Кассиан. Здесь бывают травмы.

— Когда клинок держит рука, которая не умеет с ним обращаться.

— Я умею. — Взгляд Дормиэля стал на секунду пугающим.

— Сегодня ты доказал обратное.

Амалия шагнула между ними раньше, чем здравый смысл успел её остановить.

— Хватит! Оба! Я вам не кукла, чтобы делить меня посреди арены. И забота твоя, Кассиан, мне не нужна.

Голос почти утонул в грохоте тяжёлых шагов. Коргат возник рядом бесшумно, невозможно бесшумно для человека такого сложения. Одно его присутствие оборвало спор надёжнее самого зычного окрика. Широкоплечий, с лицом, будто вытесанным из камня, он обвёл всех троих коротким, тяжёлым взглядом.

— Довольно.

Дормиэль отвёл глаза. Кассиан сжал челюсть так, что на скуле дёрнулась жилка, но смолчал. Коргат опустил взгляд на меч, брошенный в песок, затем на окровавленное предплечье Амалии. Несколько долгих секунд он изучал порез с полнейшим, почти пугающим спокойствием.

— Амалия, обработай рану, а для тебя, Кассиан, занятие не закончено.

— Но... — Кассиан вскинул голову резче, чем следовало.

— Я сказал — не закончено.

От голоса Коргата веяло такой непреклонностью, что спорить не хотелось.

Амалия молча пошла к аптечке у стены, каждой клеткой кожи чувствуя два взгляда, впившихся в спину. Один — тяжёлый, мрачный, почти прожигающий насквозь. Другой — совсем иной: виноватый, светлый, полный раскаяния, которое хотелось одновременно оттолкнуть и утешить.

Эльза догнала её через несколько шагов.

— Ты как? — спросила она, когда они отошли достаточно далеко, чтобы их не слышали остальные.

— Нормально, просто царапина, — Амалия открыла деревянный ящик с целебными мазями и бинтами.

— Кассиан выглядел так, будто тебя смертельно ранили.

Амалия нахмурилась, снимая крышечку с маленькой баночки. От мази пахло мятой, смолой и чем-то горьким. Она нанесла её на порез и поморщилась, когда кожу зашипало.

— Кассиан всегда выглядит так, будто весь мир лично его оскорбил.

Через несколько дней после происшествия на арене Дормиэль отыскивал Амалию в библиотеке. Она сидела над раскрытым трактатом, уже в третий раз перечитывая одну и ту же строку. Без толку. Руны расползались перед глазами и складывались в совсем другие образы: гладкую поверхность маски, тёмный силуэт Лориана, залитый огнями бальный зал.

Бал.

Он приближался с какой-то издевательской скоростью, таща за собой всё, к чему Амалия ни фига не была готова: музыку, разговоры, танцы, сотни чужих глаз и правила, о существовании которых она наверняка узнает лишь после того, как успеет их нарушить.

Она так глубоко закопалась в собственные тревоги, что не услышала шагов.

Между стеллажами скользнула светлая фигура. Дормиэль остановился напротив, но Амалия даже не подняла головы. Тогда он без единого слова положил ладонь на раскрытые страницы и захлопнул книгу.

Глухой удар прокатился под библиотечными сводами.

Амалия вздрогнула так сильно, что едва не опрокинула чернильницу.

— Ты совсем с ума сошёл? — прошипела она, прижимая ладонь к груди. Сердце там билось, как бешеное.

Спасибо, Дормиэль. Ещё немного — и никакого бала не понадобится. Меня просто похоронят вместе с проклятым учебником.

Он стоял перед ней с самым невозмутимым видом. Светлая мантия ниспадала безупречными складками, волосы были аккуратно убраны назад. Только в глазах горело уже знакомое упрямство.

— Мы идём танцевать.

Амалия несколько раз моргнула.

— Что?

— Танцевать, — терпеливо повторил он, будто это она сейчас вела себя странно. — Ты когда-нибудь танцевала на балу?

Она отвела взгляд. Вот же гад. Даже врать не пришлось — ответ и без того был написан у неё на лице. В прошлом Амалии Брандт не нашлось места ни сияющим залам, ни шелесту дорогих платьев, ни поклонам, отточенным до кончиков пальцев. Её никто не учил скользить по паркету, улыбаться незнакомцам и делать вид, будто ей не хочется сбежать через ближайшее окно. Танцевать перед толпой казалось страшнее, чем снова выйти на арену с мечом. На арене хотя бы знаешь, кто хочет тебя ударить, на балу все улыбаются.

— Я справлюсь, — сказала она. Прозвучало жалко. Настолько, что Амалия мысленно выругалась и выпрямила спину, словно это ещё могло спасти остатки её достоинства.

— Несомненно. Но будет проще, если ты хотя бы пару раз потренируешься до того, как на тебя начнёт смотреть весь зал.

Точно в больное место.

Амалия поджала губы. Её бесила сама мысль, что кто-то станет поправлять её осанку, указывать, куда деть руки, как повернуть голову и с какой ноги, чтоб её, начинать.

Вот же светлый, благородный засранец.

Амалия шумно выдохнула и положила ладонь на закрытую книгу, будто официально признавая своё поражение.

— Хорошо. Давай попробуем, — сказала она и тут же строго подняла палец. — Но только пообещай, что не будешь смеяться, когда я отдавлю тебе ноги.

— Не буду, — с убийственной серьёзностью произнёс он и протянул ей руку. — По крайней мере, вслух.

Танцевальный зал встретил их величественной тишиной.

Он находился в восточном крыле Академии, куда Амалия прежде почти не заходила. Высокие зеркальные стены отражали приглушённое сияние магических светильников, и каза-

лось, будто пространство множится до бесконечности: арки, колонны, полированный пол, бледное золото огней, их собственные силуэты — всё повторялось снова и снова, теряясь в глубине отражений. Пол блестел, словно застывшая вода.

Дормиэль подошёл к небольшой хрустальной сфере на резной подставке и коснулся её пальцами. Внутри сферы вспыхнуло мягкое сияние. Через мгновение по залу разлилась музыка — медленная, печальная мелодия вальса, будто сотканная из лунного света и далёких воспоминаний.

Амалия замерла. В музыке слышалось что-то тревожное и до странности прекрасное. Каждый новый аккорд будто задевал внутри туго натянутую струну.

Дормиэль вернулся к ней. Его ладонь легла ей на талию. От этого спокойного прикосновения спина напряглась, а дыхание на миг сбилось. Другой рукой он взял её ладонь. Амалия осторожно коснулась его плеча, стараясь выглядеть так, будто всё происходящее нисколько её не волновало. Получалось, вероятно, отвратительно.

— Расслабь плечи, слушай ритм и не торопись. Я поведу.

Именно это оказалось самым трудным — позволить ему вести. Амалия привыкла полагаться только на себя. Удерживать равновесие, даже когда почва уходила из-под ног. Не ждать, пока кто-нибудь подхватит. Но танцу было плевать на её упрямство. Стоило ей шагнуть раньше — движение рассыпалось. Она медлила, и музыка уходила вперёд, оставляя её позади. Во время первого поворота Амалия со всей неловкостью наступила Дормиэлю на ногу.

Он даже не поморщился.

— Я предупреждала, — буркнула она, чувствуя, как горят щёки.

— А я всё ещё жив, — невозмутимо заметил Дормиэль. — Продолжим.

Первые минуты превратились в борьбу с собственным телом. Ноги не слушались, мышцы оставались скованными, повороты начинались раньше, чем она успевала понять, куда её ведут. Амалия то упрямо смотрела себе под ноги, то забывала о руках, то отступала так резко, будто не танцевала, а уходила от удара. Дормиэль терпеливо направлял её, замедлял шаг, если она не успевала, и незаметно возвращал в ритм.

— Закрой глаза.

Амалия тут же напряглась.

— Зачем?

— Чтобы перестать смотреть на собственные ошибки.

Она уже приготовилась возразить, но подняла на него взгляд и осеклась. На его лице не было ни намёка на насмешку или подлую хитрость. Амалия выдохнула и закрыла глаза, Дормиэль сделал первый шаг. Её тело постепенно перестало спорить. Музыка вошла в кровь, напряжение начало отступать. Она больше не считала каждый шаг, не цеплялась мыслью за каждую ошибку. Когда Амалия открыла глаза, зал уже не казался таким огромным. Они скользили по его зеркальной тишине, а отражения плыли рядом: светлая фигура Дормиэля и она сама, непривычная себе в этом мягком, почти хрупком движении.

С того дня уроки вошли в привычку. Каждое утро Амалия и Дормиэль приходили в танцевальный зал, когда Академия только начинала просыпаться.

Амалия злилась, когда ошибалась, и хмурилась, когда сбивалась. Иногда останавливалась посреди зала и заявляла, что балльные танцы придумали люди, которым было нечем заняться, кроме как мучить других.

— Ещё раз? — спрашивал он.

— Я только что сказала, что это пытка.

— Значит, ещё раз, но медленнее.

И она возвращалась, потому что с каждым утром становилось легче, потому что Дормиэль не позволял её раздражению превратиться в стыд.

Постепенно танец перестал быть испытанием. В эти часы Амалия могла не думать о предстоящем бале, хотя именно к нему готовилась. Могла забыть о маске, Лориане и тайнах, которые с каждым днём становились всё тяжелее. В объятиях музыки, под уверенным ведением Дормиэля мир делался проще. В нём оставались только ритм, дыхание, скольжение по гладкому полу и его негромкий голос рядом.

К вечеру третьего дня Амалия уже держалась иначе. Она и сама заметила бы это, если бы не боялась признать. Спина стала ровнее, движения — мягче, а взгляд — увереннее. Когда

Дормиэль повёл её через зал в последнем вальсе, Амалия вдруг поняла, что больше не думает, куда поставить ногу. Она по-настоящему танцевала. Дормиэль смотрел на неё внимательно, с тихой гордостью, которую даже не пытался скрыть.

После последней тренировки Амалия вышла из танцевального зала разгорячённая, приятно уставшая, с музыкой, всё ещё пульсировавшей где-то под кожей. Ноги помнили рисунок вальса, ладонь — тепло руки Дормиэля, а в голове стояла непривычная, почти невесомая ясность.

Она успела сделать всего несколько шагов и едва не врезалась в Кассиана. Он стоял у колонны так, словно ждал именно её. В последнее время эта его привычка возникать на пути начинала пугать своей предсказуемостью. Кассиан не шевельнулся, только проводил её взглядом из-под тёмных прядей, беспорядочно упавших на лоб. Рукава рубашки были снова закатаны до локтей, обнажая сильные предплечья и тонкие белёсые следы старых порезов. Под глазами залегли тени. Выглядел он так, будто давно не спал.

Его присутствие мгновенно разнесло спокойствие Амалии к чёрту, вселяя раздражение и настороженность.

— Чего такая задумчивая, Рыжая? — Его хрипловатый голос разрезал тишину коридора.

— Не твоё дело.

Она попыталась пройти мимо, но Кассиан лениво шагнул в сторону, преграждая ей путь.

Ну конечно, а просто постоять и не бесить меня, видимо, ты не умеешь?

Амалия подняла голову. В серо-зелёных глазах, тронутых у зрачков золотистыми крапинками, сегодня было что-то непривычное.

— Пропусти.

Вместо ответа он сделал шаг ближе. Расстояние между ними сократилось до неприличного. Амалия ощутила исходящее от него тепло, уловила запах дыма и можжевельника. Сердце тут же ударило сильнее.

— Не торопись, — неожиданно мягко сказал Кассиан. — Я всего лишь хочу поговорить.

Несколько дней рядом с Дормиэлем приучили Амалию к другому: к спокойствию его рук, светлому терпению, бережным поправкам и улыбке, после которой хотелось стараться ещё усерднее. Кассиан был полной противоположностью. Рядом с ним ничего не становилось проще. Он не успокаивал, а наоборот, взламывал её изнутри одним взглядом и будто ждал, что она первой не выдержит.

— Ты ведь идёшь на бал, — сказал он.

— Да.

— С кем?

— Не твоё дело. — Амалия едва заметно прищурилась.

На скулах Кассиана заходили желваки. Он не отвёл глаз, но в его взгляде что-то изменилось, словно ответ задел сильнее, чем имел право. На мгновение Амалии показалось, что он сейчас съязвит, усмехнётся или снова спрячется за своей привычной наглостью, но Кассиан не сделал ничего из этого. Он подался ближе, и колонна за её спиной вдруг оказалась слишком близко, а коридор — слишком пустым.

— А если я хочу, чтобы ты пошла со мной?

У Амалии оборвалось дыхание. Она замерла, будто эти несколько слов выдернули её из реальности. Коридор расплылся: огни светильников потекли золотыми пятнами, каменные стены отодвинулись, вечер за высокими окнами провалился куда-то далеко. Остался только Кассиан и его безумное предложение.

Какого чёрта?

Он ведь не мог говорить всерьёз? Только не он. Только не после всех колкостей, исчезновений и взглядов, смысл которых менялся быстрее, чем она успевала его понять.

Взгляд Амалии был прикован к тёмному, но голос пропал, словно его и не было. Кассиан не нарушал тишины: казалось, любое слово сейчас могло всё разрушить. Его грудь едва заметно поднималась под рубашкой, и это выдавало то, чего не было в лице: он нервничал.

— Я приглашаю тебя на бал, Рыжая, — тихо повторил он, будто не хотел, чтобы кто-то ещё это услышал.

По спине Амалии прошёл озноб.

Нет, всё это было неправильно! Её сердце уже принадлежало другому — профессору. Его голосу, его сдержанным улыбкам, тем редким мгновениям, когда он смотрел на неё не как на ученицу (или ей отчаянно хотелось верить, что не как на ученицу). Именно с ним она связывала свои самые сокровенные, самые глупые мечты. Так почему от предложения Кассиана внутри всё перевернулось?

Предательская дрянь, а не сердце.

— Ты в своём уме? — наконец выдавила она.

Кассиан коротко усмехнулся, но улыбка не коснулась глаз. Вышло устало и немного горько.

— Может, нет. — он помолчал, не отрывая от неё взгляда. — А может, впервые за долгое время — да.

Амалии хотелось ответить резко, рассмеяться ему в лицо. Оттолкнуть, потребовать объяснений — сделать хоть что-нибудь, лишь бы перестать чувствовать, как его слова медленно забираются под кожу. Но горло будто сдавило.

— Я буду ждать тебя у фонтана в начале бала.

Он произнёс это спокойно, будто решение уже принято, будто её согласие — всего лишь досадная формальность. Именно это привело Амалию в чувство, и растерянность вспыхнула злостью.

— Зачем ты всё это говоришь? — Она отступила, возвращая себе хотя бы немного воздуха. Голос предательски зазвенел. — Что ты пытаешься доказать?

Кассиан промолчал. Конечно, когда нужно бросить ей под ноги очередную загадочную фразу, он не затыкается. А когда она требует нормального ответа — внезапно немой.

— Ты играешь со мной? — резче спросила Амалия. — То игнорируешь, то появляешься из ниоткуда. Смотришь так, будто имеешь право знать обо мне всё. А теперь приглашаешь на бал?

Он не отступил. В полумраке его глаза казались почти серыми, и лишь возле зрачков тлели золотистые крапинки.

— Амалия...

То, как он произнёс её имя, ударило под рёбра. Это был первый раз, когда он оставил своё любимое «Рыжая»?

— Не продолжай. — Амалия подняла ладонь, обрывая его. — Я тебя не понимаю. То ты смотришь сквозь меня, будто я пустое место. То ведёшь себя так, словно я должна перед тобой отчитываться. Что изменилось?

Кассиан шагнул к ней. Амалия не отступила, хотя тело тут же отозвалось на его близость: сердце забилось быстрее, ладони нагрелись, дыхание сбилось.

Проклятье! Ей нравился профессор. Так почему рядом с Кассианом ей приходилось напоминать себе об этом?

— Может, ты просто решил надо мной посмеяться? Или это очередная твоя игра? Очередная загадка, где правила знаешь только ты, а я должна угадывать, чего ты на самом деле хочешь?

Он молчал, и это молчание стало последней каплей.

Амалии осточертели полутона и намёки. Его внезапная забота, за которой неизменно следовала холодность. Бессмысленные, брошенные невпопад фразы о белых мантиях, о брате,

об осторожности. Будто внутри Кассиана жили двое: один подпускал её слишком близко, а другой тут же отшвыривал прочь, замечая следы собственной слабости.

Она больше не собиралась разбираться, кто из них настоящий.

Амалия шагнула вплотную и ткнула пальцем ему в грудь. Под тонкой тканью рубашки ощутились жар и твёрдость напряжённых мышц. Кассиан опустил взгляд на её руку, но не шелохнулся.

— Отвечай, Кассиан. — Она заставила себя посмотреть ему в глаза. — Что, чёрт тебя побери, всё это значит?

Он перехватил её запястье. Пальцы сомкнулись крепко, но не причинили боли. И всё же прикосновение обожгло сильнее, чем должно было. Жар скользнул по руке, добрался до плеча и разлился под кожей, сбивая дыхание. Амалия разозлилась ещё сильнее. На него, на себя, на собственное тело, предававшее её всякий раз, когда Кассиан оказывался слишком близко.

Тёмный наклонился. Между ними осталось несколько дюймов. Амалия различала проступившую на резкой линии челюсти щетину, усталость под глазами. Видела, как в виске бьётся жилка и как тяжело ему разжать стиснутые зубы.

— Это не игра, Амалия. И я не смею над тобой. Если завтра перед балом ты придёшь ко мне, я отвечу на все вопросы, обещаю.

Она всматривалась в его лицо, пытаясь понять, где скрыта уловка. Гнев и растерянность теснили друг друга, не оставляя места здравому смыслу. Слишком многое в нём не сходилось. Забота — с равнодушием. Предупреждения — с отказом объяснять. Почти болезненная близость — с каждым новым шагом назад.

— Завтра? — глухо переспросила она. — Ты серьёзно? Опять загадки? Опять «потом»?

Амалия вырвала руку так резко, что пошатнулась. Кассиан дёрнулся к ней, собираясь поддержать, но вовремя остановился. Правильно. Если бы он снова её коснулся, она не знала, что сделает: ударит его или потребует наконец сказать правду.

— Не жди от меня послушания, — сказала она, с трудом выравнивая дыхание. — Я не одна из твоих тайн, которую можно спрятать до удобного времени.

Она развернулась. Рыжие волосы хлестнули по плечам, край мантии обвился вокруг ног. Не оглядываясь, Амалия пошла по коридору, с каждым шагом ускоряясь. Прочь от его взгляда, от запаха дыма и можжевельника. От обещания, которому она не имела права верить.

К тому времени, когда Амалия добралась до своей комнаты, шаг перешёл почти в бег. Она остановилась у двери и прижала ладонь к груди, будто могла силой удержать сердце на месте. Её трясло. Перед глазами снова возник Кассиан — близкий настолько, что она ощущала его дыхание на губах и пальцы вокруг запястья. Голос, непривычно тихий и лишённый защиты. Короткое движение навстречу, когда она едва не упала.

Что с ним происходило? Почему то смотрел сквозь неё, то вёл себя так, словно сама мысль о грозящей ей опасности причиняла ему боль?

Возможно, за всем этим действительно скрывалась причина. Возможно, завтра он назвал бы её, но Амалия не хотела ждать. Не хотела идти к нему и позволять снова распоряжаться её чувствами: приблизиться, обжечь, отступить, оставив её разбираться с последствиями.

Ей нравился Лориан. По крайней мере, рядом с этой мыслью всё оставалось понятным. С ней не приходилось бродить на ощупь среди недоговорённостей, искать смысл в каждом взгляде и сомневаться в собственных ощущениях. Чувства к Лориану имели форму, имя, направление, а Кассиан был сплошным противоречием. Амалия не понимала его намерений. Не знала, хотел ли он защитить её, использовать или спасти от чего-то, к чему сам имел отношение. Не понимала даже, чего он ждал от неё. Доверия? Терпения? Чтобы она покорно принимала редкие крупинки откровенности и не спрашивала, почему между ними всегда стоит очередная запертая дверь?

Она крепко зажмурилась. Нет, ей не нужно его понимать. Проще не подпускать Кассиана близко. Не оставаться с ним наедине. Не позволять касаться себя и говорить тем голосом, от которого мысли превращались в бесполезный шум. Держать между ними расстояние, пока он не перестанет влиять на неё.

Амалия толкнула дверь и вошла, словно отгораживаясь ею от Кассиана и недавнего разговора.

В комнате было тепло и уютно. Эльза читала в кресле у окна, а Мила завладела кроватью и половиной пола, разложив повсюду платья, ленты, туфли и украшения. Заметив раскрасневшуюся, взъерошенную Амалию, обе сразу насторожились.

Амалия сбросила мантию и опустилась на край кровати.

— Я встретила Кассиана. Этого тёмного психа... Он ждал меня после тренировки.

Мила немедленно отложила платье, а Эльза закрыла книгу.

Сбивчиво, всё ещё сердясь, Амалия рассказала, как Кассиан преградил ей путь, расспрашивал о бале, а затем пригласил пойти с ним и заявил, что будет ждать её у фонтана.

— Возможно, он ведёт себя так странно, потому что действительно что-то к тебе чувствует, — предположила Мила.

— Или ему нравится держать её в напряжении, — возразила Эльза. — Он тёмный маг, загадочный, раздражающий и слишком уверенный в своём праве появляться из теней. Не исключено, что ему просто стало скучно.

— А может, он не умеет говорить о чувствах без драмы и угроз, — заметила Мила.

Амалия невольно усмехнулась, но тут же помрачнела.

— Я не знаю, что делать. Он постоянно выводит меня из себя: то исчезает, то появляется, смотрит так, будто видит насквозь, а потом снова молчит.

Мила мягко коснулась её руки.

— Ты не обязана соглашаться.

— Но и отказывать из одной лишь злости не стоит, — добавила Эльза. — Не позволяй ни страху, ни раздражению решать за тебя.

Амалия задумалась. Совет не дал ей ответа, зато напомнил: каким бы невозможным ни был Кассиан, выбор всё равно оставался за ней.

Мила хлопнула в ладони и повернулась к разложенным нарядам.

— Эмоциональная катастрофа временно откладывается. Переходим к вопросу, который мы хотя бы способны решить: в чём мы пойдём на бал?

— Нет, не начинай, — взмолилась Амалия.

— Да! Завтра бал, и у меня есть платья, которые я ни разу не надевала.

Я даже не буду спрашивать тебя, зачем ты привезла с собой стоооолько нарядов.

После недолгих поисков на кровати остались три наряда: бордовый, синий и золотистый.

— Бордовое тебе лучше подойдёт, — уверенно выбрала Эльза. — Оно подчеркнёт твои волосы и глаза. К тому же фасон достаточно сдержанный, чтобы не чувствовать себя выставленной напоказ.

Амалия присмотрелась к платью. Глубокий оттенок и впрямь подходил ей: не слишком нежный, не вызывающе роскошный.

Спорить было бесполезно. Вскоре Амалия стояла перед зеркалом, неловко разглядывая своё отражение. Бордовое платье мягко облегло фигуру, подчёркивало талию и свободно спадало к полу. Тонкая золотистая вышивка мерцала на ткани, а рыжие волосы казались ярче пламени.

— Я же говорила, — довольно прошептала Мила. — Оно создано для тебя.

— Подходит, — подтвердила Эльза, и в её устах это прозвучало почти восторженно.

Мила добавила тонкую золотую цепочку с прозрачным камнем и серьги в форме листьев. Волосы Амалии она убрала лишь частично, оставив у лица свободные рыжие локоны.

— Только не делай из меня фарфоровую куклу, — предупредила Амалия.

— Даже не собиралась.

Для себя Мила выбрала золотистое платье, подчёркивающее её смуглую кожу. Оно струилось при каждом движении и вспыхивало медовым сиянием, словно она была рождена при свете сотен свечей. Эльза выбрала синее. Простой благородный силуэт придавал ей почти королевское спокойствие, а серебряные нити подчёркивали ясность взгляда.

— Эльза... — восхищённо выдохнула Мила.

— Если скажешь что-нибудь чрезмерно восторженное, я переоденусь.

— Ты прекрасна, — мягко сказала Амалия.

Эльза старательно поправила рукав.

— Приемлемо.

Но дрогнувшие уголки губ выдали её.

Вечер незаметно перетёк в ночь. Отглаженные платья заняли спинки стульев, украшения легли на стол, а возле зеркала выстроились туфельки, гребни и флакончики с ароматными маслами. Тревоги никуда не исчезли, но среди смеха, шелеста ткани и тёплого света лампы Амалии стало легче. Хотя бы на эту ночь.

Глава 8

Большой зал Академии изменился до неузнаваемости. Ещё вчера суровые каменные стены утопали теперь в гирляндах живых цветов. В воздухе смешались терпкий запах хвои, корицы и карамельной нуги, а под сводами медленно дрейфовали сотни светящихся сфер. На небольшом возвышении у входа играли музыканты. Мелодия растекалась по залу, подхватывала пары и вела их по кругу — то плавно, то почти вызывающе.

Переступив порог, Амалия остановилась.

Ничего себе... Я знала, что Осенний бал будет роскошным, но не настолько же!

Всюду двигались незнакомцы в масках. Цветные мантии исчезли, и вместе с ними — привычный порядок Академии. Сегодня невозможно было с первого взгляда отличить ученика от наставника, белую мантию от чёрной. Шёлк, бархат, вышивка, обнажённые плечи, перчатки до локтей. Чужие лица скрывались под серебром, кружевом и тонкими пластинами зачарованного металла.

И где, во имя всех проклятых рун, искать Лориана?

Амалия поднялась на носки, вытягивая шею. Её взгляд метался между фигурами, цеплялся за высоких мужчин в тёмных камзолах и каждый раз разочарованно соскальзывал прочь.

Может, Лориан передумал? Решил, что согласиться было ошибкой? Или вообще не собирался приходить, а сказал «да», только чтобы я наконец ушла из его кабинета и перестала смотреть на него как последняя идиотка?

От этой мысли под рёбрами неприятно стянулось. А потом она увидела знакомый хвостик у дальней колонны, чуть в стороне от танцующих пар. Сердце Амалии споткнулось и следующим ударом врезалось куда-то в горло.

Лицо Лориана скрывала тёмная маска из вельвета с тонким серебряным узором. Парадный камзол сидел на нём безупречно, подчёркивая широкие плечи. Вышивка тянулась по воротнику и рукавам, похожая на застывшие под инеем руны.

Профессор, кто дал вам право выглядеть настолько охренительно?

Лориан смотрел прямо на неё. Даже через маску она чувствовала этот взгляд.

Амалия двинулась к нему. В этот момент музыка стала глуше, голоса слились в далёкий гул. Оставалось лишь расстояние между ними, мучительно короткое и почему-то бесконечное. Когда их разделяло всего несколько шагов, Лориан оттолкнулся плечом от колонны и пошёл навстречу. Он приблизился вплотную. Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на губах всего на мгновение и снова поднялся к глазам.

— Амалия, — голос прозвучал едва слышно, но от этого шёпота у неё подкосились ноги.

— Лориан, — ответила она и, к собственному раздражению, не смогла сдержать улыбку.
— Ты пришёл.

На несколько мгновений между ними повисла тишина, хотя вокруг продолжал шуметь бал. Музыка стекала с высоких сводов, заставляя хрустальные подвески люстр едва заметно дрожать. Пары скользили по мрамору, смех тонул в шелесте платьев, обрывки разговоров вплетались в мелодию — но всё это осталось где-то за пределами маленького круга золотого света, в котором стояли они.

— Потанцуем? — спросил профессор, протягивая руку. Будто существовала вероятность, что она откажется.

Амалия вложила ладонь в его пальцы. От этого прикосновения по коже пробежала дрожь. Одно касание — и вся её хваленая выдержка полетела к чертям.

Лориан повёл её к центру зала, и толпа расступилась перед ним сама собой. Когда они заняли место среди танцующих, его ладонь легла ей на талию ровно настолько низко, насколько позволял этикет, и всё равно у Амалии внутри что-то сладко ухнуло.

Лориан танцевал так же, как держался во всём остальном, — без суеты и лишних усилий. Будто мраморный пол сам скользил ему навстречу, а музыка лишь старалась поспеть за ним. Амалия подчинилась заданному ритму и вскоре перестала считать шаги. Её тело угадывало его намерения раньше, чем разум успевал их понять. Ладонь Лориана чуть смещалась на талии — и она уже поворачивалась. Его пальцы крепче обхватывали её руку — и Амалия делала шаг навстречу, оказываясь ближе.

Слишком близко...

Недостаточно близко...

Напряжение, с которым она вошла в зал, понемногу отпускало. Чужие взгляды перестали иметь значение. Страх ошибиться тоже исчез — Лориан вёл её настолько уверенно, что рядом с ним ошибиться казалось невозможным. Монтгомери направлял её, но не подавлял. Рядом с ним Амалия не теряла контроль, она сама отдавала его. И, чтоб его, ей это нравилось.

Нравилась его близость. Спокойная мощь, скрытая под тёмным камзолом. Тепло ладони, проникавшее даже сквозь ткань платья. То, как свободно он держался среди толпы, будто весь этот роскошный бал был для него не более чем красивой декорацией.

Но сильнее всего ей нравилось, как он смотрел. Не как профессор, оценивающий очередное упражнение. Не как наставник, обнаруживший способности в своей подопечной. Лориан смотрел на неё так, что все безопасные объяснения рассыпались к чертям. Во взгляде мужчины, танцевавшего с ней, не осталось ничего профессорского. Только тёмное, сдерживаемое желание. Так смотрел мужчина, для которого она уже перестала быть просто женщиной. Она стала проблемой. Желанием, которое он слишком долго запрещал себе испытывать. Осознание ударило Амалии в грудь и растеклось жаром под кожей. Щёки вспыхнули.

О нет, только не краснеть. Только не сейчас.

Лориан заметил. От этого охренительного мужчины вообще невозможно было ничего скрыть. Его глаза потемнели. Всего на мгновение привычный контроль дал трещину, и под ним мелькнуло нечто жадное. Желание, от которого у Амалии перехватило дыхание и сбился шаг.

Лориан тут же удержал её. Прижал чуть ближе, не позволив оступиться, и повёл дальше, будто ничего не произошло. Будто он не смотрел на неё секунду назад так, словно мысленно уже избавился от всех людей в этом проклятом зале.

Мгновение спустя его лицо снова стало невозмутимым, только пальцы на её талии сжались сильнее.

— Ты напряжена, — произнёс Лориан.

Амалия подняла на него глаза. Вот ведь наглец. Стоит перед ней красивый до неприличия, держит так, что мысли разбегаются в разные стороны, смотрит так, что колени вот-вот забудут свои обязанности, — и ещё спрашивает, почему она напряжена.

— А ты слишком наблюдателен.

Я только что перешла на «ты»?

Лориан сладко улыбнулся, Амалия нервно сглотнула.

— Это часть моей работы.

— Мы сейчас не на занятии, профессор.

Последнее слово Амалия произнесла нарочно — тихо и почти вызывающе.

Лориан наклонился к ней. Для остальных — всего лишь безупречная фигура танца. Для Амалии — настоящее издевательство: его дыхание коснулось виска, а низкий голос прошёлся по коже горячей вибрацией.

— Именно это и создаёт проблему.

Чёрт. Ну почему даже слово «проблема» в его исполнении звучало так, будто он собирался нарушить все правила Академии — и несколько законов заодно?

— Для кого?

Вместо ответа Лориан повёл её в поворот. Зал сорвался с места. Золото люстр, серебро масок и густая чернота бархата сплелись в бешеный водоворот. На мгновение пол будто исчез из-под ног, однако мужская ладонь удерживала Амалию за талию.

Сексуальный мужчина, и ведь наверняка прекрасно знает об этом.

Когда поворот закончился, Лориан вернул Амалию к себе. Между их телами осталось слишком мало воздуха, чтобы продолжать притворяться, будто это всего лишь танец.

— Для меня.

Амалия всматривалась в его лицо, пытаясь понять, не выдумала ли услышанное.

Я стала его проблемой?

Когда-то Амалия думала, что всё началось с рун. Теперь поняла: руны были дверью. Лориан открыл её, но не потащил за собой. Остался на пороге, оставляя ей выбор. Не торопил, не уговаривал. Только смотрел с тёмной, нечеловеческой выдержкой, от которой хотелось одновременно сбежать и сделать что-нибудь безрассудное. Профессор знал, что однажды она шагнёт сама.

Так и случилось.

Амалия могла сколько угодно думать о Кассиане, перебирать прежние чувства, убеждать себя, что они всё ещё имеют над ней власть. Но стоило Лориану притянуть её чуть ближе — и всё прошлое становилось блёклым, почти чужим.

Первый танец закончился быстро, потом был второй, а следом и третий. К этому времени мрамор под ногами почти перестал существовать. Музыка, золотистый свет и близость Лориана смешались в густое, дурманящее ощущение, от которого мысли становились медленными, а желания — слишком честными. Амалия знала, что должна быть осторожнее. На балах замечали даже то, чего не происходило, а слухи носились по Академии быстрее заклинаний. Завтра кто-нибудь непременно вспомнит, сколько раз профессор Монтгомери приглашал на танец одну и ту же девушку. Кто-нибудь другой добавит подробностей. К вечеру вся Академия будет знать, как именно он держал её за талию и куда смотрел.

Боги, да она сама едва переживала то, как он на неё смотрел.

Третий танец уже подходил к концу, когда Лориан вдруг изменил шаг. Не сбившись с ритма, он вывел Амалию из общего круга и остановился в тени колонны. Его рука по-прежнему лежала у неё на талии. Так, словно он забыл её убрать. Или не собирался.

Амалия подняла на него глаза. Щёки горели, сердце молотилось где-то в горле, дыхание никак не желало выравниваться.

— Амалия, — произнёс Монтгомери.

— Да? — выдохнула она.

— Уйдём отсюда.

От этого спокойного тона у неё внутри всё сладко сжалось.

— Куда? — спросила Амалия, стараясь не показать, насколько сильно её взволновали эти слова.

Лориан всмотрелся в её лицо, будто хотел убедиться, что она понимает: после его ответа это перестанет быть безобидным разговором.

— Ко мне в кабинет.

Бал исчез. Музыка оборвалась где-то внутри неё. Свет померк, танцующие пары превратились в цветные пятна. Остались только его рука на её талии, собственное неровное дыхание и глухой удар сердца.

Кабинет Лориана. Башня Рун. Тишина, каменные стены, старый пергамент, чернила и оплывшие свечи. Место, где они столько раз склонялись над книгами и спорили о древних символах, где их плечи соприкасались будто случайно, а пальцы встречались над страницами

и тут же расходились. Только сегодня между ними не будет раскрытой книги. От этой мысли низ живота стянуло жаром.

— А если нас увидят? — прошептала Амалия, оглядываясь. Она не понимала, кого именно пытается найти в толпе: возможного свидетеля или причину остаться.

— Никто не увидит, все заняты танцами. К тому же мы в масках. Кто нас узнает?

Полная, безответственная чушь. Лориана Монтгомери можно было узнать даже в крошечной тьме.

Лориан не торопил Амалию. Не тянул за собой и не пытался убедить. Его ладонь покинула её талию, оставив после себя почти болезненную пустоту, а затем он протянул ей руку. Выбор оставался за ней, хотя профессор прекрасно знал, что она вложит в неё свою ладонь. Амалия вложила. Его пальцы сомкнулись вокруг её руки, и Лориан сделал шаг к выходу. Она пошла следом, не сопротивляясь. Впереди ждали полутёмные коридоры Академии. Тишина Башни Рун. Кабинет Лориана.

Пустые коридоры встретили их прохладой и тишиной. Амалия шла рядом с Лорианом, ощущая его пальцы на своей руке.

— Мы можем вернуться, — произнёс он, не глядя на неё. — Если ты хочешь.

Амалия опустила взгляд на их сцепленные руки, затем посмотрела на его профиль. Лунный свет резче обозначил линию скул и упрямый изгиб губ.

Вернуться? Сейчас? Да ни черта.

— Я не хочу возвращаться.

Лориан ничего не сказал, только крепче сомкнул пальцы вокруг её ладони и повёл дальше.

Вскоре музыка бала растворилась за поворотами. Остался размеренный стук шагов, ветер, скребущийся о каменные стены. Чем ближе становилась Башня Рун, тем яснее Амалия понимала: никакой невидимой черты впереди уже нет. Она давно её переступила.

У подножия башни их ждала тяжёлая дубовая дверь, скованная потемневшим железом. Лориан отпустил её руку лишь для того, чтобы коснуться замка. Под его пальцами пробудились руны. Золотой свет скользнул по металлу, и механизм негромко щёлкнул.

Лориан повернулся к ней.

— Последний шанс передумать.

Он стоял совсем близко — высокий, собранный, до невозможности спокойный. Только напряжённая линия рта выдавала, чего ему стоило это спокойствие.

Ещё раз предложи мне уйти, и я сама вышибу эту чёртову дверь.

— Открой её.

Лориан распахнул дверь. Кабинет встретил их густым полумраком. На краю заваленного бумагами стола горела единственная лампа. Её тёплый свет выхватывал из темноты раскрытые фолианты, исписанные пергаменты, пузырьки с чернилами, перья и каменные осколки, покрытые древними знаками. Пахло воском, пылью и горькими травами.

Лориан пропустил Амалию вперёд, но не сразу выпустил её руку. Его пальцы задержались на её ладони, этот лишний миг едва не лишил её остатков здравого смысла. Потом он всё-таки отступил и провёл рукой по замку. Руны на внутренней стороне двери вспыхнули приглушённым золотом, сложились в защитную вязь и погасли.

Никто не войдёт.

Амалия сглотнула.

— Присаживайся, — сказал Монтгомери, указав на стул у стола.

От его голоса у Амалии ослабли колени. Она всё-таки подошла к стулу, но садиться не стала. И без того казалось, что любое движение выдаёт её с головой.

Лориан остался у окна, спиной к ней. За узкими стёклами спала Академия: тёмные скаты крыш, башни, зубцы стен, холодный лунный блеск на камне. Где-то далеко внизу продолжался

бал. Музыка доносилась сюда едва различимыми обрывками, будто принадлежала другому миру.

— Ты знаешь, зачем я привёл тебя сюда? — спросил Лориан.

Амалия сглотнула. Горло пересохло так, словно всю воду в теле превратили в песок.

— Тебе надоел бал?

Попытка отшутиться вышла жалкой. Просто блестяще. Вот сейчас он оценит её потрясающее чувство юмора и отправит обратно танцевать с каким-нибудь безобидным идиотом.

Лориан медленно повернулся, и у Амалии пропали все мысли. В его взгляде не осталось ни профессорского хладнокровия, ни привычной дистанции. Он смотрел на неё так, будто всё это время держал внутри пожар и теперь впервые позволил ей увидеть его пламя.

— Потому что там я не могу танцевать с тобой, — произнёс Лориан. — Не при всех.

Он сделал шаг, Амалия не отступила. Хотя тело предательски отозвалось на его приближение: пульс заметался, ладони стали горячими, дыхание сорвалось.

— Там я должен смотреть на тебя так, будто ничего не происходит. — Ещё шаг. — Держать дистанцию. Следить за каждым словом, каждым движением. Притворяться, что ты для меня всего лишь студентка.

Он остановился.

— Но это не так.

Она ждала этих слов. Представляла сотни раз — обычно ночью, когда здравый смысл спал и не мешал ей быть полной дурой. Но вслух они оказались куда страшнее. Теперь нельзя было решить, что ей почудилось. Нельзя списать его взгляды на заботу наставника, случайные прикосновения — на уроки, а мучительное напряжение между ними — на магию.

Лориан подошёл ближе и поднял руку. Пальцы коснулись её щеки, и по телу прошла такая острая дрожь, что захотелось выругаться вслух. Лориан провёл большим пальцем вдоль скулы. Бережно, почти невесомо, от этой сдержанности Амалии стало только хуже. Если бы он схватил её, прижал к себе, поцеловал без предупреждения, возможно, это было бы проще пережить. Но он спрашивал разрешения каждым движением. И это окончательно её добивало.

— Я не должен этого делать, — сказал он. Впервые Амалия услышала, как трудно ему даётся ровный голос. — Не должен говорить тебе этого. Не должен оставаться здесь с тобой. Не должен хотеть...

Лориан оборвал себя. Мышца на его челюсти дрогнула, пальцы замерли у её лица.

У Амалии кружилась голова. От страха, от близости, от его запаха — воска, чернил и горьких трав. От осознания, что Лориан Монтгомери, которого, казалось, невозможно заставить потерять контроль, сейчас держится из последних сил. Из-за неё.

— Но ты здесь, — прошептала она.

— Да, — выдохнул он. — Я здесь.

И тогда натянутая между ними грань лопнула.

Лориан шагнул к ней, и Амалия отступила прежде, чем успела подумать. Лопатки встретились с каменной стеной. Холод пробрался сквозь тонкую ткань платья, но лишь острее обозначил жар его тела. Лориан остановился вплотную — высокий, тёмный, невыносимо красивый в своей едва удерживаемой ярости. Одна ладонь легла на стену рядом с её головой, отрезая путь в сторону. Вторая скользнула к талии и замерла в волоске от ткани. Даже сейчас, когда в его глазах было столько голодного, тёмного желания, что у Амалии ослабели колени, он оставлял решение ей.

Чёртов невозможный мужчина.

Пальцы дрожали, когда Амалия подняла руку и положила ладонь ему на грудь. Под ней оказалась плотная ткань камзола, нагретая его телом. А глубже — сильный, быстрый стук. Сердце Лориана билось так же безумно, как её собственное. Это открытие опьянило сильнее вина. Значит, не только она теряла голову. Не только она каждую проклятую минуту этого

вечера пыталась вспомнить, как дышать, когда его ладонь ложилась ей на талию. Не только она дошла до края и теперь стояла, заглядывая вниз, с совершенно ненормальным желанием прыгнуть.

Лориан тоже её хотел.

— Амалия...

Её имя прозвучало хрипло, почти сорвано. У Амалии внутри всё сладко и болезненно сжалось.

Ещё раз! Пусть скажет ещё раз именно так.

Амалия запрокинула голову. Его лицо оказалось совсем близко. Настолько, что тёплое дыхание касалось её губ, а тень от ресниц ложилась на острые скулы. Между ними оставалось несколько невыносимых сантиметров.

За стенами могла треснуть пополам Академия. Могли осыпаться башни, погаснуть защитные руны, исчезнуть звёзды — Амалии было плевать. Здесь существовали только его дыхание, её ладонь на его груди и слова, которые они слишком долго не позволяли себе произнести.

К чёрту последствия. К чёрту страх. К чёрту всё, что будет утром.

Амалия сжала пальцами лацканы его камзола и подалась вперёд. И в этот момент губы Лориана коснулись её осторожно, почти мучительно бережно, Амалия ответила. Сначала несмело, не зная, куда деть дрожь и как вообще люди продолжают дышать, когда с ними происходит такое. Потом осмелела, приоткрыла губы, сильнее вцепилась в камзол.

Лориан тихо выдохнул ей в рот. Его ладонь сомкнулась на её талии и притянула ближе. Тело к телу. Жар к жару. Амалия ощутила под пальцами напряжённые мышцы его груди, почувствовала, как тяжело он дышит, — и вместо того чтобы испугаться, сама прижалась к нему.

Тогда поцелуй изменился.

Вся его осторожность осталась лишь в руках: одна поддерживала её за талию, другая легла на затылок, не позволяя удариться о камень. Губы больше не были осторожными. Лориан целовал её так, будто месяцами умирал от жажды и наконец позволил себе напиться. Глубоко и жадно.

Из Амалии вырвался слабый, незнакомый ей самой звук. Внизу живота стало горячо, а ноги окончательно забыли, зачем нужны. Если бы не Лориан, она бы, наверное, просто сползла по стене. Руны на стенах ожили. Тусклое багровое свечение поползло по камню, откликаясь на магию Амалии, на её сорванное дыхание, на жар его ладоней. Древняя башня просыпалась вместе с ней. Время перестало что-либо значить. Остались его губы, рука на её талии, пальцы в волосах. И страшная, сладкая мысль: Лориан Монтгомери теряет контроль из-за неё.

Профессор отстранился первым — всего на несколько сантиметров. Амалия едва не потянулась следом, и по его губам скользнуло тёмное, удовлетворённое выражение.

Лориан не сводил с неё глаз, когда протянул руку к своему затылку. Одно резкое движение — и завязки ослабли. Он сорвал маску, позволив ей упасть на паркет с сухим звоном. Следом его пальцы коснулись лица Амалии. Он снял её маску медленнее, почти торжественно, будто хотел видеть всё: расширенные зрачки, пылающие щёки, губы, покрасневшие от его поцелуев.

Маска упала рядом с его.

— Я не хочу, чтобы между нами оставалось что-либо, кроме страсти, — произнёс Монтегомери.

Лориан провёл большим пальцем по её нижней губе, а затем заменил прикосновение поцелуем. Коснулся уголка рта, спустился к линии челюсти. Амалия запрокинула голову, открывая ему шею. Его губы коснулись чувствительного места под ухом. Горячая волна прошла от шеи к груди, опустилась в живот и разлилась по телу тягучей слабостью. Холод каменной стены больше не ощущался.

— Амалия, — произнёс он хрипло.

Она никогда не слышала, чтобы мужчина произносил женское имя так. Будто оно было одновременно молитвой, ругательством и самым опасным из известных ему заклинаний.

— У тебя были отношения до меня?

Вот этого она не ожидала. Жар, только что разливавшийся по телу, мгновенно собрался в щеках.захотелось отвернуться, спрятать лицо у него на груди, желательно провалиться сквозь

стену и очнуться лет через сто. Прекрасно. Просто замечательно. Именно сейчас они будут обсуждать её полное отсутствие опыта.

— Нет, — ответила она тихо.

— Нет? — переспросил он. Его голос сделался ещё ниже.

— Ты первый, кого я поцеловала. — слова давались трудно, но она заставила себя договорить: — У меня никого не было, только ты.

Несколько секунд Лориан молчал. Потом отпустил её и отступил на полшага, будто внезапно понял, насколько легко мог переступить грань, о существовании которой даже не подозревал. Провёл ладонью по лицу, задержал пальцы на переносице. Без его тела рядом стало холодно. Амалия тут же возненавидела это расстояние.

— Я не знал, — произнёс он глухо. — Ты держалась так уверенно, я думал...

— Не надо.

Собственный голос удивил Амалию твёрдостью. Брандт сделала шаг и вернула украденное расстояние. Положила ладонь ему на грудь, прямо поверх бешено колотившегося сердца.

— Я, кажется, люблю тебя, Лориан. Я не знаю, когда это началось, — тараторила Амалия, пока храбрость не испарилась. — Может, на первом занятии, когда ты встал у меня за спиной и поправил мою руку над рунным кругом. Я потом половину не понимала, что ты говоришь. Думала, со мной что-то не так. Или когда ты сказал, что у меня есть дар, хотя остальные видели только пустышку, которую по ошибке впустили в Академию. Может, когда ты впервые улыбнулся мне. Я не знаю, в какой момент это случилось. Знаю только, что больше не могу делать вид, будто ничего не чувствую.

Амалия подняла подбородок, встречая его тяжёлый взгляд.

— Я без ума от тебя.

Лориан поднял руку и бережно взял её за подбородок. Признания в ответ не последовало, профессор лишь горячее поцеловал её. Его ладони скользнули по её спине к плечам, обрисовали талию и медленно спустились к бёдрам. Амалия вцепилась в застёжки его камзола. Пуговицы не поддавались, пальцы дрожали, а дыхание сбивалось всякий раз, когда Лориан снова находил её губы. Он тихо усмехнулся ей в рот.

Самодовольный мерзавец.

Лориан накрыл её руки своими и помог справиться с застёжками. Камзол соскользнул с широких плеч и упал на кресло. Следом туда отправился жилет. Амалия коснулась воротника его рубашки и ощутила под тонкой тканью жар тела. Он перехватил её запястья. Сердце ухнуло.

Нет. Только не вздумай сейчас остановиться.

Однако Лориан лишь поднёс её пальцы к губам. Поцеловал костяшки одну за другой.

— Если захочешь остановиться, скажи мне. В любой момент.

— Я знаю.

И чтобы он не посмел усомниться, Амалия сама расстегнула верхнюю пуговицу его рубашки. Потом вторую, третью. Ткань разошлась, открывая загорелую кожу, тёмные следы старых шрамов возле ключицы и тонкий серебристый знак, похожий на выжженную руну. Она провела по нему кончиками пальцев. В это время пальцы Лориана нашли застёжки её платья и освобождали их одну за другой с почти невыносимым спокойствием. Ткань ослабла на плечах, приоткрыв ключицы и нежную кожу.

— Ты прекрасна.

Амалия вспыхнула ещё сильнее, но глаз не отвела.

Лориан наклонился и подхватил её на руки так легко, будто она ничего не весила. Амалия тихо ахнула, инстинктивно обвила его шею и прижалась ближе. Под ладонью напряглись твёрдые мышцы его плеча. Он был горячим, сильным — пугающе настоящим после всех тех ночей, когда она запрещала себе даже мечтать об этом.

Лориан перенёс её к старому дивану у стены, обитому тёмно-зелёным бархатом. Резные грифоны на подлокотниках безмятежно спали, словно ничего предосудительного в кабинете не происходило. Матрас мягко прогнулся. Лориан накрыл Амалию своим телом, удерживая вес на локте, и пространство вокруг внезапно сузилось до его лица, сбившегося дыхания и расстёгнутой рубашки. Губы Лориана снова коснулись её кожи, и Амалия выгнулась ему навстречу. Стон сорвался прежде, чем она успела его проглотить.

Лориан мгновенно поднял голову. В его взгляде полыхнуло нечто тёмное, опасно довольное.

— Тише, — прошептал он у самого её уха. — Не стоит посвящать весь этаж в происходящее здесь.

Смушение обожгло щёки, но вслед за ним поднялась неожиданная дерзость. Амалия повернула голову, коснулась губами его виска и выдохнула:

— А если я не смогу молчать?

— Тогда я заставлю тебя.

Он накрыл её рот поцелуем, не позволив ответить. Ладонь двинулась по внутренней стороне её бедра, медленно, будто Лориан намеренно растягивал каждую секунду. Амалия зажмурилась. Ощущений стало слишком много: жар его пальцев, дыхание у её шеи, тяжесть сильного тела рядом.

Пальцы Лориана нашли особенно чувствительное место, и Амалия резко выгнулась. Прикрыть рот ладонью она не успела. Он повторил движение, затем ещё раз. Амалия вцепилась в его плечи. Твёрдые мышцы дрогнули, однако Лориан лишь глубже вдохнул.

— Лориан... — выдохнула Амалия. Его имя сорвалось с губ почти всхлипом. Господи, как унижительно. И как же ей было плевать.

Монтгомери отстранился лишь затем, чтобы избавиться от оставшейся одежды. Амалия смотрела на него, не в силах отвести глаз.

Лориан поймал её взгляд.

— Боишься?

— Немного.

Он опустился рядом и вновь навис над ней, удерживая вес на руках. Его ладонь легла возле её лица, а большой палец медленно провёл по пылающей щеке.

— Это нормально, — Лориан наклонился, коснулся губами уголка её рта и добавил: — Я буду бережен.

Монтгомери двигался медленно. До умопомрачения медленно. Теснота была живой, пульсирующей, обжигающей. Каждый миллиметр его плоти, скользящий внутри, отдавался в ней искрой, граничащей с болью. Амалия впилась зубами в нижнюю губу так сильно, что железный привкус крови смешался со слюной. Лориан замер, когда их тела соединились до предела. В этой абсолютной статике, в том, как он стоял неподвижно, позволяя ей привыкнуть к его тяжести и размеру, было нечто более интимное, чем сам ритм. Он наполнял её целиком, даже не шевелясь.

Боль отступала медленно, неохотно, словно не желая уступать место новому ощущению. Но когда она схлынула окончательно, на её месте разлилась тягучая, вязкая волна, что росла и пульсировала в такт его движениям. Лориан начал двигаться. Он накатывал на неё, заставляя выгибаться и хватать ртом воздух, и отступал почти полностью, оставляя пустоту, которую она тут же жаждала заполнить. Каждый толчок был глубже предыдущего, ритм сбивался, чтобы тут же восстановиться, и Амалия тонула в этом маятнике, теряя связь с реальностью.

— Хорошо?

— Да, — выдохнула она, и голос сорвался на стон, — Да, только... быстрее.

Он, конечно же, не послушался сразу.

Проклятье. Даже сейчас Лориан оставался собой: неумолимо спокойным, дразняще точным. Он лишь немного ускорился, не сводя с неё потемневшего взгляда, словно наблюдал не за Амалией, а за тем, как она окончательно теряет голову из-за него.

Амалия не запомнила, когда пальцы стиснули простыни. Не поняла, в какой момент Лориан одним уверенным движением перевернул их, позволяя ей оказаться сверху. Она замерла, растерянная и внезапно пьяная от власти над этим невозможным мужчиной. Он протянул её за затылок в поцелуй, влажный и глубокий, почти неистовый, их языки сплелись, воруя дыхание друг у друга.

В тот самый миг, когда нарастающее напряжение внутри неё лопнуло ослепительной белизной, руны на её теле вспыхнули, заливая комнату призрачным, неестественным светом. Амалия вскрикнула, но звук утонул в его широкой ладони, что в последнюю секунду прикрыла рот. Лориан уткнулся лицом в женскую шею. Его сдавленный рык отозвался дрожью во всём её теле.

В полутёмном кабинете они замерли в объятиях друг друга. Дыхание постепенно успокаивалось, но сердца всё ещё бились слишком быстро.

Лориан первым нарушил тишину:

— Ты как?

— Хорошо, — прошептала Амалия, прижимаясь теснее. — Очень хорошо.

Он откинулся на подушки, однако не выпустил её из объятий. Свободной рукой Лориан потянулся к тумбе и открыл небольшую шкатулку из чёрного дерева, испещрённую тонкими серебряными прожилками. На тёмно-синем бархате лежала единственная пилюля.

Лориан выкатил её на ладонь и протянул Амалии.

— Проглоти, это траурный корень. Лунная слеза, если хочешь поэтичного названия. Смесь полыни, вываренной в молоке горной козы, и пыльца цветка, что растёт только в час полного затмения.

Амалия взяла пилюлю кончиками пальцев. Она поднесла пилюлю к губам. Замерла на мгновение, чувствуя, как её язык касается шершавой поверхности.

— Она не делает мне больно?

— Только если ты попытаешься зачать дитя в ближайшую луну, — усмехнулся Лориан. — Тогда боль будет невыносимой. А так — просто холод во рту и тяжесть в желудке.

Амалия проглотила пилюлю.

Горло обожгло ледяной дорожкой. Мгновение спустя холод сменился жаром: тот опустился к груди и свернулся там тяжёлым, пульсирующим комком.

Амалия заставила себя подняться. Платье лежало на полу смятым тёмным облаком.

Она одевалась в тишине.

Каждое движение давалось с трудом. Не из-за боли, хотя тело отзывалось непривычной тяжестью и хранило память о его прикосновениях. Труднее было натянуть платье, расправить складки, застегнуть пряжки и снова стать Амалией Брандт — той самой, которой предстояло вернуться в зал, улыбаться и не выдать себя ни взглядом, ни предательской дрожью пальцев.

Лориан не помогал ей. Он сидел у окна, неподвижный, и смотрел на спящую Академию. Лунный свет серебрил его профиль и скользил по обнажённым плечам, но не мог прогнать сгустившиеся вокруг него тени. В его позе появилось что-то отрешённое, почти чужое. Словно несколько минут назад он принадлежал ей без остатка, позволив заглянуть за возведённые им стены, а теперь вновь запирали все двери. В груди болезненно сжалось.

У двери Амалия остановилась. Ей хотелось, чтобы Лориан повернулся и остановил её, улыбнулся или снова назвал своей так, как называл совсем недавно.

— До завтра, — прошептала Амалия.

— До завтра, Амалия.

Его голос прозвучал низко и устало. Почти бесцветно. Амалия стиснула пальцы на дверной ручке. На миг закрыла глаза, проглатывая обиду, и вышла. Дверь за её спиной затворилась с тихим щелчком.

В прохладном коридоре Амалия прислонилась к каменной стене и попыталась выровнять дыхание. Сердце всё ещё билось слишком быстро. Под кожей тлело тепло его рук, а на виске, которого коснулись его губы, словно остался невидимый магический знак.

Амалия расправила плечи, поправила маску и шагнула вперёд. Постепенно она возвращала себе спокойствие; поднимала вокруг себя стены, как это только что сделал Лориан; прятала дрожь, смятение и боль под безупречной осанкой.

К тому времени, когда золотой свет бального зала коснулся её платья, Амалия Брандт снова улыбалась.

Глава 9

В бальном зале по-прежнему бурлил праздник. Под сводами переливалась музыка, над танцующими мерцали зачарованные огни, и никому не было дела до девушки в бордовом платье, бесшумно скользнувшей вдоль стены.

Почти никому.

Амалия сразу отыскала подруг. Мила кружилась со студентом факультета Стихий, однако то и дело поглядывала в сторону дверей. Эльза танцевала с Дэррилом и тоже заметила её возвращение: брови взлетели, взгляд пробежался по помятому платью, растрёпанным волосам и задержался на маске.

Она всё поняла?

Амалия едва заметно качнула головой: не сейчас. Эльза поджала губы, но отвернулась. Пока пощадила.

Амалия разгладила складки платья и поправила выбившийся локон. Пальцы предательски дрожали. «Никто не должен знать», — повторяла она про себя, точно запечатывая руной то, что ещё пылало под кожей.

Чья-то ладонь легко коснулась её плеча.

— Позволишь пригласить тебя?

Брандт резко обернулась. Перед ней стоял высокий юноша в тёмно-синем костюме. Маска скрывала половину лица, но этот голос она узнала бы где угодно.

— Дормиэль?

— Он самый. — уголок его губ дрогнул. — Проверим, чему научилась рунная леди?

Амалия поколебалась всего секунду.

— Только не жалуйся потом на отдавленные ноги.

Он принял её руку с безукоризненной вежливостью и повёл к центру зала.

Дормиэль танцевал совсем не так, как Лориан. Не пытался подчинить её ритму своего тела, не удерживал дольше положенного, не наклонялся к уху так близко, чтобы от одного дыхания рассыпались мысли. Он вёл спокойно и точно, оставляя между ними достаточно пространства.

Внимательный взгляд Дормиэля скользнул по её лицу.

— Всё хорошо?

— Прекрасно.

Ложь прозвучала почти убедительно.

Когда музыка сделала мягкий переход и пары закружились медленнее, он произнёс чуть громче, с лёгкой театральностью:

— Вы прекрасно танцуете, мисс. Кто вас этому научил?

Амалия невольно улыбнулась. Вопрос прозвучал так нарочито галантно, что в нём невозможно было не услышать приглашение к игре.

— О, господин, — ответила она в тон ему, чуть склоняя голову, — у меня был лучший учитель.

— Завидую этому счастливцу. Он явно знал, что делает.

— Иногда, — заметила Амалия.

На этот раз они рассмеялись почти одновременно — по-дружески, без неловкости и недосказанности. Этот короткий смех вдруг стал для Амалии спасением. Воздух наконец прошёл в лёгкие свободно, не царапая изнутри.

Последние аккорды поднялись к сводам и растаяли среди шелеста платьев, звона бокалов и приглушённых голосов. Дормиэль остановился, разжал пальцы и отступил на шаг.

Он склонился в безупречном поклоне.

— Благодарю за танец.

Амалия ответила реверансом, придерживая бордовую юбку.

— Взаимно.

Спустя несколько мгновений тёмно-синий костюм исчез среди бархатных камзолов, мерцающих масок и медового света люстр. Амалия осталась посреди зала одна. Музыканты подняли смычки, свечи дрогнули от невидимого сквозняка. Вокруг неё вновь сомкнулись танцующие пары.

Ночь уже проглотила академию.

Кассиан сидел на краю фонтана, неподвижный, как каменные стражи в нишах внутреннего двора. Ветер крался между колоннами, трепал его тёмные волосы и ломал отражение луны в воде. Обе ноги он опустил в чашу фонтана. Ледяная вода доходила до щиколоток, вгрызаясь в кожу сотнями тонких игл. Ступни он перестал чувствовать давно. И хорошо. Пока болело тело, становилось чуть тише внутри.

На влажном камне рядом лежала маска — алая, с тонкими серебряными прожилками, похожими на застывшие молнии. Такая же, как та, которую он подарил Амалии; Кассиан сам выбирал их. Глупая, почти мальчишеская затея: она наденет его подарок, придёт сюда, заметит вторую маску рядом с ним — и поймёт всё без признаний. Без этих чёртовых слов, которые застревали в горле всякий раз, когда он пытался сказать ей нечто важное.

Сигарета тлела между его пальцев, медленно превращаясь в пепел. Кассиан не затягивался, просто держал её и вдыхал горький дым, пока тот не начинал жечь глаза. Пусть все думают, что дело в дыме.

Сегодня она должна была понять, что перестала быть для него просто рунной девчонкой с дерзким взглядом, рыжими волосами и отвратительной привычкой выводить его из себя.

Кассиан ненавидел Амалию за то, что она смотрела на него не как на чудовище, не как на угрозу, а словно под всей его тьмой всё ещё оставался человек. За то, что она заставила его поверить: он ещё может быть кому-то нужен. Она стала голосом, способным удержать его на краю, стала надеждой. А надежда, как выяснилось, была той ещё дрянью.

Кассиан ждал. Сначала напряжённо, вздрагивая от каждого шага за арками. Ветер приносил обрывки музыки, смех, — и всякий раз он поднимал голову. Не она. Потом ждал упрямо,

говорил себе, что Амалия задержалась. Что её остановили подруги, или она не сразу поняла намёк. Что придёт через минуту... Ещё через одну... Ещё...

Окурок догорел до фильтра и обжёг пальцы. Кассиан разжал руку, позволив ему упасть в воду. По чёрной поверхности разошлись круги и коснулись его ног.

Тёмный больше не искал ей оправданий. Просто сидел, глядя на пустую арку, и чувствовал, как внутри медленно освобождается место там, где ещё несколько часов назад что-то билось.

Разочарование — странное чувство. Не больно, не жалко... Разочарование хуже тишины и одиночества. С ними ещё можно было договориться: забить голову музыкой, закурить, найти драку, переждать до утра. Разочарование принесло с собой пустоту. Голодную и живую пустоту. Она вцепилась в него изнутри и теперь медленно жрала всё подряд: силы, мысли, остатки тепла. Даже злость — единственное, что всегда принадлежало ему, — и ту она выгрызала, оставляя после себя серую, липкую муть.

Кассиан знал, что должен был поступить иначе. Подойти к Амалии и сказать всё прямо. Показать смешным, жалким, злым — да каким угодно, чёрт возьми, только настоящим, но слова каждый раз застревали в горле. У других признания, наверное, выходили легко. У Дормиэля — точно. С его спокойной улыбкой, безупречной осанкой и голосом, которому хотелось верить. У белых магов вообще всё выглядело проще: светлые мантии, чистые ладони, ровные голоса. Их с детства учили, что они достойны любви, а Кассиана учили другому.

«Не проси. Не привязывайся. Не показывай, куда бить».

Вот он и не показывал, до сегодняшнего вечера.

— Дурак, — прошептал Кассиан. Голос прозвучал хрипло и чуждо. Фонтан ответил плеском, будто посмеялся над ним. Пальцы сжались на краю каменной чаши. — Какой же ты дурак, Кассиан.

Он ведь видел её. Сначала заметил маску, свою маску. Своё трусливое признание на её лице. Потом — платье, рыжие волосы, вспыхивающие в свете люстр при каждом повороте головы. На одно жалкое мгновение его грудь распахнулась изнутри.

Она надела её, она пришла!

Кассиан тогда чуть не вышел из-за колонны, уже перенёс вес вперёд. Уже представил, как подойдёт, как она посмотрит на вторую маску в его руке, как закатит глаза и скажет что-нибудь в духе: «Ты мог просто пригласить меня, придурок».

Он бы усмехнулся, она бы фыркнула, а потом всё как-нибудь получилось бы. Пусть неловко, пусть через ругань. Да плевать, лишь бы её ладонь оказалась в его руке.

А потом к ней подошёл Дормиэль. Он протянул Амалии руку, и она вложила в неё свою. Кассиан остался в тени колонны и смотрел, как они выходят в центр зала. Как Дормиэль ведёт её в танце, как его ладонь ложится на её талию — туда, куда Кассиан боялся даже посмотреть слишком долго. Как Амалия поднимает на него глаза и улыбается. Рядом с ним она выглядела спокойной.

Кассиан почувствовал, как что-то внутри него оборвалось.

— Выбрала белого, — произнёс он едва слышно. — Конечно.

Горло сдавило. Он сглотнул, но стало только больнее.

— Кого ещё могла выбрать рунная девчонка?

Маска была не просто подарком, она была всем, чего он не сумел произнести.

«Ты особенная», «Рядом с тобой мне не так страшно», «Когда ты уходишь, я всё равно прислушиваюсь к твоим шагам».

Какой стыд, какой же, мать его, стыд.

— Ты надеялся, — выдохнул Кассиан и рассмеялся. Звук получился коротким, ломаным. — На что ты, чёрт возьми, надеялся?

Что она увидит его? По-настоящему? Увидит и не отвернётся? Что одна Рыжая сумеет сделать то, чего не удалось ему самому: найти в нём что-то, кроме Тьмы?

Кассиан схватил маску, ещё секунду держал её перед собой. Он помнил, как долго выбирал оттенок алого, потому что слишком тёмный не подходил к её волосам, а слишком яркий выглядел дешёво. Затем размахнулся и швырнул маску в фонтан, она ударилась о воду с резким всплеском. Кассиан смотрел, пока алое пятно не исчезло.

Вот и всё. Так, наверное, и должно было закончиться то, чего никогда и не было.

Он вытащил ноги из фонтана, холодный камень обжёг кожу. Пальцы не слушались, когда он натягивал ботинки, но Кассиан упрямо справился с застёжками.

Неожиданно Кассиан согнулся, уперевшись ладонями в край фонтана. Воздух перестал доходить до лёгких. На короткий, страшный миг Кассиану показалось, что сейчас его вывернет наизнанку.

Чёрт, как же больно.

Внутри пошевелилась Тьма. Она потянулась вдоль позвоночника, обвилась вокруг рёбер и прижалась к сердцу, словно давно ждала именно этого момента.

«Вот видишь».

Слова не прозвучали, но Кассиан слышал их так ясно, будто кто-то прошептал ему прямо в ухо.

«Вот правда».

— Ты победила, — сказал он и медленно выпрямился.

Кассиан повернулся и пошёл прочь от фонтана. От света бального зала, от музыки. От алой маски, лежавшей на дне среди монет и мёртвых листьев. Каждый шаг отдавался болью в замёрзших ступнях. Тьма скользила следом по камню, забиралась в складки одежды, поднималась к плечам невидимым плащом. Она была готова вырваться наружу — стоило только перестать держать её. И Кассиан вдруг понял, что больше не хочет сопротивляться. Любовь не удержала его на краю. Да и какая, к чёрту, любовь? Он один всё придумал, один ждал.

Раздался жуткий мужской крик. Серо-зелёные глаза Кассиана медленно затопила непроглядная чернота. Тьма больше не скреблась снаружи, не просила впустить её. Она проникла в самое сердце и заняла его целиком.

Пусть забирает. Там всё равно больше нечего было спасать.

Кассиан равнодушно шагнул в темноту, оставляя позади опустевший двор. Вскоре он свернул в боковую галерею и замер. В дальнем конце коридора стоял Дормиэль. Он смотрел в высокое окно.

— Ты, — злобно произнёс Кассиан.

Дормиэль обернулся.

— Кассиан Рейнард?

Кассиан медленно двинулся к нему. Тьма уже клубилась на ладонях, сочилась из-под ногтей, поднималась из глубин его крови.

— Празднуешь победу?

— Какую ещё победу? — Дормиэль нахмурился.

— Не притворяйся.

Кассиан стиснул кулаки. Чёрный дым обвился вокруг запястий и предплечий, превращая руки в подобие оружия.

— Ты танцевал с ней, белая мантия.

— Это был всего лишь танец.

— Всего лишь танец? — Кассиан рассмеялся, но в этом смехе не осталось ничего человеческого. Тьма сгустилась вокруг него, питаясь болью и унижением. С каждым вдохом она всё глубже прорастала в его тело, меняя его сущность. — Думаешь, я не видел, как ты на неё смотрел? Как держал её? Как улыбался?

— Значит, ты следил за нами? — Дормиэль прищурился.

Кассиан резко вскинул руку. Чёрный сгусток сорвался с его пальцев, Дормиэль едва успел отскочить. Удар пришёлся в стену, и по светлому камню расползлась обугленная трещина.

— Ты обезумел? — воскликнул он.

— Возможно.

Улыбка Кассиана стала шире. Второй сгусток сорвался с его ладони. Уже не бесформенный шар, а живая, голодная масса, туго свёрнутая вокруг чужой злобы.

Дормиэль выставил руку. Перед ним вспыхнул золотой щит, сотканный из тончайших нитей света. Тьма врезалась в него с глухим хлопком. На мгновение показалось, что свет поглотил удар, но чёрная масса не исчезла. Она растеклась по золотой поверхности, зашипела и поползла по ней тонкими жилами, ощупывая защиту в поисках слабого места.

— Прекрати, Кассиан, — твёрдо сказал Дормиэль. — Я не хочу с тобой драться.

Кассиан склонил голову набок. Его глаза были чёрными, как безлунная ночь.

— А я хочу.

Кассиан рванулся вперёд. Он двигался слишком быстро для человека. В каждом движении сквозила не выучка, а ярость, наконец сорвавшаяся с цепи. Тьма хлынула с его пальцев десятками тонких игл. Они прошили воздух с пронзительным свистом, оставляя за собой дымные следы.

Дормиэль рубанул ладонью наискось. Золотые лучи веером рассекли коридор. Чёрные иглы вспыхивали одна за другой, сгорая на лету и осыпаясь хлопьями пепла. Но одна прорвалась сквозь сияние и вонзилась Дормиэлю в плечо. Он вскрикнул и отшатнулся, зажав рану. Из разорванной ткани потянулась ядовитая дымка. Она обвила его запястье и поползла выше, к локтю.

Кассиан рухнул на одно колено и ударил ладонями по каменным плитам, пол содрогнулся. От его пальцев хлынула чёрная волна. Она катилась по галерее, пожирая свет факелов и вытягивая тепло из воздуха. Дормиэль оттолкнулся от пола. Он перевернулся в воздухе, и полы плаща хлестнули за спиной. На один короткий миг светлый маг замер под сводами галереи в золотом ореоле, среди взметнувшейся пыли. Вокруг его ног вспыхнул круг. На камне один за другим проступили узоры, сплетаясь в древнюю печать.

Дормиэль прижал окровавленную ладонь к центральному знаку.

— Экзорцизм.

Печать вспыхнула. Поток расплавленного золота ринулся по коридору. Он врезался в чёрную волну, расколол её надвое и обратил в клубы едкого пара. Тьма завизжала.

Кассиан медленно выпрямился, по его лицу скользнула усмешка.

— Экзорцизм? — переспросил он. — Решил изгнать меня, как демона?

Дормиэль тяжело дышал. Раненое плечо дрожало, чёрные жилы уже проступили под кожей, но он не опустил рук.

— Если придётся.

В глазах Кассиана что-то дрогнуло. Лишь на мгновение из-под непроглядной черноты проступила боль, а затем Тьма сомкнулась вновь.

— Не придётся, — тихо произнёс он.

За спиной Кассиана с сухим треском распахнулись два исполинских крыла, сотканных из живой тьмы. Полупрозрачные, изорванные по краям, они заполнили коридор целиком: задели своды, скользнули по стенам, заставив камень покрыться чёрным инеем.

Мир захлебнулся мраком. Воздух сгустился, сделался тяжёлым и липким. Он лез в горло вместо дыхания, оседал в лёгких гарью. Золотой круг под ногами Дормиэля померк, словно на него набросили траурную ткань.

— Что это? — выдохнул он и впервые отступил.

— Моя ярость, моя боль! Моя любовь, которую ты растоптал!

Кассиан взмыл над полом, и вытянул руки. Из ладоней хлынули два потока тьмы. В глубине этой черноты пульсировало багровое свечение, похожее на кровь под тонкой кожей. Потоки понеслись к Дормиэлю, сминая воздух.

Золото вырвалось из ладоней светлого мага с оглушительным гулом.

Свет и тьма сцепились в воздухе, терзая друг друга. Золото прожигало чёрную массу, заставляя её шипеть и опадать клочьями. Мрак тут же смыкался вновь, обвивал луч, впивался в него, душил.

Кассиан не отступил. Его лицо исказило напряжение. На шее вздулись потемневшие вены, а тьма потекла вверх по рукам, впиваясь в кожу тонкими жадными нитями. Она уже не просто подчинялась ему — она ела его. Но Кассиан удерживал поток, потому что стоило ослабить хватку — и он бы рухнул. А упасть перед Дормиэлем, когда речь шла о ней? Нет, только не перед ним.

— Ты силён, — произнёс Дормиэль сквозь рёв столкнувшейся магии. Даже сейчас его голос звучал почти ровно. — Но вечно ты это не удержишь.

— Удержу, — прохрипел Кассиан. Тьма вокруг него вздрогнула и ударила сильнее. Золотой луч на мгновение прогнулся. — Ради неё — удержу.

— Она не просила тебя об этом.

Кассиан дёрнулся, будто удар пришёлся в грудь. Крылья за его спиной на миг потеряли очертания, но поток тьмы не ослаб. Напротив — багровые прожилки вспыхнули ярче.

— Она не знает, чего хочет.

— А ты, значит, знаешь? — Дормиэль посмотрел на него сквозь ослепительное золото.

Ответа не последовало, лишь коридор захлебнулся рёвом магии. Камень трещал, древняя кладка стонала, а между раскатами слышалось тяжёлое дыхание двух мужчин.

Кассиан сорвался с места, расстояние исчезло за один рывок. Крылья тьмы с хлопком сомкнулись за его спиной и швырнули вперёд. Он занёс кулак, вложив в удар всё, что ещё в нём не сгорело: ярость, унижение, изматывающую усталость и любовь — ту самую, от которой уже тошнило, потому что она давно перестала спасать и теперь только жрала его изнутри.

Дормиэль перехватил его руку. Белая вспышка выжгла коридор до ослепительной пустоты. Ударная волна сорвала факелы с креплений, вышибла каменную крошку из стен и прокатилась под сводами.

Обоих отбросило в разные стороны. Кассиан впечатался спиной в стену. Боль вгрызлась в позвоночник и одним ударом вышибла воздух из лёгких. Мир провалился в глухую черноту. Остались только мерзкий звон в ушах, ледяной камень под ладонями и кровь на языке. Сила ушла внезапно, будто кто-то перерезал натянутую внутри него струну, но Тьма никуда не исчезла. Она тлела под кожей, тяжело ворочалась в груди, всё ещё готовая рвануться наружу по первому приказу. Но теперь сквозь неё проступило то, что он так долго отказывался замечать: усталость и острая, ни черта не героическая боль. И пустота. Проклятая пустота, которую не получалось заполнить, сколько бы силы он в неё ни вливал.

Напротив медленно поднялся Дормиэль. От безупречного светлого мага, каким он вошёл в бальный зал, почти ничего не осталось. Костюм был разорван, по ткани расползлись чёрные подпалины. Волосы выбились из причёски и прилипли ко лбу, лицо покрывала копоть. Из разбитой губы стекала кровь, прочерчивая подбородок вызывающе алой полосой.

Но Дормиэль стоял и по-прежнему не нападал первым.

— Хватит, — произнёс он негромко. — Ты этим ничего не добьёшься.

— Я добьюсь лишь одного: ты оставишь её в покое. — Кассиан упёрся ладонью в пол и попытался подняться, но ноги предательски подломились.

— А Амалия? Ты хотя бы спросил, чего хочет она?

— Не твоё дело.

— Моё. — Дормиэль выпрямился, придерживаясь за стену. Даже сейчас, едва стоя на ногах, он не отвёл взгляда. — Она моя подруга и я не позволю тебе превратить свои чувства в её приговор.

Кассиан коротко рассмеялся и тут же поморщился от боли. Сплюнул кровь на расколотые плиты.

— Подруга? Серьёзно? Ты просто ждёшь, когда она сама упадёт тебе в руки.

— Это не мои желания, — спокойно произнёс Дормиэль. — Твои, ты ждёшь, ты надеешься. Ты уже решил, чем всё должно закончиться. А потом смотришь на меня и бесишься, потому что я напоминаю: она может выбрать не тебя.

Кассиан открыл рот, готовый бросить в ответ что-нибудь злое, лишь бы стереть с лица Дормиэля это проклятое спокойствие. Но слов не нашлось, потому что ублюдок попал точно туда, где и без того болело.

Дормиэль медленно оттолкнулся от стены.

— Она не твоя, Рейнард, и не моя. Она вообще не обязана принадлежать кому-то из нас. Амалия сама решит, с кем ей быть. Даже если её выбор нам не понравится.

— Я знаю, — выдохнул он. Потом повторил, едва слышно: — Знаю.

Кассиан всё-таки поднялся. Медленно, с трудом, цепляясь пальцами за стену. Несколько секунд стоял, пошатываясь, будто тело ещё не решило, позволит ли ему уйти с остатками достоинства. Затем развернулся и побрёл прочь.

Кассиан ушёл недалеко. У высокого стрельчатого окна он остановился и упёрся ладонью в холодный камень. Плечи Кассиана опустились, последние нити тьмы стекли с него и растаяли у пола, оставив во рту горечь поражения.

Он проиграл не только бой. Куда страшнее было признать другое: возможно, он сам оттолкнул Амалию так далеко, что больше не имел права просить её вернуться. Дормиэль оказался прав. Кассиан любил Амалию так отчаянно, что почти перестал видеть, чего она хочет сама.

Стефан ждал их в заброшенной аудитории на третьем этаже башни Света. Он стоял у кафедры, перебирая пальцами старую печать Совета. Тёмные волосы падали на лоб, ворот рубашки был расстёгнут — редкая небрежность для человека, привыкшего держать под контролем даже выражение собственного лица.

Мариэль вошла первой. Убедившись, что в комнате нет посторонних, она закрыла дверь и наложила на неё беззвучную печать. Только после этого села на край стола, скрестив руки на груди.

— Ты выглядишь уставшим, — заметила она.

Стефан кивнул, и его взгляд на мгновение потеплел. Подойдя ближе, он легко коснулся губами её щеки.

— Я и есть уставший, Мари.

В этот момент дверь скрипнула, и в аудиторию вошёл Дормиэль. От его обычной безупречности не осталось и следа: костюм порван, губа разбита, на бледной коже — ссадины и копоты.

— Что с тобой? — Мариэль нахмурилась.

— Дрался, — коротко ответил он, опускаясь на стул у окна.

— С кем?

— С Рейнардом. — Дормиэль коснулся разбитой губы, размазав кровь.

— С тёмным? Из-за чего? — брови Мариэль поползли вверх.

Стефан приблизился к Дормиэлю и остановился почти вплотную.

— Из-за Амалии, ведь так?

Дормиэль помедлил, затем кивнул.

— Вы должны были следить за ней, — процедил Стефан. В голосе дрожала едва сдерживаемая ярость, но смотрел он не на друга, а в окно, на низкую луну над башнями. — Ты обещал держать ситуацию под контролем, а вместо этого увлёкся. Ты что, влюбился, идиот?

Дормиэль резко поднял голову. Обычно невозмутимое лицо напряглось.

— Я не влюблён.

— Не лги. Мы все видим, как ты на неё смотришь в коридорах.

— И как же я смотрю?

Стефан промолчал. Дормиэль сжал переносицу, пытаясь взять себя в руки. Голова раскалывалась, кровь стучала в висках — то ли от драки, то ли от этого разговора.

— Ты злишься, потому что боишься. Не потому, что я нарушил план.

— Именно поэтому я держусь в стороне, — выдохнул Стефан, отворачиваясь к окну.
— Моё будущее, право войти в Совет — всё поставлено на карту. Я не могу позволить себе ошибку.

— Мы справимся, — вмешалась Мариэль. — Я присмотрю за ней. Ты останешься в тени, а Дормиэль продолжит втираться в доверие.

— Она может стать угрозой, а моему лучшему другу плевать!

— А если не станет?

— Хватит. — Мариэль устало вздохнула. Она взяла Стефана за руку и повела к выходу. У самой двери обернулась: — Не принимай близко к сердцу, Дорми. Он просто боится потерять всё, к чему так долго шёл.

Она вышла, Стефан последовал за ней, не обернувшись. Дормиэль остался один в тёмной аудитории. Он смотрел на луну, наконец показавшуюся из-за туч, и думал об Амалии.

Сильна ли она? Опасна?

Для него Амалия Брандт была просто девушкой — усталой, одинокой, ищущей своё место. Такой же, как он сам.

— Что же ты наделал, Стефан? — прошептал Дормиэль. — И что наделал я?

Это случилось спустя год после поступления Стефана в Академию. К тому времени он уже стал Универсалом, перешёл на факультет Света и считался лучшим на курсе. Он точно знал, чего хотел: власти, влияния и уважения. И всё же глубоко внутри разрасталось липкое, отравляющее сомнение: хватит ли ему сил добраться до самой вершины?

По совету старших магов Стефан отправился к провидице. Старуха жила на окраине нейтральных земель, в хижине, окружённой высохшими деревьями. Поговаривали, её взгляд проникает туда, куда не добраться даже магии, а пророчества всегда сбываются.

Он пришёл глубокой ночью, никем не замеченный. Провидица ждала его в старом кресле. Глазами без зрачков и радужки она напоминала слепую, но Стефану казалось, что никто прежде не видел его настолько ясно.

— Зачем пришёл? — спросила она, не поднимая головы.

— Я хочу узнать своё будущее, — ответил Стефан, пряча волнение за ровным голосом.

— Будущее? — хрипло усмехнулась старуха. — Нет. Ты хочешь знать, станешь ли великим.

— Стану?

Провидица подняла на него белые глаза.

— Станешь. Если устранишь ту, что окажется сильнее тебя.

— Кто она? — внутри у Стефана всё похолодело.

— Твоя сестра.

— Это невозможно. Она пустая, в ней нет магии!

— Пока нет. — провидица медленно поднялась. — В ней спит древняя сила. Такая, рядом с которой твоя станет жалкой искрой. Когда она проснётся, ты превратишься в ничто. Все мечты, все амбиции — всё рассыплется у тебя в руках.

Холодный пот стекал по спине Стефана.

— Что мне делать?

Старуха приблизилась.

— Наблюдай за ней, не позволяй ей раскрыть себя. А когда придёт время... действуй.

— Я не могу причинить вред сестре.

— Тогда откажись от своей мечты. — провидица равнодушно пожала плечами. — Выбор твой.

Стефан ушёл до рассвета, но слова старухи последовали за ним. Они въелись в мысли, поселились под кожей, отравляя всё, что он чувствовал к сестре. Он любил её, но жажда власти оказалась сильнее, и Стефан сделал выбор — ступил на дорогу, ведущую к вершине через тьму и сердца тех, кого он не хотел терять.

Глава 10

Утренний свет просачивался сквозь тяжёлые шторы, окрашивая комнату золотом. Амалия лежала, глядя в потолок, и пыталась собрать разбегающиеся мысли.

Что мы делаем?

Разум напоминал о разнице в возрасте, статусе преподавателя, нарушенных правилах. Всё в их связи было недопустимо. И всё же там, где прежде жила пустота, теперь бушевал пожар, который Амалия не хотела гасить.

За завтраком подруги засыпали Амалию вопросами: куда она исчезла во время бала?

— В зале было душно. Я вышла подышать свежим воздухом, — отмахнулась она.

Ответ прозвучал достаточно убедительно, но подруги не спешили сдаваться.

— А с Кассианом ты всё-таки встретишься? — спросила Мила.

Амалия стиснула ложку, вспомнив, что он ждал её у фонтана.

— Нет, и хватит о нём. Тёмный маг не стоит нашего внимания.

Она произнесла это резче, чем собиралась, и разговор быстро сошёл на нет.

После завтрака Амалия долго бродила по саду, надеясь, что свежий воздух поможет привести мысли в порядок. Не помогло. При одной мысли о новой встрече с Лорианом сердце начинало биться быстрее.

К полудню она вернулась в Академию и спряталась в дальнем углу библиотеки. Чтобы отвлечься, разложила перед собой учебники: «Историю Кровавого Перемирия», «Шесть Сил: происхождение» и «Магические войны: хроники очевидцев». Амалия механически листала страницы о битве у Хрустальных гор, не понимая ни слова. Перед глазами вновь возникали губы Лориана на её шее, пальцы на спине и руны, горевшие под тканью платья.

— Ты дышишь как загнанная лошадь, — неожиданно раздался рядом холодный голос.

Амалия вздрогнула. Рин стояла между стеллажами, прислонившись плечом к полке. Её фиолетовые глаза смотрели с привычной отстранённостью.

— Я не слышала, как ты подошла, — выдохнула Амалия, пытаясь скрыть волнение.

— Ты слишком громко думаешь. — в голосе мелькнула едва уловимая насмешка.

Брандт не понимала, шутит та или говорит серьёзно. С Рин этого никогда нельзя было определить наверняка.

— Я просто готовлюсь к контрольной, — пробормотала Амалия, опуская глаза.

— Нет, — возразила Рин. — Ты думаешь о мужчине.

Амалия замерла, кровь отхлынула от её лица.

— О преподавателе, — продолжила Рин почти шёпотом. — С рунами на теле.

— Откуда ты...

— Я не читаю мысли без разрешения, — перебила Рин с лёгкой улыбкой. — Но ты кричишь так громко, что я невольно слышу. Особенно когда думаешь о нём.

Амалия побледнела ещё сильнее и судорожно вцепилась в край книги.

— Пожалуйста, никому...

— Не скажу. Это не моя тайна. — Рин пожала плечами. — Но постарайся думать тише. Рядом с тобой невозможно сосредоточиться.

Она развернулась и исчезла так же бесшумно, как и появилась. Амалия решительно захлопнула книгу. Бесполезно. Строчки всё равно расплзались перед глазами, а смысл не задерживался в голове дольше пары секунд.

Наступили недели, в которых время вело себя странно: дни слиплись в один длинный, утомительный ком. Лекции сменялись тренировками, тренировки — встречами с друзьями, а вечера принадлежали Лориану. И только Кассиан будто выпал из общего течения жизни. Он

словно растворился в Академии, оставив после себя лишь тень. Его существование свелось к простому ритму: занятия, арена, меч. Снова и снова — до дрожи в руках, до сорванного дыхания, до момента, когда рукоять начинала выскальзывать из окровавленных пальцев. Арена стала его клеткой и единственным местом, где он ещё мог дышать.

— Рейнард, хватит, — однажды не выдержал Коргат. — Ты измотан.

Кассиан даже не повернул головы. Сталь с сухим треском врезалась в деревянное плечо манекена.

— Я сказал: хватит.

Новый удар расколол дерево почти до основания. Будто Кассиан рубил не манекен, а всё, что не мог вырвать из себя иначе. Коргат смотрел на него долго и тяжело, но больше ничего не сказал.

Тьма вокруг Кассиана сгущалась с каждым днём. Она скользила по его запястьям, оседала под глазами, отзывалась в каждом резком движении. Даже преподаватели начали провожать его настороженными взглядами. Он замечал это — и плевать хотел. Амалию он научился не видеть. Не искал её глазами, не замедлял шаг в коридорах. Если на общей тренировке первого курса она оказывалась рядом, он просто смотрел сквозь неё.

Сначала Амалии хотелось схватить его за плечо и потребовать хоть какой-нибудь реакции и логического объяснения его действиями, но она вспоминала их последний разговор и несостоявшуюся встречу, и желание тут же пропадало. У неё был Лориан, так что мысли о тёмном исчезли сами собой.

Профессор окружал её вниманием без приторной нежности: касался поясницы, проходя мимо, задерживал пальцы на её запястье, склонялся к самому уху, когда хотел сказать что-то предназначенное только ей. От его голоса по коже разбегалось тепло, а от взгляда возникало опасное чувство, будто среди сотен людей он видел одну Амалию.

Дни заполнялись тайными встречами, занятиями и друзьями. Эльза, Мила, Макото и Дэррил стали для неё почти семьёй — шумной, странной и временами невыносимой, но своей. Они вместе учили заклинания, спорили до хрипоты, смеялись над ерундой и делились секретами. На занятиях Коргата Амалия чаще всего работала в паре с Дормиэлем. Рядом с ним было легко. Он не лез в голову и ничего от неё не требовал — просто оказывался поблизости именно тогда, когда был нужен. Подбадривал после неудачного выпада, протягивал яблоко на перерыве или улыбался так светло, что напряжение само отпускало плечи.

Амалия всё глубже погружалась в магию. Её тело менялось: руны медленно расплзались по коже, соединяясь в узоры, которых ещё недавно не существовало. Они пульсировали вместе с сердцем, вливая в мышцы силу, а в кровь — почти пьянящую уверенность. Амалия чувствовала, как просыпается нечто, слишком долго спавшее внутри неё. Ей следовало бы радоваться, и она радовалась. Но иногда руны вспыхивали так ярко, что кожу обжигало изнутри. В такие мгновения Амалии чудилось чужое прикосновение, будто невидимые пальцы перебирали натянутые в ней нити, решая, какую дёрнуть следующей. От этого ощущения холодело между лопаток. Что-то было не так... Амалия рассказала Лориану, но он лишь улыбнулся и провёл пальцами по светящемуся узору на её руке.

— Это твоя сила. Ты просто ещё не привыкла к её размеру.

И Амалия заставила себя поверить. Это всего лишь усталость, всего лишь магия. А мерзкое чувство, будто кто-то незаметно переписывает её судьбу, — просто разыгравшееся воображение, наверное.

И вот наступила суббота — последняя в октябре.

Небо над Академией казалось бледным, почти бесцветным: такое появляется лишь накануне первых заморозков. Солнце давно разучилось греть и теперь только слепило, отражаясь от белых башен факультета Света и разбиваясь о каменные плиты арены острыми бликами.

Кубок Шести Путей проводили раз в год, и ради него Академия сбрасывала привычную строгость. По верхнему ярусу трибун тянулись флаги факультетов: белые, чёрные, синие, пурпурные, зелёные и серые. Ветер трепал полотнища, смешивая цвета, но не позволяя им соприкоснуться. Между флагами парили гирлянды живых цветов, которые Мила упрямо называла «магическими астрами». Их лепестки отзывались на дыхание толпы: вспыхивали, когда зрители дружно ахали, и тускнели в короткие мгновения ожидания.

Трибуны быстро заполнялись. Шорох мантий, смех и обрывки споров сливались в беспокойный гул. Кто-то уже заключал пари, кто-то выкрикивал имя своего участника, а студенты факультета Стихий умудрились устроить небольшую грозу над собственным сектором. Искры рассыпались в воздухе и гасли под возмущёнными взглядами преподавателей.

Магистры заняли отдельный балкон. Среди них Амалия сразу заметила Олдрика — прямого, неподвижного, с обычным выражением сурового разочарования во всём человечестве. Рядом хмурился Коргат, скрестив на груди тяжёлые руки. Декан факультета Света беседовала с гостями из Совета. Их длинные белые мантии оставались безупречными даже на ветру, будто холод и пыль не осмеливались к ним прикасаться.

Эльза сидела рядом, непривычно тихая и погружённая в себя. Дэррил то и дело наклонялся к ней, нашёптывая что-то об испытаниях. Эльза отвечала невпопад, однако он этого словно не замечал. Макото застыл с другой стороны от Амалии и следил за ареной с таким непроницаемым лицом, будто пришёл не на главный турнир Академии, а наблюдать, как сохнет краска. Мила устроилась несколькими рядами выше, в зелёном море факультета Жизни. Поймав взгляд Амалии, она широко улыбнулась и замахала обеими руками. Студент рядом с ней получил локтем в плечо, возмущённо повернулся, но Мила даже не заметила.

Амалии не хотелось сюда приходить. Лориан с привычной снисходительностью назвал Кубок пустой тратой времени и ежегодным смотром раздутого студенческого самолюбия. Он говорил спокойно, слегка кривя губы, и его слова, как и всегда, казались Амалии чертовски убедительными. Но Мила выслушала её оправдания, ничего не сказала, а затем просто взяла за руку и потащила к арене. В её взгляде читалась такая упрямая решимость, что спорить Амалия не стала.

Над ареной вспыхнула руна усиления, и голос распорядителя прокатился по трибунам.

— Кубок Шести Путей — ежегодное состязание за звание лучшего мага Академии! Победитель получит право пропустить все экзамены, а золотой кубок до следующего турнира будет храниться на его факультете. Пусть удача улыбнётся сильнейшему!

Распорядитель поднял руку, и над песком вспыхнули шесть магических знаков — по одному на каждый факультет.

— Шесть участников. Шесть факультетов.

Короткая пауза стиснула арену, заставив тысячи людей замереть в общем, почти болезненном ожидании.

— И только один победитель.

Трибуны взорвались гулом. Кто-то засвистел, кто-то принялся выкрикивать имена участников, хлопая так яростно, будто исход Кубка зависел от силы его ладоней.

— Правила просты, — продолжил распорядитель, дождавшись, пока шум немного утихнет. — Магия разрешена, летальные заклинания запрещены. Сдавшийся или покинувший круг выбывает.

Он вскинул руку, и над ареной сомкнулся золотистый купол. Магический барьер прошёл по воздуху дрожью, на мгновение окрасив лица зрителей тёплым светом. Амалия ощутила его гул даже сквозь каменную скамью.

— Участники, на арену!

Первым вышел Аллистер с факультета Стихий — третьекурсник и, если верить Дэррилу, один из лучших мастеров воздушных потоков за последние годы. Высокий, жилистый, с тём-

ными прядями, которые торчали во все стороны, будто он уже успел сунуть голову в грозовую тучу. В его руках поблёскивали два коротких клинка. Воздух вокруг лезвий потрескивал, собираясь тугими спиралями, — буря ещё не началась, но уже выбрала, чьими руками будет ломать кости. Следом появился Эрлан, представитель факультета Разума. Невысокий, с резкими чертами и серыми глазами, слишком внимательными, чтобы под ними чувствовать себя спокойно. Оружия при нём не было, только древний посох с фиолетовым кристаллом на вершине.

Третьей на арену вышла Мейв с факультета Жизни. Длинные волосы свободно струились по её плечам, а тонкая серьга в брови вызывающе поблёскивала на солнце. В Мейв странным образом уживались мягкая грация и выражение лица человека, готового без предупреждения врезать тебе коленом под дых. Никакого оружия, никаких амулетов — лишь зелёная лента, вплетённая в волосы. Она шевелилась даже тогда, когда ветер стихал, словно была не украшением, а частью чего-то живого.

За ней появился участник от факультета Рун, которого Амалия прежде не встречала. Крепкий парень с тяжёлыми плечами и мозолистыми руками мастера. В одной он держал бронзовую пластину, покрытую тонкой вязью символов, в другой — короткий боевой меч. Настоящий. Не затупленный учебный клинок, не безобидная железка для тренировок.

Какого чёрта ему вообще позволили выйти с этим на арену?

Амалия нахмурилась, но распорядитель даже не повёл бровью.

Пятым вышел представитель факультета Света. Его Амалия тоже видела впервые. Безукоризненные черты, гладкие светлые волосы, почти кукольная красота — из тех лиц, которыми хочется любоваться ровно до тех пор, пока не заглянешь в глаза. А там ничего. Ни волнения, ни азарта, ни страха. Пустое, холодное внимание. Он явился без оружия, в белоснежной мантии, которую трепал ветер. На высоком вороте сияла золотая брошь, источая мягкий свет.

И наконец на арену вышел представитель факультета Тьмы — Кассиан, и на какой-то миг Амалия его не узнала. Кассиан был бледен. Скулы заострились, под глазами виднелись синяки, словно он давно забыл, что люди вообще-то иногда спят. Чёрная форма плотно облегла исхудавшее тело, подчёркивая, как сильно он изменился. За его спиной висел меч. Пожалуй, единственное, что осталось от прежнего Кассиана. Того, кто ходил так, будто любой коридор принадлежал ему.

Тьма клубилась под его кожей. Тонкие чёрные нити обвивали запястья, ползли вверх по рукам и скрывались под рукавами. Они двигались так, будто уже пустили корни и теперь терпеливо доедали то, что от него осталось.

Почему он вышел на арену в таком состоянии?

Кассиан не взглянул на трибуны, не оценил противников, даже головы не поднял. Он смотрел себе под ноги так, словно вокруг не было ни рева толпы, ни золотого купола, ни пятых магов, готовых атаковать по первому сигналу.

Распорядитель поднял руку. Над ареной разом стихли голоса.

— Начали!

Первые несколько секунд никто не шевельнулся. Шесть магов стояли внутри круга, внимательно следя друг за другом. Воздух между ними уплотнился, налился силой и чужими намерениями. Аллистер крепче сжал клинки. Кристалл на посохе Эрлана вспыхнул ярче. Зелёная лента в волосах Мейв изогнулась, как насторожившаяся змея. Только Кассиан оставался неподвижным.

Толпа захлебнулась собственным криком и резко замолкла.

Первым сорвался Аллистер. Он не просто атаковал — он танцевал со смертью. Рывок, взмах ладони, и воздух перед ним сжался, превращаясь в невидимый таран размером с бычью голову. Вакуумный хлопок — и Эрлана, бедолагу с факультета Разума, просто снесло. Он даже посох поднять не успел, как его впечатало в магический барьер с таким звуком, будто мешок с костями бросили на камни.

— Выбывает! — голос распорядителя прорезал тишину. — Факультет Разума вышел за пределы поля.

Трибуны взревели, но Амалия чувствовала только, как внутри всё стягивается в тугой узел. Ей было плевать на Эрлана, плевать на турнир. Её взгляд, как намагниченный, был прикован к фигуре в центре.

Черт, Кассиан, ну же, очнись, не стой как грёбаное надгробие.

Он стоял, опутив меч, а тьма вокруг его пальцев вела себя... странно. Это не была просто магия. Это было нечто живое и голодное. Оно облизывало его фаланги, как черный дымящийся зверь.

Мейв не стала ждать приглашения. Девчонка с факультета Жизни оказалась той еще стервой: вместо того чтобы растить цветочки, она рванула землю. Прямо под ногами Аллистера выстрелил каменный уродливый шип с зазубринами, готовый вспороть брюхо. Маг Стихий едва увернулся, но камень вспорол ему рукав, и на серый гранит брызнула алая яркая кровь.

— Хороша, — выплюнул Аллистер.

Мейв ответила ему ледяным оскалом, от которого у Амалии по спине пробежали мурашки. Ничего себе «дитя природы».

Воздух загудел. Низко, на грани ультразвука, так что зубы заныли. Аллистер ударил штормовым фронтом, но Мейв выставила щит из корней — переплетенные, влажные, они выглядели прочнее стали. Удар разбился о дерево, разлетевшись мелкими брызгами магии.

— Сильна, зараза, — пробормотал Дэррил рядом.

— И слишком самоуверенна, — отрезала Эльза.

Парень с Рун, этот шкаф с мозолистыми руками, пока не лез в пекло. Он стоял, поглаживая бронзовую пластину, как любовницу, выжидая идеальный момент.

А потом Аллистер совершил ошибку. Он решил проверить Кассиана на прочность. Маг Стихий создал воздушный клинок, светящийся, как дуговой разряд молнии, и запустил его прямо в грудь темного мага. Амалия вскрикнула, впиваясь ногтями в ладони, но Кассиан даже не шевельнулся. Тьма просто... раскрыла пасть. Черный щит, больше похожий на прореху в пространстве, выплеснулся из его тени и сожрал заклинание. Поглотил, как бездонная яма, оставив после себя лишь звенящую пустоту.

— Что это за чертовщина? — выдохнул Дэррил.

— Он просто ждет, — Эльза прищурилась. — Ждет, пока они выдохнутся.

Мейв, видимо, смекнула то же самое. В её глазах мелькнула паника, смешанная с решимостью самоубийцы. Она бросила быстрый взгляд на парня с Рун, и тот едва заметно кивнул. Коалиция. Грязная игра, но на войне все средства хороши.

— Сейчас его накроют, — прошептала Амалия. В груди всё болезненно сжалось.

Давай, Кассиан, сделай что-нибудь, черт бы тебя побрал! Не смей сливаться!

Мейв ударила первой. Земля под Кассианом взбесилась. Огромные каменные колонны вырвались из арены, замыкая его в клетку, остриями направленную внутрь. Секундой позже парень с Рун активировал руну «Ярость Дракона». Огромный, ревущий шар пламени врезался в эту каменную тюрьму. Взрыв ослепил Амалию, жар долетел даже до трибун.

Нет. Нет, нет, нет! Козлы, вы же его просто убьете!

Когда свет погас, арена погрузилась в морозный ужас. Кассиан стоял на том же месте. Живой. Шипы, которые должны были превратить его в решето, осыпались серой пылью, медленно оседая на его плечи. Огненный шар просто исчез, будто его никогда и не было.

Тёмный медленно, пугающе медленно поднял голову. Амалия похолодела. У него не было глаз. Только две черные дыры, два провала в бесконечное ничто, где не было ни боли, ни жалости.

— Твою мать... — сорвалось с её губ.

Это был уже не Кассиан. Это была сама бездна, надевшая его кожу.

Мейв начала пятиться, её лицо стало цвета мела. Маг Рун вскинул вторую пластину — «Защиту», но металл в его руках мелко дрожал.

Тьма ударила. Черный густой туман вырвался из его груди и пополз по камням, извиваясь жирными кольцами. Он окутал Мейв и парня с Рун, сжимаясь в кокон. Мейв рухнула первой. Она схватилась за лицо, и Амалия увидела, как из-под её пальцев, по подбородку, потекла темная кровь. Девушка захлебывалась собственным криком, который не мог прорваться сквозь тишину тьмы. Маг Рун оказался крепче — он успел перехватить Мейв, когда его защитная пластина лопнула с противным визгом, и буквально вышвырнул её и себя за черту барьера.

— Выбывают оба! — выкрикнул распорядитель. — Факультеты Жизни и Рун покидают арену.

На поле остались трое. Полуживой Аллистер, светлый маг, который всё это время не двигался... И монстр с лицом человека.

Трибуны окаменели. Тысячи людей разом забыли, как дышать. Никто не знал, чего ждать от тёмного мага, чья сила перестала подчиняться хоть каким-то законам. Судьи следили за Кассианом, не моргая. На преподавательском балконе несколько наставников подались вперёд, уже собирая заклинания в ладонях.

Аллистер атаковал первым. Он не хотел этого делать. Его лицо говорило «прости, Рейнард, но иначе нельзя». Но маг вскинул руки. Воздух над ареной с хрустом сжался. Пространство задрожало, и из него проступили десятки прозрачных лезвий, сотканных из льда. Они сорвались одновременно, вспарывая воздух на пути к Кассиану.

Тьма даже не дрогнула. Лезвия вошли в чёрную дымку — и пропали.

— Глупец, — произнёс маг Света. — Ты только разозлил его.

Аллистер досадно опустил руки. Кассиан поднял голову. Чёрные глаза нашли Аллистера. Кассиан занёс руку. Дымка хлынула к его ладони, сворачиваясь тугими жгутами. Она не стала ни щитом, ни копьём. В кулаке темного мага билось не заклинание — там сгустилось намерение уничтожить. Стереть человека вместе с его именем, памятью и следом на камне.

Аллистер застыл.

— Беги, — бросил ему маг Света.

— Не могу.

И он не лгал. Тьма не связывала ему ноги и не держала за горло. Она давила волей. Вколачивала Аллистера в камень, выламывала воздух из лёгких, выворачивала страх наружу. На глазах мага выступили слёзы, но он стиснул зубы, не позволяя им скатиться. Маг Света шагнул вперёд. В его ладони вспыхнула магия Солнца. Свет успел озарить арену, вырвать из темноты испуганные лица — и тут же захлебнулся. Тьма сомкнулась на нём, словно огромный кулак. От сияния осталась тонкая нить дыма.

— Это невозможно...

Кассиан не слышал, не видел арены, Аллистера, судей. Не чувствовал холодного камня под ногами и собственной руки, готовой нанести смертельный удар. Он был заперт глубоко внутри себя. Там не существовало ни света, ни звука, лишь тесная клетка, стены которой были сложены из его же воспоминаний. Кассиан бился в них плечами, царапал до крови, пытался выломать хоть один проклятый камень. Бесполезно. Клетка принадлежала ему. И одновременно — тому, что жило в нём с детства. Кассиан знал вкус этой тьмы: смола, пепел и кровь. Знал её голос — ласковый шёпот, обещавший силу и всегда умалчивавший о цене. Знал прикосновение — липкий холод могильной земли под ногтями. Но прежде она никогда не была настолько сильной.

Отпусти меня! — мысленно закричал он.

Тьма промолчала. Она уже выбрала следующую жертву. Аллистер попытался поднять клинки, но руки больше ему не принадлежали. Он сжал пальцы — и не почувствовал их. Сталь выскользнула, со звоном ударилась о камень и покатилась к сапогам Кассиана.

Маг Стихий остался без оружия. Приговорённый.

— Если он ударит сейчас, Аллистер умрёт, — тихо произнесла Эльза.

— Судьи остановят его, — ответил Дэррил.

Уверенности в голосе не было. Вообще ни хрена не было — только отчаянная надежда, в которую он и сам не верил.

— Не успеют.

Амалия почти не слышала их, она смотрела на Кассиана. На черноту, затопившую его глаза; на занесённую руку; на сгусток магии в его кулаке, пульсирующий, как вырванное из груди сердце.

Ты не станешь тьмой!

Она уже говорила ему это когда-то, но даже не помнит об этом.

Давай, Кассиан! Борись. Не отдавай себя этой дряни!

Маг Света предпринял ещё одну попытку. Он вскинул обе руки и призвал всё, что у него осталось. Золотое сияние рвануло из-под кожи, охватило его с головы до ног, разгорелось вокруг плотным коконом. Свет ударил в глаза, превращая арену в раскалённое пятно. Камни под ногами мага побелели. Тьма качнулась ему навстречу, сжалась и раздавила свет. Золотое сияние почернело по краям, свернулось внутрь и осыпалось искрами. Маг Света рухнул на колени. Его мантия дымилась, лицо стало пепельно-серым, а губы дрожали от усилия сделать хотя бы один вдох.

— Он сильнее нас всех, — выдавил он.

Над ареной затрещало. Золотистый купол, созданный защищать зрителей, мигнул. По его поверхности пробежали волны света. Обычно барьер казался нерушимым — совершенным плетением сотен знаков, выдержавшим не один турнир. Теперь по нему расползались трещины. Тьма Кассиана уже добралась до купола. Она просачивалась в повреждённые руны, давила изнутри, искала слабое место. Каждая новая трещина сопровождалась сухим негромким щелчком, от которого у Амалии холодело под рёбрами.

Если он ударит, барьер не выдержит.

Стук в кулаке Кассиана стал плотнее. Чернота стекала между пальцев густыми каплями и шипела на камне.

Пострадает не только Аллистер.

За спиной кто-то всхлипнул, и это решило всё.

Амалия поднялась, не обдувая план действий. Просто встала, потому что сидеть и ждать, пока Кассиан убьёт человека, разрушит барьер и окончательно потеряет себя, она не могла.

Ну конечно. Кто ещё полезет к обезумевшему тёмному магу? Только ты, Брандт. Потому что инстинкт самосохранения у тебя, видимо, сдох ещё в первый день.

Эльза резко схватила её за запястье.

— Амалия? — В её расширившихся глазах полыхнул ужас. — Ты куда?

Амалия посмотрела на Кассиана. На человека, который всё ещё был там — где-то под этой чёрной, голодной дрянью. По крайней мере, ей хотелось верить, что был.

— За ним.

Рыжая вырвала руку из пальцев Эльзы так резко, будто прикосновение обожгло.

— Амалия!

Но она уже вскочила. Ноги понесли её вниз быстрее, чем на любой тренировке. Мантия зацепилась за край скамьи, с треском разошлась по шву и осталась висеть на трибуне нелепым рваным флагом. Да и чёрт с ней.

Амалия врезалась плечом в плотный ряд зрителей. Посыпались возмущённые крики. Кто-то попытался поймать её за локоть, но пальцы лишь скользнули по рукаву. Всё вокруг превратилось в смазанные лица, раскрытые рты и вспышки магического света. Она видела только Кассиана. Его руку, занесённую над Аллистером. Стук тьмы в его кулаке. И глаза, в которых больше не было его самого.

Нет, нет, только не это!

Ограждение выросло перед ней, но Амалия даже не сбавила шага. Ухватила за каменный край, перемахнула через него и тяжело приземлилась на арену. Боль вонзилась в колени, пробежала вверх по бёдрам. Она едва не упала, но удержалась и побежала дальше.

— Студентка! Назад!

Стражник бросился наперерез. Амалия нырнула под его рукой, почти легла на камень, проскальзывая мимо, и снова сорвалась на бег. Впереди вспыхнула золотая стена. Магический барьер вздымался от пола до самого свода, залитый светом и покрытый тонкими чёрными трещинами. За ним тьма Кассиана билась о защиту тяжёлыми волнами. От каждого удара купол содрогался, а воздух над ареной рвался с таким звуком, будто ломали кости огромному невидимому зверю. Любой нормальный человек остановился бы, Амалия нормальной себя сейчас

не чувствовала. Она не думала, пропустит ли её барьер. Не думала, что останется от тела, если защита решит отбросить её назад.

Амалия прижала ладонь к золотому свету, барьер вспыхнул. Жар впился в пальцы, скользнул под кожу, поднялся к плечу. Амалия стиснула зубы, ожидая удара, но магия вдруг дрогнула. Свет разошёлся вокруг её руки мягкими кругами, словно узнал прикосновение. А затем золотая стена пропустила её.

Трибуны захлебнулись единым криком. Амалия шагнула на арену уже без мантии, с разбитыми коленями и растрёпанными волосами, прилипшими к губам. Сердце колотилось так яростно, что перед глазами темнело. Она понятия не имела, что делает. Знала только одно: Кассиан страдал, и она не могла остаться на месте.

Почему?

Она любила Лориана. Любила мужчину, который стал для неё первым — первым настоящим желанием, первой близостью, первым человеком, перед которым она осмелилась раскрыться целиком. Но сейчас между Кассианом и смертью не было никого, кроме неё.

Кассиан ударил, вернее, начал бить. Чёрная сила стянулась к его кулаку со всей арены. Погасли магические светильники. Камень под ногами треснул, а воздух прогнулся, не выдерживая давления. Тьма сгустилась до невозможной плотности — ещё мгновение, и она должна была сорваться с его руки, уничтожив Аллистера вместе с половиной защитного купола.

Амалия успела раньше. Она встала перед Кассианом — спиной к беспомощному магу Стихий, лицом к человеку, которого почти не осталось. Тьма ударила ей в лицо ледяным ветром. Волосы взметнулись, по щекам прошлись тонкие царапины. Каждый инстинкт вопил, чтобы она бежала, но Амалия подняла руку и накрыла ладонью его сжатый кулак.

— Кассиан.

Его тело вздрогнуло. На короткий, невозможный миг за сплошной чернотой глаз проступил он сам — запертый глубоко внутри, измученный и до безумия испуганный тем, что натворит. «Я здесь», — будто сказал этот взгляд.

Чёрная дымка сорвалась с кулака Кассиана и обвила пальцы Амалии. Скользнула по запястью, полезла выше. Не касалась кожи, а проникала глубже, туда, где не было ни плоти, ни костей. В ту пустоту, с которой Амалия родилась. Та жадно откликнулась. Тьма хлынула в неё, как вода в расколотую землю. Пустота поглощала её без остатка, будто ждала все эти годы именно этого вкуса.

Амалия задохнулась.

— Нет... Стой...

Но *оно* не прекращало, оно тянуло ещё. Кассиан резко подался назад. Их руки остались сцеплены.

— Амалия... уходи.

Его голос прорвался сквозь тьму хриплым, едва живым звуком. Даже сейчас он пытался спасти её. Глупый, невыносимый, слишком поздно решивший стать благородным.

— Не могу, — выдохнула она. И сама не поняла, что именно имела в виду.

Не могла отпустить его? Не могла позволить ему погибнуть? Или не могла признаться себе, почему его боль разрывала ей грудь, хотя в её сердце должен был быть только Лориан?

Тьма рванулась последней волной.

Арена содрогнулась. Трещины побежали по камню, золотой купол над головами вспыхнул ослепительно-белым, и на несколько секунд свет смешался с мраком. Они сплелись вокруг Амалии и Кассиана, закрутились огромной воронкой и ударили вверх, под самый свод.

Когда Амалия снова смогла различить арену, Кассиан стоял перед ней на коленях. Его плечи поникли. Руки бессильно легли на её бёдра. Лицо было почти бескровным, но ярость исчезла. Впервые за долгие месяцы его черты разгладились, будто внутри наконец перестали рвать цепи.

Кассиан поднял голову. Его глаза снова стали серо-зелёными. На дне дрожали золотистые искры. Кассиан опустил взгляд на её руку — и резко побледнел ещё сильнее. Амалия проследила за его взглядом. Под кожей ладони проступил тёмный узор. Тонкие линии повторяли рисунок вен, собирались на запястье и пульсировали в такт сердцу.

Часть его тьмы теперь находилась в ней рядом с магией Лориана. От этой мысли внутри всё сжалось. Амалия спасла Кассиана, не понимая, почему не смогла поступить иначе. И теперь носила под кожей след мужчины, которого должна была оставить в прошлом.

Глава 11

Тишина накрыла арену, слышалось лишь тяжёлое дыхание участников. Трибуны оцепенели. Распорядитель застыл с открытым ртом, явно не понимая, какое правило применять, если одна студентка только что вырвала тьму из другого. Кассиан медленно поднял голову. Его взгляд впервые за долгое время был ясным. Он смотрел на Амалию так, будто она только что вытащила его из места, откуда обычно не возвращаются.

— Что... что ты сделала? — хрипло спросил он, словно разучился говорить.

Амалия не ответила. Тьма всё ещё пульсировала под кожей, чужая и в то же время пугающе послушная. Сердце сбилось с привычного ритма и теперь колотилось как попало, пытаясь подстроиться под новую силу.

О Небо, что я натворила?

Аллистер наконец пришёл в себя:

— Это нечестно! Она вмешалась в бой!

Никто даже не повернулся.

Распорядитель несколько раз открыл и закрыл рот, прежде чем произнести:

— Бой приостановлен. Произошедшее будет рассмотрено Советом Академии.

На арену вышел декан факультета Тьмы. Увидев Кассиана и чёрные узоры на руке Амалии, он замер лишь на мгновение.

— За мной. Оба. Немедленно.

Зал Совета находился в центральном корпусе, куда Амалия прежде не поднималась. Дверь из тёмного дерева, окованная бронзой, выглядела так, будто за ней решали не судьбы студентов, а способы их казни. Внутри оказался круглый стол с двенадцатью стульями, украшенными гербами факультетов. За столом сидели трое. Ректор Академии — седой, с острыми глазами и тяжёлой золотой цепью на шее. Декан Света — безупречно прямая женщина с лицом, не обещавшим ничего хорошего. И магистр Олдрик, преподаватель Истории магии. Он смотрел на Амалию не осуждающе, а с настораживающим интересом.

Декан Тьмы занял место напротив.

— Вы знаете, зачем вас вызвали? — спросил ректор, откладывая перо.

— Потому что я вмешалась в соревнование.

— Не только. — он подался вперёд. — Из-за того, что вы сделали с тьмой Кассиана. И из-за того, что теперь она находится внутри вас.

Амалия стиснула ткань мантии. По позвоночнику прошёл неприятный холод. Она покосилась на Кассиана. Тот сидел неподвижно, но напряжённые плечи выдавали его с головой. Он боялся, но вряд ли за себя.

— Я не хотела, — прошептала Амалия. — Всё произошло случайно.

Декан Тьмы усмехнулся:

— Тьма не входит в человека случайно, мисс Брандт. Её призывают, забирают или поглощают. Вы сделали это неосознанно, но сделали. Значит, в вас есть нечто, способное её притянуть.

Магистр Олдрик наклонился вперёд.

— Пустота, — произнёс он.

Амалия вскинула голову.

— Вы пустая, мисс Брандт, но не так, как привыкли думать. Ваша пустота — не отсутствие магии. Этоместилище для неё.

Амалия вспомнила хрупкие страницы древней книги и легенду об Аэмире.

— Сосуд, — выдохнула она.

— Именно. — Олдрик кивнул.

— Мы подозревали это, — продолжил ректор. — Ваша Сфера не загорелась не потому, что у вас нет дара. Напротив, дар оказался слишком редким, чтобы она сумела его распознать. Вы не принадлежите ни одной силе, мисс Брандт. Вы способны вмещать их все.

У Амалии пересохло во рту.

— Если вы не научитесь контролировать то, что входит в вас, — сказал ректор, — последствия могут оказаться разрушительными. Не потребуется ни злого умысла, ни жестокости. Достаточно страха, боли, сильного эмоционального всплеска. Сосуд, не способный удержать содержимое, рано или поздно трескается. А когда это происходит...

Он не договорил. И слава всем богам. Воображение Амалии и без его помощи уже рисовало всякое дерьмо.

— Я научусь, — твёрдо сказала она.

— Не сомневаюсь, но не здесь и не сейчас.

— Что это значит? — Амалия медленно выпрямилась.

— Академия к такому не готова. У нас нет преподавателей, программ или методик. Вы первый Сосуд за тысячу лет. Мы не знаем, как вас обучать.

— Вы хотите меня отчислить?

Голос всё-таки дрогнул. Проклятье.

Пол под ногами будто снова исчез. Всё, за что Амалия цеплялась с первого дня в Академии, вдруг оказалось временным.

— Я предлагаю выбор, — ответил ректор. — Вы можете остаться на факультете Рун и заниматься почти без поддержки. Формально Академия не отвернётся от вас, но дать необходимое обучение не сможет. Или вы покинете её и отправитесь на поиски тех, кто знает о Сосудах больше нас. Такие люди существуют, однако не здесь.

Покинуть Академию.

Когда-то Амалия мечтала сбежать из этого каменного лабиринта. Теперь от одной мысли, что её отсюда выкинут, внутри стало пусто.

— То есть изгнание.

— Забота о вашей безопасности.

— Какое милосердное название для приговора, — вмешался Кассиан.

Декан Тьмы бросил на него предупреждающий взгляд, но тот даже не моргнул.

— Есть третий вариант, — сказала декан Света.

Все повернулись к ней.

Она сидела с прямой спиной, сложив руки на столе. Белая мантия не смягчала её — только подчёркивала холодную строгость, а в светлых глазах не было сочувствия.

— Вы можете перевестись на факультет Света. Мы имеем доступ к закрытым архивам, где хранятся сведения о древней магии. О тех, кто изучал природу Сосуда до того, как знания были утрачены или намеренно спрятаны. Но это не подарок, мисс Брандт. Вы будете сдавать экзамены, выполнять все требования и учиться наравне с остальными. Никаких поблажек из-за вашей исключительности.

Она выдержала паузу.

— И окажетесь под моим личным надзором.

Кассиан напрягся, Амалия почувствовала это кожей, будто между ними натянулась живая нить.

— Почему вы это предлагаете?

— Потому что не хочу, чтобы первый Сосуд за тысячу лет погиб из-за нашей некомпетентности, — сухо ответила декан. — И потому что намерена понять, что вы такое.

Не «кто».

Слова неприятно царапнули, но Амалия не отвела глаз. Декан не притворялась доброй женщиной и не прикрывала любопытство заботой. Она предлагала не спасение, а острое лезвие. Взяться за него можно, только потом не жалуйся на кровь.

Амалия посмотрела на Кассиана. Он сидел мрачный, не мигая. В глазах читалось предупреждение, настолько отчётливое, что ей почти послышался его голос: «не делай этого».

— Решение не требуется сегодня, — сказал ректор, возвращая разговору официальный тон. — Впереди экзамены, сдайте их. Затем, если согласитесь, начнёте новый семестр на факультете Света.

Он помолчал и добавил мягче:

— К тому же там учится ваш брат. Полагаю, он поможет вам освоиться.

Брат.

Слово легло на плечи ещё одним грузом. Рядом с ним её жизнь никогда не становилась проще, лишь обростала новыми вопросами и тайнами.

Амалия опустила голову. Тьма под кожей шевельнулась, будто тоже ждала её ответа.

— Я подумаю.

За ужином Амалия решила рассказать друзьям последние новости. Она понимала: слухи расплзутся по Академии быстрее огня по сухой траве. «Серая мантия оказалась Сосудом» — такое до утра не доживёт в тайне. Уже завтра об этом будут шептаться в каждой башне и на каждом факультете.

Амалии было страшно. Чужие взгляды будто уже ползали по спине: любопытные, осуждающие, испуганные или, что ещё хуже, жадные. Но сильнее она боялась другого — что друзья, ставшие ей семьёй в этих серых стенах, услышат правду не от неё. Кто-нибудь обязательно приукрасит, добавит побольше ужаса и вывернет всё наизнанку. И тогда им достанется не её правда, а какая-то дерьмовая легенда с Амалией Брандт в роли чудовища.

Нет уж, лучше сказать самой. И будь что будет.

Они сидели за своим обычным столом в углу столовой — подальше от белых мантий, поближе к окну, за которым медленно гас день. Амалия смотрела на знакомые лица и никак не могла заставить себя начать.

— Ты хотела что-то сказать, — не спросила, а констатировала Рин. — Я вижу по твоей ауре. Она... беспокойна.

Амалия выдохнула. Обманывать Рин было бесполезно — та замечала даже то, что Амалия сама предпочла бы не замечать. И она рассказала всё: про пустоту, оказавшуюся вместилищем; про то, что она Сосуд — первый за тысячу лет; про поглощённую тьму Кассиана; про предложение ректора и возможный перевод на факультет Света.

Когда она закончила, над столом повисла тишина.

Вот и всё. Сейчас они отодвинутся или хотя бы посмотрят иначе.

— Я знала, — наконец сказала Рин.

Все разом повернулись к ней.

— Чего? — не понял Дэррил.

— Я поняла ещё в день нашей первой встречи. — Рин посмотрела на Амалию. — Твоя аура не была пустой. Она уходила в такую глубину, что я не видела дна. Тогда я испугалась и промолчала.

— И теперь ты уйдёшь на Свет? — голос Эльзы едва заметно дрогнул.

— Не знаю, — честно призналась Амалия. — Ректор сказал, что Академия не может меня обучить. Только на Свете есть закрытые архивы с записями о древней магии. Если я хочу контролировать свою силу... другого пути пока нет.

Дэррил подался вперёд, и в его глазах вспыхнул совершенно неприличный восторг:

— Так ты теперь, типа, живой аккумулятор?

— Что? — Амалия медленно подняла бровь.

— Ну а что? Ты можешь забирать чужую магию! Представляешь, сколько пользы на экзаменах?

— Это называется жульничество, — сухо заметила Эльза.

— А если с согласия владельца? — не сдавался Дэррил. — Я, например, готов продавать свою магию. Для друзей — скидка.

— Твоей магии даже чайник не вскипятишь, — фыркнул Макото.

Дэррил прижал ладонь к груди.

— А ты жесток. — Он снова повернулся к Амалии. — Слушай, а ты не боишься лопнуть прямо на экзамене у Олдрика? Он спросит про Кровавое Перемирие, а ты — бабах! И вот ты уже не сдаёшь историю магии, аходишь в неё.

— Я не планирую взрываться на экзамене. Это было бы крайне неудобно.

— Неудобно? — Дэррил схватился за голову. — Это был бы рекорд! «Здесь лопнула Амалия Брандт. После этого Олдрик не принимает экзамены без защитного купола».

Он торжественно поднял палец:

— Я уже вижу памятную табличку.

— Ты ужасен, — сказала Мила, пряча улыбку.

— Если верить легендам, Аэмир не просто лопнул, — невозмутимо вмешалась Рин. — Он прожил тысячу лет, прежде чем его магия стала нестабильной. У Амалии достаточно времени. Во всяком случае, больше, чем у тебя.

Дэррил вытаращил глаза.

— Тысяча лет? Амалия, ты не представляешь, как я счастлив! У меня полно времени, чтобы написать достойную поэму к твоему возможному финалу. — Он приложил ладонь ко лбу и продекламировал: — «Она была прекрасной соседкой по парте, пока не стала самым ярким фейерверком в истории Академии».

Амалия не выдержала. Смех вырвался сам, и вместе с ним из груди будто высыпался весь накопившийся страх.

— Ты дурак, — выговорила она, утирая выступившие слёзы.

— Зато честный! — Дэррил подмигнул. — И если это случится через тысячу лет, мы всё равно не увидим. Пусть переживают твои далёкие потомки, это уже их проблема.

— Ты невыносим, — сказала Эльза.

— Я знаю. Но вы всё равно меня любите.

Макото скорбно вздохнул:

— Мы просто слишком долго откладывали лечение.

Дэррил оскорблённо засопел, но впервые за вечер не нашёлся с ответом.

Смех снова прокатился над столом. Амалия смотрела на них и чувствовала, как внутри отпускает тугой узел. Никто не отодвинулся, никто не смотрел на неё как на чудовище или редкий магический артефакт. Для них она всё ещё была Амалией.

С ними я не лопну, разве что от смеха. И, чёрт возьми, это был бы не худший финал.

После ужина Амалия привычно поднялась в кабинет Лориана и рассказала обо всём, что произошло за последние сутки. Закончив, она закатала рукав и раскрыла ладонь. Там, где прежде была бледная кожа с россыпью веснушек, проступили тёмные тонкие узоры, невидимые в полумраке. Они повторяли рисунок вен и пульсировали вместе с сердцем. В каждом завитке шевелилась тьма, которую Амалия забрала у Кассиана.

Лицо Монтгомери оставалось спокойным. Годы сделали эту маску безупречной: ни дрогнувших губ, ни нахмуренных бровей. Только взгляд стал ровнее, а на губах появилась едва заметная улыбка, от которой у студенток подкашивались колени. Но на самом деле, внутри профессора бушевала ярость. Она поднималась к горлу, сжимала внутренности, стучала в висках. Лориан загонял её глубже — туда, куда не могли заглянуть ни коллеги, ни студенты, ни даже Амалия. Она не должна была узнать так рано.

Совет. Ректор. Декан Света. Они испортили всё, что он выстраивал месяцами. Каждый вечер, каждое прикосновение, каждая руна, тщательно выведенная на её коже, были частью подготовки. Медленной, почти ювелирной работы над замком, к которому он подбирал ключ.

А теперь замок сорвали, не спросив его.

Лориану хотелось разбить что-нибудь. Схватить её за плечи, встряхнуть, заставить забыть проклятый Совет и каждое услышанное там слово. Вместо этого он сел за стол, сложил руки и посмотрел на неё усталыми, спокойными глазами.

Руны были только началом. Он собирался наносить их месяцами — открывать каналы, расширять вместилище, готовить Амалию к тому дню, когда Брандт сумеет принять всё. Всё, что он хотел в неё вложить, а теперь она могла уйти к Свету. К тем, кто презирал его и понятия не имел, какую силу он держал в руках. Монтгомери терял не просто Амалию. Он терял инструмент, ключ, последнюю надежду на то, ради чего прожил десять лет.

Под столом ногти впились в ладони, боль прояснила мысли. Паниковать нельзя. Он должен поддержать её, должен сделать вид, что ничего непоправимого не произошло.

Амалия смотрела на Лориана и не замечала ни побелевших костяшек, ни едва заметной пульсации под левым глазом, ни слишком ровного дыхания. Она видела лишь уставшего профессора, который обдумывал новости и мужчину, беспокоившегося о ней.

— О чём ты думаешь?

— Тебе следует быть осторожной. Свет не прощает слабости и не любит чужаков.

Амалия кивнула, приняв предупреждение за заботу.

Лориан выдержал короткую паузу.

— Но сейчас я хочу говорить не об этом. Весь день я сидел здесь, разбирал бумаги, отвечал на письма и думал о тебе. Я соскучился за один день. Глупо, правда? Взрослый мужчина, профессор, а скучает по студентке, как мальчишка.

Монтгомери коснулся её щеки.

— Ты не представляешь, как я ждал этого вечера. Считал минуты до твоего появления. Боялся, что ты не придёшь, потому что у тебя нашлись дела важнее старого профессора в Башне Рун.

— Ты не старый, — пробормотала Амалия.

Улыбка Лориана стала чуть теплее.

— Эти стены серые и унылые, когда тебя здесь нет. Ты — единственное, ради чего я просыпаюсь и не ненавижу своё отражение.

Амалия почувствовала, как сердце беспомощно провалилось куда-то вниз.

Его пальцы скользнули со щеки на шею, зарылись в волосы на затылке.

— Останься сегодня, — произнёс Лориан. — Не возвращайся в общежитие. Я не хочу, чтобы ты была одна. Хочу обнимать тебя всю ночь, слышать твоё дыхание. Чувствовать, как бьётся твоё сердце, а утром быть рядом, когда ты откроешь глаза.

В голове шумело от усталости, событий этого безумного дня и его близости. Отказать следовало бы хотя бы из приличия. Но к чёрту приличия.

— Хорошо, я останусь.

Лориан улыбнулся. В этой улыбке смешались облегчение, торжество и нечто тёмное, чему Амалия не умела подобрать название. Он крепче обнял её, уткнулся лицом в рыжие волосы и прикрыл глаза.

Она остаётся. Значит, он всё ещё может влиять на неё, всё ещё нужен ей.

Ярость внутри утихла. Чувствуя, как доверчиво Амалия прижимается к нему, Монтгомери позволил себе поверить, что способен удержать её не только рунами и силой. Тем, что она принимала за любовь. Он ещё не проиграл, просто теперь придётся играть иначе.

Лориан отвёл её к старинному дивану у стены и сел, увлекая за собой. Его рука обвила её плечи, притянула к тёплой груди. Он начал расстёгивать пуговицы на её мантии. Медленно, одну за другой, словно боялся нарушить хрупкое доверие. Амалия не сопротивлялась. Плечи обмякли, голова склонилась ему на грудь.

— Я так устала.

— Знаю, милая.

Лориан поцеловал её в макушку.

Мантия упала на пол. Следом — рубашка, которую он аккуратно стянул через голову, не задев волос. Амалия осталась в лёгкой сорочке.

Взгляд Монтгомери медленно прошёлся по ней.

— Ты прекрасна. Я повторяю это каждый раз и всякий раз понимаю, что не сказал даже десятой доли.

Амалия покраснела. После всего, что произошло между ними, она всё ещё не привыкла к его комплиментам. К тому, как на неё смотрел этот взрослый, опытный, пугающе собранный мужчина.

Господи, ну почему он вообще выбрал меня?

Лориан уложил её на диван и лёг рядом, лицом к лицу. Между их губами осталось несколько сантиметров.

— Расскажи мне что-нибудь, — попросила Амалия.

— Например?

— О себе. Каким ты был до того, как стал профессором?

— Таким же. Только моложе и глупее.

— Не верю.

— Зря. — Лориан провёл пальцем по её брови, переносице, губам. — Я всегда был старым внутри. Даже первокурсником, даже молодым преподавателем. Смотрел на студентов и думал: какие же они дети, а потом появилась ты.

— И что изменилось?

— Я перестал чувствовать себя старым. — он поцеловал её в уголок губ. — С тобой я будто помолодел на двадцать лет. Начал бояться, ждать, переживать. Считать часы до вечера, как влюблённый мальчишка.

Амалия улыбнулась, и он поцеловал её. Пальцы прошлись по её спине, задержались там, где под кожей тлели нанесённые им руны. Они отзывались, словно узнавали прикосновение своего создателя.

— Я люблю тебя, Лориан.

Лориан не ответил, лишь прижал её крепче, зарылся лицом в волосы и замер, слушая удары её сердца. Он не мог солгать, но и правду сказать тоже не мог.

Правда находилась в серой области, где чувства незаметно превращались в план, любовь путалась с расчётом, а нежность — с жадной контролью. Но сейчас, чувствуя тепло Амалии и слыша, как она шепчет его имя, Монтгомери позволил себе поверить: она нужна ему не только как Сосуд. Как женщина.

— Спи, — прошептал он. — Я рядом.

— Ты будешь здесь, когда я проснусь?

— Буду, обещаю.

Амалия уснула быстро, убаюканная теплом и ощущением безопасности. Монтгомери долго смотрел на неё в полумраке: на рыжие волосы, рассыпавшиеся по подушке, на бледное лицо, по которому даже во сне скользила тревога, на руны, медленно угасавшие вместе с ней.

Ты моя. И никто тебя не отнимет. Никто.

Амалия вышла из кабинета Лориана после их совместного завтрака. Она медленно брела по коридору, придерживаясь ладонью за стену: ноги не слушались, голова кружилась. Её мысли всё ещё были заняты Лорианом, когда она вдруг *это* почувствовала.

Сначала Амалия решила, что дело в усталости, но нет, это было нечто другое. Тёплый толчок под рёбрами. Амалия остановилась посреди коридора и прижала ладонь к груди. Под сердцем, там, где поселилась тьма Кассиана, пульсировало что-то ещё. Невидимая тонкая нить. Она тянулась вниз, к общежитию Тьмы, к комнате, где он, вероятно, тоже не спал.

Кассиан.

Амалия не знала, как это объяснить. Не понимала, откуда взялась эта уверенность, но чувствовала: он там. И тоже чувствует её.

Закрыв глаза, она прислушалась к странной тьме, оставшейся в ней после арены. Прежде та была тихой, едва заметной. Теперь же пульсировала медленно и ровно, словно второе сердце. Амалия мысленно потянулась к нити, боясь спугнуть ощущение. Та отозвалась: дрогнула, замерцала — и на краткий миг Амалия почувствовала не себя, а его. Его усталость и боль. Его колющую тоску, которую он так старательно прятал за усмешками и молчанием.

Кассиан не помнил, как добрался до комнаты. Тело тащило себя само: ступень, поворот, скрип двери — и кровать ударила под колени. Он рухнул поверх покрывала, не раздеваясь, и

установился в потолок. Тьма внутри больше не клочкотала, требуя выхода. Она притихла, сжалась и теперь следила за ним из глубины.

Рейнард не заметил, как провалился в забытье.

Он проснулся от чужого дыхания у самого затылка. Резко обернулся — никого. Кассиан сел и провёл ладонью по лицу. Прислушался к силе, которая годами была его проклятием, оружием и второй кожей. Тьмы стало меньше. Она больше не рвалась наружу и не пыталась говорить вместо него, но теперь она не заканчивалась там, где заканчивался он. От груди тянулась тонкая живая нить. Она уходила вверх, к башне Рун. К той, в чьих ладонях вчера осталась часть его проклятия.

К Амалии.

— Да чтоб тебя, Рыжая...

Кассиан закрыл глаза и мысленно рубанул по связи. Вложил в удар всю силу, всю злость — на неё, на себя, на эту идиотскую насмешку судьбы. Нить дёрнулась, болезненно натянулась, но не порвалась. Где-то далеко пришёл ответ: слабый толчок, будто дрогнуло чужое сердце. Её сердце. Она тоже это почувствовала?

Кассиан вскочил, кое-как натянул рубашку и вышел в коридор. В тренировочный зал он почти бежал. Не ради занятий — ему просто нельзя было останавливаться. Нельзя было думать о чужом присутствии внутри себя. О связи, которой он не просил. О девушке, которую так долго и безуспешно пытался вытравить из собственной крови. Но теперь часть его тьмы жила в ней, а нить пульсировала между ними, подстраивая его дыхание под ритм её сердца. Кассиан хотел забыть Амалию, а в итоге получил возможность чувствовать, что она всё ещё существует, с каждым ударом.

Вот же дрянь. Даже уйти от неё ему не позволили.

Кабинет старосты находился в восточном крыле башни Света — ослепительно белый, стерильный, с высокими окнами. Здесь пахло бумагой и сладковатыми благовониями, которые Стефан жёг, когда хотел успокоиться. Сегодня не помогало ни хрена. Мариэль сидела у окна, скрестив ноги, и наблюдала за ним с холодным вниманием. Дормиэль подпирал плечом косяк. Стефан метался по кабинету. Его пальцы то сжимались в кулаки, то беспомощно разжимались.

— Она Сосуд, — выдохнул он, будто слова царапали горло. — Моя сестра — Сосуд.

— Мы уже это обсудили, — ровно ответила Мариэль. — Совет подтвердил.

— Совет подтвердил, — передразнил он. — Ты хоть понимаешь? Она способна поглотить любую магию. Любую! Даже мою!

— А с чего ей поглощать твою?

— Амалия будет мстить. — глаза Стефана сузились. — Ты видела её на церемонии? Она смотрела на меня, как змея. Ждала момента ударить.

— Нет, — отозвался Дормиэль. — Она надеялась, что ты заметишь её, улыбнёшься и признаешь. А ты отвернулся, будто она пустое место.

— Потому что она мне чужая! — рявкнул Стефан. — И опасная. Ты не понимаешь, что такое Сосуд! Это не дар и не редкая магия! Если она захочет, уничтожит нас всех. Я ей не позволю.

Он пересёк комнату и остановился перед Дормиэлем почти вплотную. Между ними осталась лишь тонкая полоска воздуха, натянутая до предела.

— Ты мне поможешь. Спровоцируем скандал, добьёмся отчисления. Убедим Совет, что она нестабильна и опасна. Что держать её в Академии — грёбаное безумие.

— Ты хочешь её выгнать?

— Убрать, — Стефан понизил голос. — Подальше от Академии и от меня. От всех нас.

— Нет, я не стану лгать Совету и лепить из неё чудовище только потому, что тебе так удобнее.

— Вот как. — Стефан криво усмехнулся. — Ты всё-таки в неё влюбился?
Мариэль перевела взгляд на Дормиэля. В её глазах мелькнул живой интерес.

— Я её уважаю. Это не одно и то же.

— Ты отказываешься? — Стефан замер.

— Да.

Злость на лице Стефана не исчезла, но под ней проступило нечто хуже: обида, унижение, горечь предательства.

— Ты предаёшь меня. Нашу дружбу.

— Нет, я остаюсь собой. А ты пытаешься вырезать из себя всё человеческое и хочешь, чтобы я подержал нож.

— Не вырезать — защитить! Себя, своё место, своё будущее! Ты понятия не имеешь, что поставлено на карту.

— Твоё будущее не стоит жизни сестры.

— Она мне не сестра, — выплюнул Стефан. — Она угроза. И ты либо со мной, либо...

— Либо что?

Стефан не ответил.

Дормиэль подошёл к двери и взялся за ручку.

— Попытаешься её выгнать или причинить ей боль — я выступлю против тебя.

— Не сможешь. — голос Стефана стал ледяным. — Ты никто. Староста без связей и власти.

— Зато у меня есть совесть. Уже больше, чем у тебя. — он распахнул дверь. — Мы больше не друзья и не союзники.

— Дорми... — начала Мариэль.

— Не надо. Вы выбрали, я тоже.

Дверь захлопнулась.

Стефан остался посреди кабинета, тяжело дыша, а Мариэль даже не шелохнулась.

— Он остынет и вернётся.

— Нет. — Стефан медленно покачал головой. — Я его знаю. Если отрезал — обратно не пришьёшь.

— Тогда справимся сами. — Мариэль поднялась и положила ладонь ему на плечо. — Ты справишься, всегда справлялся.

— Моя сестра — Сосуд. Ей хватит одного движения, одной мысли, чтобы уничтожить меня!

— Не хватит. — на губах Мариэль появилась едва заметная улыбка. — У меня есть план. Нужно найти одного мага Разума. Жалкий менталист как раз задолжал мне услугу.

Глава 12

До конца сессии оставалось пять дней — бесконечных, растянувшихся, словно резина. С каждым часом груз ответственности давил всё сильнее. Три экзамена Амалия уже сдала, но победа оставила горький привкус. Две тройки и четвёрка — совсем не то, на что она рассчитывала. Особенно после того, как Лориан, скривившись, произнёс своё фирменное:

— Сойдёт для первого курса.

Амалия заставила себя не воспринимать это как оскорбление. В конце концов, похвала Лориана была редкой драгоценностью. Но впереди ждали два самых страшных испытания. Два экзамена, от одной мысли о которых холодела кровь и подкашивались колени. Они могли поставить крест на её будущем в Академии. Первым была рунопись: черчение пальцем в воздухе — без пластины, опоры и права на ошибку. И главное, без магии, потому что магия рун в Амалии всё ещё спала. Лориан говорил, что она проснётся, нужно время, что руны на её теле — лишь начало. Но экзамен был через три дня, а чуда всё не происходило. Вторым испытанием была физическая подготовка. Подробности Амалия узнала от Милы, та — от третьекурсников с факультета Жизни, подслушавших разговор преподавателей в столовой.

— Теневое сражение, — прошептала Мила, округлив глаза. — Маг Разума создаёт каждому студенту теневого клона. С твоими движениями, привычками и слабостями. Ты должна победить саму себя.

— Но я же пустая, — растерянно сказала Амалия. — У меня нет магии.

— У твоего клона тоже не будет, — вздохнула Мила. — Зато будет твоё тело. Коргат считает, что это лучший способ узнать себя. Лично я думаю, что это садизм в чистом виде.

Амалия не спала всю ночь. В голове крутилась одна мысль: «Я не смогу». Но сдаваться было нельзя. Она сидела на кровати, обхватив колени, и смотрела на стопки учебников. Мила и Эльза пытались её подбодрить, но Амалия почти не слышала их.

— Ты справишься, — говорила Мила.

— Конечно справишься! — бодро добавляла Эльза, хотя тревога в её глазах выдавала настоящие чувства.

Амалия слабо улыбалась, а внутри всё сжималось от страха. Эти экзамены были не просто проверкой знаний. Они испытывали её силу, способности и само право оставаться в стенах Академии.

На следующее утро Амалия нашла Макото на тренировочной арене. Он двигался с завораживающей грацией, будто исполнял древний танец. Туника облегла его тренированное тело, а меч рассекал воздух с тихим свистом. Амалия несколько мгновений наблюдала за ним. В его движениях было столько силы и уверенности, что она почти забыла, зачем пришла.

— Макото, — окликнула она.

Акияма остановился не сразу. Меч описал последнюю дугу, рассёк утренний воздух с тихим, певучим свистом и замер у самого пола.

— Доброе утро, Амалия.

— Мила рассказала про теневое сражение на экзамене Коргата. Я не знаю, как справиться. У меня нет ни опыта, ни магии... ничего. А ты ведь учился в страже? — Амалия подняла на него глаза. — Научи меня сражаться.

— Я не могу тебе помочь.

— Почему? — голос предательски дрогнул.

— Потому что победить тень — не то же самое, что победить врага. Тень — это ты сама. Только ты можешь найти способ одолеть её.

Амалия сжала кулаки. Под рёбрами поднялась знакомая волна отчаяния.

— Но я не знаю как! — почти выкрикнула она.

Макото вздохнул, отложил меч и вытер шею полотенцем.

— Есть кое-кто, кто может помочь, — неожиданно сказал он. — Рин. Она изучает Разум, теневых клонов, отражения личности, иллюзорные проекции и ментальные ловушки. Она знает об этом больше, чем многие преподаватели.

Амалия замялась. Рин пугала её своей загадочностью, но другого выхода не было.

— Думаешь, она согласится?

— Скажи, что тебя послал я. — Макото снова взялся за меч. — И добавь, что я буду ей должен.

— Спасибо, — в душе Амалии зародилась робкая надежда.

Макото лишь кивнул и вернулся к тренировке. Несколько мгновений Амалия смотрела, как клинок вновь рассекает воздух, а затем направилась к выходу.

Рин, надеюсь, ты согласишься.

Амалия остановилась посреди очередного коридора и огляделась, окончательно потеряв надежду понять, где находится. Крыло Разума и Тьмы будто издевалось над ней. Одинаковые двери, одинаковые повороты — словно кто-то взял один кусок пространства и размножил его сотню раз. Пурпурные мантии то и дело мелькали рядом, но Рин Акияма словно заранее узнала о её приходе и растворилась в стенах общежития.

Три этажа вверх. Два вниз. Лестница, которая почему-то привела её туда, откуда она начала. Несколько чужих комнат, растерянные лица студентов и столько неловких извинений, что Амалия уже была готова провалиться под пол. Она прислонилась затылком к холодной стене и закрыла глаза. Пальцы всё ещё мяли край серой мантии.

Надо было спросить у Макото номер комнаты, но нет! Зачем Амалии Брандт делать что-то разумное, если можно полчаса бродить по общежитию, как безмозглый призрак?

— Заблудилась, Рыжая?

Голос за спиной заставил её дёрнуться и едва не впечататься лопатками в стену. Амалия резко обернулась. Кассиан стоял в нескольких шагах от неё, засунув руки в карманы мантии. Судя по довольному изгибу губ, её жалкий вид успел его развлечь.

Прекрасно, именно его ей сейчас и не хватало.

— Не заблудилась, — отрезала она, поспешно расправляя смятый край мантии. — Ищу подругу.

— Разумеется. Поэтому стоишь посреди коридора с лицом потерянного котёнка, которого забыли забрать домой. Кого ищешь?

— Рин Акияма, — нехотя призналась она. — Макото сказал, что она может помочь мне подготовиться к экзамену.

— К теневому клону?

Амалия кивнула.

— Слышал, — произнёс Кассиан. — Коргат уже всех достал этой новостью. Третьекурсники говорят, что будет жесть. Первокурсники — что это конец света. Я склоняюсь к первому варианту.

Он замолчал, разглядывая её слишком внимательно.

— Ты боишься.

— Ничего я не...

— Боишься, — повторил он спокойно. — Я вижу.

Врать дальше не имело смысла. Амалия опустила взгляд на собственные руки.

— Я не умею драться, совсем. Ты видел меня на тренировках. Я едва не убила Дормиэля, когда он учил меня держать кинжал.

— Я бы сказал, это свидетельствует как раз об обратном.

Она вскинула на него глаза.

— Я серьёзно, Кассиан.

— Я тоже. — он оттолкнулся плечом от стены. — Слушай, Рыжая, я могу помочь.

Амалия моргнула.

— Ты знаешь, где живёт Рин?

— Нет.

— Тогда чем именно ты...

— Я знаю, как драться с тенью, — перебил Кассиан. — И как побеждать, когда сил почти не осталось. Хочешь — научу.

— Зачем тебе это?

— Ты спасла меня, Рыжая. На арене. Выбежала прямо под тьму, которая могла тебя убить, и забрала то, что я уже не мог контролировать. Теперь я твой должник, а я не люблю оставаться в долгу.

— Ты не обязан. — Амалия покачала головой. — Я сделала это не ради награды.

— Знаю. Вот это и бесит больше всего.

— Что?

— Ничего. — Кассиан отвёл взгляд, а потом снова посмотрел на неё. — Давай, Рыжая, разреши мне помочь. Не из-за долга. Просто... потому что я хочу.

Амалия сглотнула, пытаясь не думать о том, как сильно изменился его взгляд. И о том, почему от этого короткого «хочу» внутри стало слишком тесно.

— Мне казалось, я тебя обидела, — осторожно сказала она. — Я ведь тогда не пришла. А после ты вёл себя... ну...

— Как последняя сволочь?

— Я хотела сказать «странно».

— Ты слишком добрая.

Кассиан поморщился, словно воспоминание оказалось горьким на вкус. Плечи его едва заметно напряглись.

— Я был дураком, злым дураком, потому что не мог справиться со своей болью. Прости.

Амалия всмотрелась в его лицо. Кассиан не отвёл глаз, хотя она видела, чего ему стоило выдержать её молчание.

— Прощаю, — наконец произнесла она.

Он едва заметно выдохнул, и нить между ними тут же отозвалась тёплым покаянием. Радость Кассиана прошла по ней живым импульсом, слишком искренним, чтобы его можно было перепутать с чем-то ещё.

У Амалии предательски сжалось сердце.

— Через час на арене, — сказал он, возвращая голосу привычную уверенность.

Его взгляд неторопливо прошёлся по её мантии, задержался на талии и спустился ниже. Наверняка он всего лишь оценивал, подходит ли одежда для тренировки. Разумеется. Только почему-то Амалии вдруг стало жарко.

— Переоденься во что-нибудь удобное, — продолжил Кассиан. — Я покажу тебе несколько приёмов, которые Коргат запрещает использовать на занятиях.

— Почему запрещает? — Амалия настороженно приподняла бровь.

— Тебе это знать не обязательно.

— Кассиан!

— Амалия.

Ненавижу его. Просто невероятно сильно. Особенно когда он вот так произносит моё имя.

На его губах появилась ленивая улыбка.

— Не бойся, я не дам тебя в обиду. Ты мне ещё должна.

— За что это?

Кассиан уже развернулся, и чёрная мантия взметнулась за его спиной.

— За то, что бросила меня на балу.

— Я...

— Через час, Рыжая, — донеслось через плечо. — Экзамены ждать не будут.

Амалия смотрела ему вслед, одновременно желая запустить в него чем-нибудь тяжёлым и улыбнуться, как полная идиотка. Нить всё ещё мягко покалывала под кожей, теперь Брандт уже умела читать её отклики.

Кассиан был счастлив.

Закатное солнце окрасило внутренний двор Академии в охру и бронзу. Тени вытянулись, воздух наполнился вечерней прохладой. Каменные плиты ещё хранили дневное тепло, но лёгкий осенний ветер уже студил разгорячённую кожу. Кассиан намеренно выбрал этот час: занятия закончились, редкие прохожие спешили внутрь. Ему нужна была полная сосредоточенность — и никаких лишних глаз.

Амалия стояла напротив в тёмном тренировочном комбинезоне. На левой щеке наливался свежий синяк — след неудачного выпада в начале тренировки. Рыжие волосы растрепались, влажные пряди прилипли ко лбу. Она тяжело дышала, но в глазах горел упрямый огонь. Кассиан, в свободной тёмной рубаше с закатанными рукавами, сжимал затупленный тренировочный клинок. Его длинные волосы тоже потемнели от пота.

— Ты снова открываешься. Думаешь о защите, но забываешь о пространстве вокруг.

Тёмный маг сделал обманный выпад. Амалия инстинктивно вскинула руку, пытаясь парировать, но Кассиан оказался быстрее. Лезвие замерло у её горла, едва касаясь кожи.

— Медленнее, — произнёс он, удерживая клинок с ювелирной точностью. — Ты должна чувствовать сталь, а не просто видеть её.

Амалия застыла, ощущая холод металла на шее. Сердце билось где-то в горле, дыхание перехватило. Нить между ними дрогнула.

— Расслабь плечи, — голос Кассиана стал тише. — Напряжение крадёт скорость.

Амалия попыталась выполнить его команду, но страх ошибиться стянул мышцы тугими узлами. Кассиан это заметил. Он медленно шагнул ближе, сокращая расстояние между ними до неприличия. Амалия замерла, когда его грудь коснулась её спины. Всего на мгновение, через ткань, но этого хватило, чтобы мысли дружно отправились к демонам. Тёмный медленно вдохнул возле её волос. Травяной чай Милы, холод тренировочного двора, усталость долгого дня и её собственный пряный запах.

Его губы остановились у самого виска. По коже Амалии рассыпались мурашки. Нить между ними натянулась, обвила рёбра и пульсировала вместе с кровью. Кассиан не двигался. Боролся с собой так отчаянно, словно главным противником сегодня была вовсе не она. Амалия тоже застыла. Любое движение могло разрушить то, что возникло между ними: сталь у горла, его дыхание на коже и близость, от которой в голове становилось оглушительно пусто.

— Я мог бы сейчас тебя убить, — прошептал Кассиан.

Амалия не отшатнулась, не попыталась выбить клинок. Только закрыла глаза, доверяя ему свою шею, дыхание, жизнь. Ему. Человеку, носившему под кожей тьму. Но он не ударит, никогда. Нить вспыхнула между ними, и Кассиан резко втянул воздух. Её доверие ударило по

нему сильнее любого заклинания. Он смотрел на дрожащие ресницы Амалии, на приоткрытые губы и понимал: ещё секунда — и он сделает что-то непоправимое. Медленно, словно давал себе последний шанс передумать, Кассиан отвёл клинок. Сталь скользнула вниз. Холод исчез, но тут же сменился теплом его пальцев. Он коснулся подбородка Амалии и заставил её поднять лицо.

— Но я не ударю, — выдохнул он.

Большой палец лёг на свежий синяк. Прикосновение было почти невесомым, до злости бережным, будто он мог стереть боль одним движением, будто ненавидел себя за каждую отметину на её коже.

Нить между ними рванула. Золото вспоролو тьму, прокатилось от его груди к её сердцу и взорвалось под рёбрами жаром. Амалия открыла глаза. Кассиан был непозволительно близко. Она различала каждую его ресницу, мелкие трещинки на губах и золотые искры в серо-зелёных глазах. Прежде холодные, сейчас они горели так откровенно, что Амалии стало трудно дышать.

Вот дерьмо.

Она любила Лориана. Любила! Он был её первым, её единственным! Так почему от взгляда Кассиана у неё подкашивались ноги?

Кассиан наклонился, или Амалия потянулась к нему, или проклятая нить решила за них обоих. Но вместо её губ маг Тьмы поцеловал её в лоб. С пугающей нежностью, словно Амалия была единственным светлым существом, к которому он ещё имел право прикоснуться. Она выдохнула, осознав, что всё это время не дышала. Тепло потекло по лицу, провалилось под ключицы, скрутилось тугим узлом в животе и добралось до кончиков пальцев.

Нить ослепительно вспыхнула. Золотой свет хлынул по двору, заставляя тени отшатнуться, а камни под ногами — коротко загудеть. И в этот самый миг Амалия двинулась. Пальцы сомкнулись на рукояти. Поворот кисти, шаг в сторону — и меч уже покинул руку Кассиана.

Когда сияние угасло, лезвие лежало у его горла. Несколько секунд Кассиан молча смотрел на сталь, затем перевёл взгляд на Амалию. В серо-зелёных глазах мелькнуло удивление, а следом — такая яркая, почти неприличная гордость, что её сердце снова сбилось.

— Ты меня победила.

— Ты сам научил меня не отвлекаться, — ответила Амалия и опустила клинок.

— Рыжая, — Кассиан подался ближе, не отрывая от неё взгляда, — я учил тебя не отвлекаться на противника. — его пальцы сомкнулись поверх её руки на рукояти. — А не использовать его слабости.

— Значит, я превзошла учителя.

— Нет, — едва слышно сказал он. — Ты просто узнала мою единственную слабость.

И именно тогда руны на её спине ожили. Сперва кожу кольнуло. Через миг знаки раскалились, будто Лориан собственными пальцами вдавливал их в её тело, напоминая, кому она принадлежит. Амалия лишь крепче стиснула ладонь.

Чёрт. Только не при нём.

Руны не терпели сомнений, не позволяли ей думать о другом мужчине, помнить вкус чужих губ, искать тепло в чужом взгляде. В их магии существовал только Лориан.

Боль прошла позвоночник, но Амалия заставила себя стоять ровно.

— Кассиан, прости, что позволила тебе меня поцеловать. Не знаю, что на меня нашло, но... я не хочу дарить тебе надежду. Я люблю другого.

Слова сорвались сами — и от них почему-то стало ещё больнее.

— Я чувствую, — Кассиан выдавил улыбку. — каждый день, каждую проклятую минуту.

Связь между ними отозвалась тёплым ударом. Второе сердце — чужое, но уже слишком близкое. Их судьбы сшили одной нитью, и теперь развести их можно было только причинив боль.

Руны снова обожгли спину. Ещё немного — и она не выдержит.

— Мне нужно идти. — Амалия отступила, разрывая их взгляды. Дышать сразу стало легче.

— Завтра здесь же, — сказал Кассиан. — Я научу тебя новым приёмам.

У двери она всё-таки остановилась.

— Кассиан... спасибо. За всё.

И ушла, не дав ему ответить.

Он остался один, глядя ей вслед. А нить между ними продолжала биться, напоминая: Амалия выбрала другого, но часть её тьмы теперь навсегда принадлежала ему.

Следующие два дня слились в череду изнурительных тренировок и непрерывного напряжения. Кассиан не обучал её приёмам — он пробуждал чутьё, вытаскивал наружу инстинкты, скрытые слишком глубоко. Рейнард заставлял её сражаться с закрытыми глазами, доверяя лишь звукам, движению воздуха и едва уловимым колебаниям магии. Амалия падала, поднималась и снова падала, покрываясь синяками, но не сдавалась. Кассиан не щадил её, и именно за это она была ему благодарна. Иногда тренировки затягивались до темноты. Тогда Кассиан не зажигал магические фонари. Они сражались в холодном лунном свете, и Амалия чувствовала, как нить между ними пульсирует всё сильнее, откликаясь на каждое синхронное движение, каждый безошибочно угаданный выпад.

После изнурительных занятий с Кассианом Амалия неизменно направлялась в башню Рун, где её ждал Лориан. Монтгомери встречал её неизменной чашкой горячего напитка и внимательным взглядом. Расспрашивал о тренировках, бережно поправлял руны на её спине, касался её с привычной нежностью.

Однажды, когда они сидели в полумраке, Монтгомери задумчиво произнёс:

— Ты слишком много времени проводишь с Кассианом.

— Он помогает мне готовиться к экзамену, — ответила Амалия, не поднимая глаз.

— Я знаю. — Лориан провёл ладонью по её волосам. — Но будь осторожна. Тьма внутри тебя отзывается на него.

Амалия замерла. Нить, связывающая её с Кассианом, едва заметно дрогнула, словно услышала его имя.

— Я знаю.

— Знаешь? — Лориан наклонился ближе, согревая дыханием её висок. — Но чувствуешь ли ты разницу между его прикосновениями и моими?

Амалия застыла, не находя ответа.

— Лориан...

— Не нужно ничего говорить. — он мягко поцеловал её в висок. — Я не ревную. Просто хочу, чтобы ты помнила, кто ты. И чья.

Амалия прижалась к нему, чувствуя тепло его тела. Нить между ней и Кассианом пульсировала тихо и настойчиво, словно прислушивалась к их разговору.

Ты ничья, — будто шептала она.

Лориан обнимал её ещё несколько минут. Его пальцы медленно перебирали рыжие пряди. За высокими окнами кабинета гудел ветер, бросая в стёкла сухие листья. Амалии не хотелось уходить. Здесь, среди книг, свечей и запаха травяного чая, завтрашний экзамен казался далёким и нестрашным.

— Уже поздно, — наконец прошептала она.

Рука Лориана на её талии напряглась.

— Останься.

— Не могу. Завтра физподготовка, а моя форма в общежитии.

Он недовольно поджал губы, однако спорить не стал. Помог ей надеть мантию, застегнул ворот и задержал пальцы у её горла чуть дольше необходимого.

— После экзамена сразу приходи ко мне.

Просьба прозвучала почти как приказ.

— Хорошо.

Лориан поцеловал её в лоб и только после этого отпустил.

По дороге в общежитие Амалия несколько раз оглядывалась на освещённое окно наверху. Лориан стоял за стеклом и смотрел ей вслед. Чем дальше она отходила от башни, тем отчётливее слышала собственные мысли. И тем сильнее пульсировала чужая тьма под кожей.

Ты ничья.

Амалия плотнее запахнула мантию и ускорила шаг.

Когда она вернулась в комнату, окна мелко дрожали от порывов, а в щели под дверью гулял ледяной сквозняк. Мила лежала на кровати, отвернувшись к стене и, кажется, спала. Эльза сидела на своей постели, обхватив колени руками, и смотрела в тёмное окно. На тумбочке рядом остывал чай.

— Ты сегодня долго, — произнесла она, не оборачиваясь.

— Готовилась к экзамену.

Амалия сняла мантию и аккуратно повесила её на спинку стула. Она старалась двигаться тихо, будто это могло избавить её от продолжения разговора.

— У Лориана? — спросила Эльза.

Амалия замерла. Вопрос прозвучал спокойно, но слишком прямо, чтобы притвориться, будто она не поняла.

— Почему ты так решила?

Эльза медленно повернулась к ней.

— Потому что ты каждый вечер уходишь в Башню Рун и возвращаешься оттуда за полночь. Потому что улыбаешься, стоит кому-нибудь произнести его имя. А на занятиях вы... ведёте себя ну очень очевидно.

Амалия сжала пальцы на спинке стула.

— Ты давно знаешь?

— Я догадываюсь. И надеюсь, что ошибаюсь.

— Почему?

— Ты серьёзно спрашиваешь? — Эльза опустила ноги на пол. — Он твой профессор, он старше тебя. Если кто-нибудь узнает, неприятности будут прежде всего у тебя.

— Лориан не станет использовать своё положение против меня.

— Я думаю, что ты влюблена и поэтому не хочешь замечать ничего плохого.

— А ты его почти не знаешь.

— Зато я знаю тебя.

Амалия отвернулась, чувствуя, как внутри поднимается раздражение. После всего, что случилось с ней за последние дни, она рассчитывала хотя бы здесь не оправдываться.

— Рядом с ним мне спокойно. Он заботится обо мне, помогает с магией, поддерживает. Лориан знает обо мне больше, чем большинство людей, и всё равно не считает чудовищем.

— Я тоже не считаю тебя чудовищем.

— Я не о тебе.

— Тогда о ком? О Совете? О преподавателях? О Кассиане?

При имени Кассиана нить под кожей дрогнула. Амалия машинально потёрла запястье.

— Видишь? Ты даже сейчас что-то скрываешь.

— Я не обязана рассказывать тебе всё!

— Нет, не обязана. — лицо Эльзы изменилось, будто эти слова действительно причинили ей боль. — Но раньше ты хотела.

В комнате повисла тишина. Ветер снова ударил в окно. Амалия почувствовала, как злость уходит, оставляя после себя усталость и чувство вины.

— Я боялась, что ты начнёшь говорить именно это, — призналась она. — Что он профессор, что он старше, что всё неправильно. Я не хотела защищать перед тобой единственное хорошее, что сейчас есть в моей жизни.

— А я не хотела, чтобы ты исчезала и делала вид, будто ничего не происходит.

— Я не исчезаю.

Эльза выразительно посмотрела на неё, Амалия опустила глаза.

— Хорошо. Исчезаю, но не потому, что вы мне больше не нужны.

— Тогда почему?

— Потому что всё стало слишком сложным. Свет, Тьма, Совет, экзамены... Иногда я не понимаю, что со мной происходит. А у Лориана мне не нужно ничего объяснять. Он просто обнимает меня, и на какое-то время становится тихо. Он не такой, каким кажется со стороны. Да, строгий, холодный и иногда невыносимо упрямый. Но он бывает нежным. Помнит мелочи, которые я сама забываю. Он...

— Он говорит, что без тебя не может жить? — неожиданно раздалось от стены.

Одеяло на соседней кровати зашевелилось. Мила села, взъерошенная и сонная только на вид.

— Ты не спала? — спросила Амалия.

— Сначала спала. Потом вы начали выяснять, можно ли доверять самому пугающему профессору Академии. Тут уже не до сна.

— Мила...

— Я не осуждаю, — поспешно сказала та и спустила ноги с кровати. — По крайней мере, стараюсь. Но Эльза права в одном: это очень неравные отношения.

— Прекрасно. Значит, вы обе всё решили. — Амалия скрестила руки на груди.

— Ничего мы не решили, — возразила Мила, пересаживаясь ближе. — Амалия, мы не пытаемся отобрать у тебя любимого мужчину и не собираемся бежать к декану. Но ты уже несколько недель постоянно напряжена. Ты почти не ешь, плохо спишь, вздрагиваешь от прикосновений, а иногда смотришь на собственные руки так, словно боишься их. Если Лориан действительно знает, что с тобой происходит, почему тебе не становится легче?

Амалия ощутила укол раздражения, но спорить не смогла.

— Иногда становится.

— А потом? — тихо спросила Эльза.

— Потом всё возвращается.

Сказать это вслух оказалось страшнее, чем она ожидала.

Эльза подошла и села напротив неё.

— Я рада, если он делает тебя счастливой, но я не могу просто улыбнуться и сказать, что всё прекрасно. Не тогда, когда вижу, как ты отдаляешься.

— Я не хотела причинить тебе боль.

— А я не хотела устраивать допрос.

— Получилось не очень.

— Знаю.

Уголки губ Амалии дрогнули, Эльза тоже слабо улыбнулась. Мила осторожно вклинилась между ними и обняла обеих.

— Предлагаю компромисс: сегодня мы не решаем, является ли профессор Монтгомери трагически влюблённым героем или зловещим властителем Башни Рун.

— Мила, — простонала Амалия.

— Я сказала, что не решаем. Завтра экзамен, и вам следует поспать.

Амалия высвободила руку и неожиданно крепко обняла Эльзу.

— Прости, что не рассказала.

Эльза ответила не сразу, но затем прижала её к себе.

— Прости, что начала с обвинений. Просто не исчезай, хорошо? Даже если мы говорим неприятные вещи. И если он когда-нибудь сделает тебе больно...

— Эльза.

— Я не говорю, что сделает. Я говорю: если. Ты придёшь к нам. Без оправданий и без стыда.

Амалия посмотрела сначала на неё, потом на Милу.

— Приду.

— Отлично, — сказала Эльза. — А теперь давайте спать. Мне завтра нужно изображать физически подготовленного человека.

Они тихо рассмеялись. Напряжение не исчезло полностью, но стало терпимее.

Позже, лёжа в темноте, Амалия слушала ровное дыхание подруг и думала о словах Милы.

Если Лориан действительно знает, что с тобой происходит, почему тебе не становится легче?

Она повернулась на бок и закрыла глаза. Нить под кожей пульсировала в такт сердцу. На этот раз она ничего не шептала.

Глава 13

Экзамен по физической подготовке стал главным событием семестра. К полудню арена была переполнена: студенты всех факультетов пришли посмотреть, как первокурсники будут сражаться с собственными тенями. Одни заключали пари, другие ждали эффектных падений, а магистр Коргат с нескрываемым удовлетворением наблюдал за ажиотажем. Похоже, перспектива увидеть, как его подопечные получают по голове от самих себя, заметно улучшала ему настроение. Рядом с Коргатом стоял пятикурсник факультета Разума — высокий, болезненно худой юноша с бледным лицом и пронзительными серыми глазами. Фиолетовый кристалл на вершине его посоха мягко мерцал, накапливая силу. Сегодня ему предстояло создать несколько десятков теневых двойников и удерживать каждого из них до конца поединка.

Первокурсники выходили на арену по одному. Амалия ждала своей очереди на длинной скамье, до боли сжимая деревянный меч. Рядом сидели Эльза, Дэррил и Макото. Они почти не разговаривали: каждый наблюдал за чужими боями и пытался угадать, какой окажется его собственная тень. Кассиан расположился в дальнем углу трибун, где пустовали сразу несколько рядов. Амалия чувствовала его взгляд, даже не оборачиваясь. Связующая их нить пульсировала спокойно и уверенно, будто повторяла:

«Я здесь, я рядом».

Знаю.

Сердце билось часто, но уже не только от страха. Там, под рёбрами, жило непривычное предвкушение. После занятий с Кассианом Амалия знала, что делать, или, по крайней мере, очень хотела в это верить.

Когда очередной участник выходил в центр круга, маг Разума направлял на него посох. Кристалл вспыхивал — и тень студента отделялась от его ног, поднималась с песка и приобретала плоть. Через несколько мгновений напротив оригинала стояла его точная копия: с тем же оружием, теми же движениями и даже тем же выражением лица. Двойники знали каждую привычку своих противников. Отражали излюбленные приёмы, пользовались слабостями и угадывали атаки ещё до того, как те начинались. Некоторые сдавались почти сразу, не боясь отчисления, другие дрались до изнеможения.

Амалия следила за каждым поединком, запоминая ошибки. Магия против теней почти не действовала. Огненные шары, воздушные клинки и путы из корней проходили сквозь тёмные тела, не причиняя им вреда. Попытки отступить тоже не помогали: двойники двигались немного быстрее оригиналов — ровно настолько, чтобы настигнуть беглеца и сбить с ног.

Первым из друзей вызвался Макото. Он вышел на арену спокойно, будто отправлялся на обычную тренировку. Его тень обрела форму, выхватила меч и тут же атаковала.

Бой закончился меньше чем за минуту. Двойник безупречно повторял технику Макото, но именно это его и погубило. Акияма намеренно начал знакомую связку, вынудил тень ответить предсказуемым выпадом, а затем неожиданно разорвал ритм. Шаг в сторону, удар рукоятью по запястью — и чёрный меч отлетел в песок. Следующим движением Макото приставил клинок к горлу двойника. Тень рассыпалась дымом, Коргат одобрительно хмыкнул.

Дэррил продержался значительно дольше. Первые несколько минут он пытался одолеть двойника силой, и арена содрогалась от ударов двух одинаковых молотов. Но тень знала каждый его замах и раз за разом встречала атаку в лоб. Тогда Дэррил, тяжело дыша, вдруг отбросил оружие и бросился вперёд с голыми руками. Двойник на мгновение замешкался, не успев повторить внезапное решение. Этого хватило: Дэррил врезался в него плечом и вышвырнул за пределы круга.

Под рёв трибун он поднялся с песка и, морщась, потёр ушибленный бок.

— Всё было под контролем! — объявил он.

Эльза вышла следующей. Её поединок оказался самым непредсказуемым. Обе девушки носились по арене, осыпая друг друга рунной магией и одинаково возмущёнными ругательствами. Тень была сильнее и быстрее, но Эльза первой поняла, что двойник повторяет не только её приёмы, но и характер. Она позволила себе упасть, притворившись оглушённой. Тень торжествующе вскинула руки и повернулась к трибунам, явно ожидая восхищения.

— Неужели я выгляжу так со стороны? — пробормотала Эльза.

А затем вскочила и ударила двойника ногой под колено. Тень рухнула, а Эльза прижала деревянный клинок к её груди. Двойник растаял с таким оскорблённым выражением лица, что трибуны разразились хохотом.

— Брандт! — прогремел голос Коргата.

Шум вокруг Амалии сразу стал далёким.

Она поднялась со скамьи и шагнула на арену. Деревянный меч внезапно показался тяжёлым, ладонь под рукоятью вспотела. Коргат кивнул, и маг Разума чуть заметно усмехнулся, никто не заметил этого. Никто, кроме Кассиана.

Маг Разума поднял посох. Фиолетовый кристалл вспыхнул ярче остальных. На миг его сердцевина побелела, и Кассиан подался вперёд. Тень под ногами Амалии вспучилась, отделилась от камня, вытянулась вверх и обрела человеческие очертания. Рыжие волосы, светло-голубые глаза, знакомая россыпь веснушек. Вроде бы идеальная копия, но... выше, шире в плечах, без следов усталости и старых травм. В руке двойника лежал тяжёлый тренировочный меч, а в движениях не было ни капли неловкости живого человека.

Кассиан посмотрел на посох мага Разума. Кристалл продолжал пульсировать, хотя заклинание уже завершилось.

«Это не копия».

Он медленно поднялся со скамьи.

«Её изменили».

Двойник сорвался с места без предупреждения, Амалия успела вскинуть меч. Клинки столкнулись, и удар прошёл через руки прямо в плечи. Пальцы разжались сами собой. Она едва удержала рукоять.

— Охренеть, — выдохнула Амалия. — А можно было хотя бы начать с приветствия?

Клон ударил снова, но Амалия перехватила удар. Клинок жалобно хрустнул.

Клон оказался рядом прежде, чем она успела восстановить дыхание. Ложный выпад. Амалия повелась. Меч врезался ей в рёбра, внутри что-то хрустнуло. Воздух вышибло из лёгких, во рту стало горячо и солоно. Она отлетела в сторону, упала на ладонь и тут же поднялась, потому что двойник уже шёл за ней.

С трибун донеслось:

— Давай, серая!

Кто-то засвистел. Амалия сплюнула кровь на камень.

Ага. Сейчас. Только соберу рёбра обратно.

На трибуне Кассиан медленно сжал кулаки. Ногти разорвали кожу, но он этого не почувствовал. Тёмный смотрел только на Амалию. На то, как она прихрамывала, прижимала локоть к повреждённым рёбрам. И раз за разом заставляла себя поднять меч, хотя пальцы уже почти не слушались. Кассиан перевёл взгляд на мага Разума. Тот сохранял спокойствие, однако держал посох обеими руками. На висках выступил пот. Кассиан шагнул к проходу, нить между ними

натянулась. Он ощутил её боль, мешающую дышать. В ответ Амалия почувствовала его. Ярость Кассиана прошла через неё чёрной волной. За ней пришло мерзкое, удушающее бессилие.

Рейнард мог разнести арену, мог свернуть шею магу Разума, уничтожить клон, забрать её отсюда. Но тогда её дисквалифицируют. Все месяцы, в которые она стирала пальцы о рукоять и засыпала над рунами, отправятся в дерьмовую бездну. Поэтому он оставался на месте ради неё.

«Только ты, Рыжая, только ты можешь закончить этот бой».

Клон пошёл на неё, тогда Амалия швырнула сломанный меч в его лицо. Двойник отбил оружие, но этой секунды ей хватило. Амалия рванулась вперёд. Первый удар пришёлся клону в подбородок, второй — под рёбра. Она развернулась и подсекла его ногой. Двойник качнулся, но не упал. Его ладонь сомкнулась на её горле, Амалия ударила по запястью. Ещё раз. Воздуха не хватало. По краям зрения расплзалась чернота. Тогда она вцепилась зубами в кожу клона. Тот зашипел и отпустила хватку. Амалия рухнула на плиты, жадно хватая воздух.

Брандт попыталась встать, ноги подломились. Клон ударил её под колени, и она рухнула, больно приложившись подбородком о камень. Перед глазами посыпались белые точки. Толпа ахнула, и Амалия подняла голову. Над ней стояла она сама, только без страха. Клон занёс меч обеими руками и целился в голову.

Не экзамен, а казнь какая-то.

— Останови бой! — рявкнул Коргат.

Маг Разума не ответил, а кристалл его посоха продолжал гореть белым.

Кассиан уже бежал. Он перепрыгнул через скамью и плечом снёс вставшего на пути стражника. Кто-то схватил его за мантию — ткань затрещала, оставшись в чужих пальцах. Слишком далеко, даже он не успевал. Нить между ними дёрнулась так, что внутри всё оборвалось. Кассиан почувствовал, как Амалия закрыла глаза и перестала искать выход. Клинок пошёл вниз.

Тогда тьма внутри Амалии проснулась. Она не спросила разрешения, не предложила помощь. Просто отодвинула Амалию в сторону и забрала её тело себе. Чёрный узор на запястье вспыхнул, и боль рванула под ногти, прошила кости, вгрызлась в плечо. Амалия закричала, но собственный голос потонул в грохоте силы, которой в человеческом теле вообще не должно было быть.

Амалия открыла глаза. Меч застыл в нескольких сантиметрах от лица. Лезвие дрожало в её голой ладони. Дерево жалобно трещало под пальцами. Из рассечённой кожи текла густая кровь — такая тёмная, будто вместо неё по венам пустили чернила.

Какого хрена со мной происходит?

Амалия попыталась разжать пальцы, но рука не подчинилась. Наоборот — сжалась крепче. Клинок хрустнул и осыпался трухой. В глазах двойника мелькнуло нечто невозможное.

Страх.

Амалия поднялась одним плавным движением. Сломанные рёбра больше не впивались в лёгкие. Тело перестало спорить с ней, перестало быть слабым и медленным. Клон отступил, но Амалия оказалась перед ним раньше, чем его подошва коснулась камня. Кулак вошёл в грудь двойника с влажным хрустом. Под пальцами что-то провалилось. Тень отлетела назад, прочертив сапогами две тёмные полосы на арене, но устояла. Посреди её груди чернела глубокая вмятина.

Почему она, чёрт возьми, ещё стоит?

Амалия смотрела на двойника и ничего не чувствовала, кроме голодного, зудящего желания ударить снова. Ощутить, как чужое тело ломается под её руками. Доказать наконец, что теперь это не она лежит на камне и глотает кровь.

— Это нечестно, — прошептал клон её голосом. — Почему эта сила досталась тебе?

Кулак Амалии врезался ей в лицо.

— Заткнись.

Голова двойника дёрнулась. На губе выступила кровь — такая же чёрная, как у Амалии.

— Ты не заслужила её.

Ещё удар. На этот раз в живот. Клон согнулся и вскрикнул, выплеснув в воздух её собственный голос.

— Я сказала: заткнись.

Амалия схватила двойника за волосы и заставила поднять голову, но больше не увидела перед собой отражения. На неё смотрели десятки других лиц. Все, кто проходил мимо, не замечая её. Все, кто кривил губы при слове «серая». Кто шептался за спиной, толкал в коридорах, смеялся над её рунами. Кто смотрел так, будто её появление было ошибкой, которую кто-то поленился исправить. Каждый взгляд, после которого хотелось содрать с себя кожу. Каждое слово, которое она делала вид, что не слышала. Каждая ночь, когда она лежала без сна и думала: «Может, они правы? Может, со мной и правда что-то не так?»

Нет.

Удар.

Это с вами что-то не так.

Перед глазами пролетали месяцы унижения, чужое презрение, собственный страх.

Сдохни.

Кулак опустился снова, двойник рухнул на колени. Амалия ударила ещё раз.

— Амалия! — крикнул Коргат. — Остановись!

Она услышала его, но тьма внутри лишь улыбнулась. Амалия занесла кулак снова. И снова. Под клоном уже не было лица, только рваная тень, прилипшая к камню. Однако тьма требовала ещё. Ей было всё равно, что враг уничтожен. Ей нравилось подчинение Амалии.

Золотой барьер вспыхнул, Кассиан прошёл сквозь него, обёрнутый собственной тьмой. Защитное поле обожгло ему лицо и руки, сорвало кожу с ладони, но он даже не замедлился. Кассиан видел, что тьма делала с её телом. Как чёрные линии ползли от запястья к шее, как дёргались мышцы, не выдерживая силы. Ещё немного — и она сломает себя изнутри.

— Амалия!

Она замерла на долю секунды.

— Рыжая, посмотри на меня!

Его голос пробился туда, куда не смогли добраться крики преподавателя.

Амалия попыталась повернуть голову, не получилось. Кассиан подбежал сзади, перехватил её занесённую руку, обнял за плечи и рванул на себя. Амалия забилась в его руках. Локтем разбила ему губу, наступила на ногу, попыталась вывернуться, но он держал крепко, прижимая её спиной к своей груди. Амалия чувствовала, как колотится его сердце.

— Отпусти! — её голос звучал чужим. — Я ещё не закончила!

— Закончила.

— Она хотела меня убить!

— Я знаю.

— Отпусти меня, Кассиан!

— Нет.

Тьма внутри Амалии почуяла его и метнулась к Кассиану по их нити. Чёрный узор стек с её запястья на его ладонь, вгрызаясь под кожу. Его собственная сила узнала хозяина и вместо покорности ударила по нему, Кассиан дёрнулся. На одно короткое мгновение его пальцы ослабли. Амалия едва не вырвалась, но он снова стиснул её плечи, прижимая к себе так крепко, словно единственным ответом на обезумевшую магию могло быть его упрямое: «Не отдам».

— Я причиню тебе боль, — выдавила Амалия. Слова оцарапали горло. Голос принадлежал ей лишь наполовину.

— Причиняй. — Кассиан развернул её лицом к себе.

Амалия ударила снова намного сильнее, с яростным всхлипом, застрявшим между зубами. Кассиан даже не попытался защититься. Третий удар вышел слабее. Её пальцы соскользнули по ткани и вцепились в его рубашку. Амалия хотела оттолкнуть его — правда хотела, чёрт бы его побрал, — но вместо этого сжала ворот так, будто только он удерживал её над пропастью.

— Уходи, идиот... Ты не понимаешь, она теперь во мне. Я могу...

— Я понимаю. Посмотри на меня, Рыжая.

Амалия отчаянно замотала головой. Кассиан коснулся её щеки почерневшими пальцами.

— Амалия.

Она всё-таки подняла глаза.

— Я здесь, слышишь? Это всё ещё ты, возвращайся.

— Кассиан, мне страшно...

А потом его рука легла ей на затылок.

— Я знаю.

— Кассиан... — в этот раз его имя прозвучало её голосом.

— Я здесь.

Тьма понемногу начала отпускать. Сначала её перестало тошнить собственной яростью, потом чёрная пелена стекла с глаз, возвращая краски: серый камень, белое лицо Кассиана, красную полоску у него на губах. Освободила горло, разжала грудь. И вся боль вернулась разом. Рёбра вспыхнули от первого же вдоха, колени обожгло. Рассечённая ладонь задрожала, обожжённую руку пронзило до плеча. Сбитые костяшки ныли так, словно в них насыпали битого стекла.

Ноги подломились. Кассиан поймал её раньше, чем Амалия коснулась камня. Опустился вместе с ней, одной рукой придерживая под коленями, другой прижимая её голову к своей груди.

Он заслонил её от трибун спиной. От сотен жадных взглядов, от шёпота, от тех, кто уже видел в ней не Амалию, а опасную тварь, сорвавшуюся с поводка.

Кассиан не позволил им увидеть, как она ломается.

— Я не могла остановиться, — прошептала она. — Я понимала, что делаю, но... мне хотелось ещё. Хотелось бить её, пока от неё ничего не останется. И мне...

Сказать последнее оказалось страшнее, чем сражаться.

— Мне это нравилось.

Кассиан крепче прижал её к себе.

— Не надо.

— Ты не слышал? Мне, чёрт возьми, нравилось!

— Не сейчас, Рыжая.

Амалия вцепилась в его рубашку ещё сильнее.

— Ты весь в чёрных жилах.

— Мне идёт.

Она издала короткий, полузадушенный смех и тут же всхлипнула от боли.

— Ты победила, — прошептал он ей в волосы. — Остальное разберём потом.

— Это была не я. — Амалия посмотрела на свои перепачканные руки.

Кассиан замолчал. Ладонь медленно накрыла чёрный узор на её запястье.

— Тогда почему именно ты смогла остановиться?

Амалия подняла на него глаза.

— Я не остановилась. Это сделал ты.

— Нет, Рыжая. — его большой палец осторожно прошёлся по её пульсу. — Я только позвал. Вернулась ты сама.

В этот момент их связь стала осязаемой — не просто нитью, а мостом между двумя мирами, между двумя душами, которые нашли друг друга в хаосе битвы.

Над ареной стояла такая тишина, что Амалия слышала сбившееся дыхание Кассиана у своего виска. Коргат медленно обвёл взглядом поле испытания: расколотые плиты, вьёвшиеся

в камень следы тьмы, обугленные трещины. Потом посмотрел на студентку факультета Рун, которую тёмный маг всё ещё держал в объятиях, будто вокруг не было ни преподавателя, ни трибун, ни сотен глаз.

Будто были только они двое.

— Экзамен окончен, — произнёс Коргат. Кажется, он и сам ещё не решил, действительно ли видел всё это или арена каким-то образом свихнулась вместе с ними. Он помолчал, перевёл взгляд с Амалии на Кассиана и коротко добавил: — Зачёт.

После всего, что здесь произошло, это слово звучало почти издевательски.

Они покинули арену вместе. Кассиан не отпускал Амалию, и никто не рискнул их остановить. Она чувствовала спиной десятки липких и настороженных взглядов. Одни изучали её, другие боялись, третьи уже наверняка сочиняли версию событий погрязнее.

У самого края трибун Амалия заметила Эльзу. Та вцепилась в перила так сильно, что побелели пальцы. В её глазах стоял немой вопрос, а всё тело было подано вперёд — ещё мгновение, и она бросится вниз, расталкивая всех на пути.

Амалия улыбнулась ей.

Всё нормально, не переживай. Я справлюсь.

Дверь распахнулась без стука, Лориан не обернулся. Он знал, кто вошёл, ещё прежде, чем чужие шаги пересекли порог.

— Вам письмо, — произнёс посыльный.

— Оставьте на столе, — бросил Лориан, не отрывая глаз от раскрытой книги.

— Велено передать лично в руки.

Чужая воля сидела в юноше, как игла под кожей. Заклинание-приказ стянуло сознание тугим узлом, оставив единственную мысль: выполнить распоряжение. Лориан неторопливо поднялся. Подошёл к посыльному и забрал конверт, даже не взглянув ему в лицо. Не было смысла запоминать мальчишку, который через несколько минут забудет кабинет, дорогу сюда и собственный голос.

— Вы свободны.

Студент развернулся и бесшумно исчез в коридорной полутьме.

Лориан разорвал конверт одним движением.

«Ситуация выходит из-под контроля. Совет Академии знает о Сосуде. Скоро узнает и Совет Шести. Свет предлагает ей защиту, ты теряешь влияние. Мы больше не можем ждать. Начинай второй этап немедленно. Срок — три месяца».

Пальцы медленно сжались, дорогая бумага хрустнула в кулаке.

Орден торопил его. Им нужен был Сосуд сейчас. Готовый, покорный, наполненный силой и послушно ожидающий, когда его используют. Только Амалия никогда не была покорной, именно поэтому она так его интересовала. Она уже была наполнена магией, но сила принадлежала не ему. А Лориан ненавидел лишь одно сильнее неподчинения — то, чем не мог управлять.

Я теряю над ней контроль. Но если она больше не подчиняется мне — кто или что заняло моё место? И сколько ещё я смогу делать вид, будто всё происходит по моему плану?

Письмо вспыхнуло между его пальцами. Огонь жадно слизнул чернила, затем бумагу, не оставив ни имени, ни приказа. Через несколько секунд на дне камина лежал только серый пепел. Так Лориан поступал со всеми посланиями Ордена.

Второй этап.

На его губах появилась едва заметная усмешка.

Какие же они идиоты, я уже на третьем.

Три дня Амалия не выходила из комнаты. Она не знала, как смотреть в глаза тем, кто был на трибунах. Как встречаться со студентами, видевшими, как она потеряла контроль над древней силой. Как выносить неизбежный шёпот: «чудовище», «опасная», «её нужно изгнать». Эти голоса уже звучали в её голове, рождаясь из тьмы, которая теперь пульсировала в такт сердцу.

Что они говорят обо мне? Что я одержимая? Что меня нужно запечатать, как древнее зло? Почему никто не понимает, что я испугалась сильнее их?

Эльза приносила еду, молча ставила её на тумбочку и уходила. Она знала Амалию достаточно хорошо, чтобы понимать: сейчас слова не помогут. Мила заваривала травяной чай по бабушкиному рецепту и оставляла на подоконнике, но он неизменно остывал. Амалия забывала о нём, часами разглядывая чёрный узор на запястье. За три дня тот разросся на палец и теперь напоминал кору древнего дерева, пронизанную серебристым свечением.

Нить, связывавшая Амалию с Кассианом со дня турнира, продолжала пульсировать.

«Ты справишься», — говорила она без слов, передавая лишь тепло и уверенность.

«А если нет? — мысленно спрашивала Амалия. — Сможешь ли ты разорвать нашу связь, прежде чем тьма утянет меня в бездну?»

На четвёртый день пришло письмо. Белый пергаментный конверт был запечатан золотым гербом Академии — шестью переплетёнными путями, образующими бесконечный узел. Амалия коснулась печати дрожащими пальцами, и та рассыпалась в прах, признав адресата.

Она ожидала увидеть приказ об отчислении. Какое ещё послание мог прислать ректор студентке, выпустившей на экзамене древнюю тьму? Но внутри оказалось приглашение на заседание Совета Академии — сегодня, в четвёртый час после полудня. Амалия перечитала письмо трижды. В нём не было ни слова о наказании или дисциплинарном взыскании, лишь сухая строчка, выведенная серебряными чернилами:

«Для обсуждения дальнейшего обучения студентки Амалии Брандт в стенах Академии Шести Путей».

— Что это значит? — спросила Амалия, когда Эльза принесла обед.

После трёх дней молчания собственный голос казался чужим. Слова приходилось про-талкивать через усталость и страх. Эльза прочитала письмо. Лицо её не изменилось, лишь глаза цвета осенней листвы чуть сузились.

— Это значит, тебя не выгоняют. Хотя бы пока. Поэтому перестань хоронить себя раньше времени и поешь перед заседанием.

Ровно в четыре Амалия стояла у зала Совета. Сердце забралось в горло и билось там, мешая дышать.

Массивную дверь из тёмного дерева оплетали защитные руны. Они подавляли любую магию, не подчинённую воле Совета. Чёрный узор на запястье Амалии сжался, притих, будто почувал угрозу. Вот бы и её страх кто-нибудь так же заткнул.

— Садитесь, мисс Брандт, — произнёс ректор, когда она вошла.

Амалия опустила на стул и спрятала руки под столом. Глупо. Они и без того всё знали. Узор пульсировал вместе с сердцем, и даже руны не могли заставить его исчезнуть.

Разговор тянулся мучительно долго. По стенам ползли тени, светильники сменили полуденное золото на вечерний багрянец, а ректор всё говорил: о нарушении правил, об опасности неконтролируемой магии, о риске для студентов и преподавателей. Оказалось, вопрос об её отчислении рассматривали на внеочередном заседании. Такого не случалось почти пятьдесят лет — с тех пор как один некромант с факультета Тьмы попытался открыть проход в Нижние миры прямо посреди библиотеки. Прекрасно. Теперь она стояла в одном ряду с психом, решившим устроить конец света между стеллажами.

Почему они так долго жуют одно и то же? Хотят выгнать — пусть выгоняют. Хотят оставить — пусть оставляют. Но нет, нужно часами перебирать древние законы, напоминать о прецедентах и делать вид, будто решение не приняли ещё до её прихода.

— Я возьму её под свой контроль.

От этого голоса у Амалии перехватило дыхание.

Все обернулись. Монтгомери стоял в дверях. Никто не заметил, как он вошёл, хотя дверь была зачарована и должна была объявлять о каждом посетителе тремя ударами. Но Лориан, похоже, считал магические барьеры чем-то вроде вежливой рекомендации.

— Профессор Монтгомери. — бровь ректора поползла вверх. — Вас не приглашали.

— Я слышал, что вы обсуждаете судьбу моей студентки.

Лориан подошёл к столу, не спрашивая разрешения. Спокойный, уверенный и до неприличия красивый в своём ледяном высокомерии.

И какого чёрта он здесь делает?

— Я решил, что мой голос не будет лишним, — продолжил он. — Я готов взять на себя ответственность за мисс Брандт.

Амалия уставилась на него, Лориан даже не посмотрел в её сторону.

— Её магия нестабильна, но не опаснее дара любого первокурсника, ещё не принявшего окончательную форму. Я буду следить за её состоянием и проводить дополнительные занятия. Индивидуальные. При необходимости — скреплённые магической клятвой. Подобное больше не повторится.

— Вы ручаетесь за неё? — спросил ректор.

Это прозвучало не как вопрос. Скорее как предупреждение: если она сорвётся, падать придётся им обоим.

— Ручаюсь, — без колебаний ответил Лориан.

— Мисс Брандт. Вы остаётесь в Академии. Профессор Монтгомери берёт на себя полную ответственность за ваше обучение и контроль магии. Он также получает право принимать дисциплинарные решения без согласования с деканатом. Это беспрецедентная мера, и соответствующая запись появится в вашем личном деле.

Лориан теперь мог не только обучать её, но и наказывать без чьего-либо разрешения.

Ну просто замечательно. Что ещё? Личные кандалы с его инициалами?

— Если тьма вновь причинит вред студенту или преподавателю, вопрос об отчислении поднимут повторно, — продолжил ректор. — И тогда вас не спасут никакие гарантии. Вы поняли?

— Да.

Амалия вышла в коридор. Дверь Совета закрылась за ней с глухим стуком, окончательно отрезая от чужих голосов и давящих взглядов. Только тогда она выдохнула. Прислонилась к холодной стене, закрыла глаза — и слёзы, которые она удерживала три дня, наконец потекли по щекам.

После заседания Совета Амалии казалось, что худшее осталось позади. Экзамен по физической подготовке, пробуждение древней тьмы, потеря контроля над собственной волей, осуждающие взгляды членов Совета — всё это отступило, будто тяжёлый сон. Остались лишь тревога и чёрный узор на запястье. Но впереди был последний экзамен. Тот самый, ради которого она и поступила в Академию Шести Путей. Её главное испытание — «Древние языки и основы рунописи». Не черчение на бронзе — этому отец научил её ещё в детстве, направляя её палец по древним символам и объясняя значение каждого изгиба. Не теория, которую Эльза помогла выучить за три бессонные ночи, раскладывая руны, словно карты таро, и находя смыслы, о которых лекторы даже не догадывались.

Практика. Настоящая. Здесь требовалось не просто вырезать знак на тёплой бронзе, как учили на первых занятиях, а вдохнуть в него жизнь.

За три часа до экзамена Амалия сидела в своей комнате, сжимая отцовскую пластину. Ту, с которой всё началось. На ней были выгравированы руны, принадлежавшие её семье ещё до того, как Академия возвела первые стены.

Я смогу? Без страха, который превращает меня в беспомощную дуру? Без тьмы, просыпающейся, стоит мне потерять контроль? Просто я? Чёрт, да осталось ли во мне вообще хоть что-то своё? Или я теперь лишь пустая оболочка, набитая чужими силами?

Нить, связывавшая её с Кассианом, пульсировала. Он был далеко — возможно, в другом крыле Академии, — но чувствовал её так же отчётливо, как она его. Каждую вспышку страха, каждый приступ отчаяния. Каждую секунду, когда ей хотелось послать всё к чёрту и сбежать.

Экзамен принимал Лориан, и это одновременно успокаивало и пугало.

Амалия пришла в аудиторию за час до начала. Хотела повторить самые сложные руны, собраться, перестать наконец трястись, но Лориан уже сидел за столом и перебирал бумаги, не поднимая головы.

— Вы рано, мисс Брандт, — произнёс он. — Садитесь.

Он подписал последний лист, отложил перо и аккуратно сложил бумаги. Только после этого поднялся и подошёл к ней.

— Вы боитесь?

Амалия кивнула.

— Чего?

— Всего. Провалить экзамен, разбудить Тьму, показать вам то, чего вы не должны видеть.

— Я уже всё видел, Амалия. Тьму, которая старше этой Академии. Вашу слабость, которую вы принимаете за силу. Вашу силу, которую называете проклятием. — его взгляд удерживал её крепче любых чар. — Я видел вас насквозь и всё ещё здесь. Хотя мог уйти, отказаться от вас, отдать Совету — и никто не посмел бы меня осудить. Как вы думаете, почему я остался?

Лориан поднял руку и бережно положил ладонь ей на плечо.

— Вы не провалитесь, Амалия. Я не позволю. Даже если ради этого мне придётся нарушить правила, которым Академия подчинялась сотни лет.

Аудитория постепенно заполнялась. Эльза, как всегда, была спокойна и собрана. Дэррил выглядел взъерошенным и дёрганым; красные глаза выдавали бессонную ночь. Макото сидел с каменным лицом, и лишь палец, тихо отбивающий ритм по парте, выдавал его напряжение.

— Сегодня вы покажете, чему научились за семестр. Выберите одну руну, начертите её на бронзе и вдохните в неё собственную магию — ту, которую вы растили все эти месяцы. Я оценю точность, сложность символа и силу наполнения. Чем древнее руна, тем выше цена ошибки и итоговая оценка. Помните: руна без магии — всего лишь красивый рисунок. Такой способен вырезать ремесленник, маг обязан дать ей душу. Начинайте.

Амалия взяла резец. Холод металла впился в пальцы, по руке пробежала дрожь, а тьма под кожей запульсировала, будто тоже ждала решения.

И какую, чёрт возьми, выбрать?

Амалия перебрала всё, что учила за семестр. «Ансуз»? Слишком просто для экзамена, решающего её судьбу. «Альгиз»? Она любила эту руну за её защитную природу, за то, что та напоминала об отце, но и её было недостаточно.

Нужна руна старшего футарка.

Лориан говорил, что древнейшие руны были не символами, а ключами к силам, существовавшим ещё до человеческой речи. Каждая открывала дверь — если хватало смелости встретить то, что ждало за ней.

А у меня хватит? Или я сейчас всё испорчу к чертям?

Амалия закрыла глаза, отсекая аудиторию и Лориана, который наверняка наблюдал за ней с привычно непроницаемым лицом.

Что я хочу начертить?

Ответ возник сразу.

Руна Сосуда. Амалия видела её лишь однажды — в книге из Белхейвена. По легенде, этот знак наносили на тело избранного во время посвящения, навечно связывая магию с душой.

Если я и правда Сосуд, значит, это моя руна. Она ждала двадцать один год, пока я не стану достаточно сильной или смелой... Или просто окончательно долбанутой, чтобы решиться.

Первая линия легла на бронзу ровно. Вторая пересекла её под безупречным углом — и металл под резцом потеплел, словно очнулся. Третья. Четвёртая. Пятая.

Символ рождался из изгибов и пересечений, которых Амалия не учила на лекциях, но почему-то знала. Так помнят язык детства, даже забыв все слова, кроме колыбельной. Возможно, это знание пробудилось вместе с тьмой, когда на турнире она забрала часть силы Кассиана, а может, жило в ней всегда, терпеливо ожидая своего часа.

Бронза светилась изнутри, линии пульсировали в такт сердцу Амалии, воздух вокруг неё уплотнялся, давил на плечи. Лориан подошёл и остановился рядом, но не вмешался. Поправлять было нечего. Она чертила руны так, как не смог бы ни один его студент. Ни один коллега. Возможно, даже он сам.

Оставалась последняя линия — та, что замыкала символ, превращая рисунок в ключ.

Резец коснулся металла, и мир остановился.

Амалия не знала, сколько длилась пауза: секунду, вечность или промежуток между двумя ударами сердца. Время растворилось в густом ожидании, стиснувшем грудь. Из глубины поднялось тепло. Оно потекло по венам, заполняя пустоту, которую Амалия столько лет считала проклятием. Поднялось к груди, горлу, глазам. Она распахнула их — и мир стал другим. Амалия больше не видела каменных стен, защитных знаков, замерших друзей и Лориана, на лице которого впервые не осталось привычной маски. Она видела нити. Они тянулись от каждого человека к полу, потолку, небу, к источнику без имени, существовавшему повсюду и нигде. Он питал магию всех Шести Путей и, как она теперь понимала, всегда ждал одного: чтобы кто-нибудь наконец его увидел. Последняя линия легла на бронзу. Металл под пальцами стал мягким, почти податливым. Руна вспыхнула серебром и золотом.

Слёзы потекли по щекам Амалии. Свет исходил от пластины, от руны, от неё самой. Не холодное сияние магов Света, режущее глаза своей стерильной чистотой, а мягкое тепло, от которого хотелось дышать глубже. Эльза зажмурилась от восторга. Дэррил выронил резец; его пластина с незаконченной руной ударилась о пол, но он даже не вздрогнул. Он смотрел на Амалию, не находя слов для того, чем она становилась. Макото сохранял невозмутимость, однако в его тёмных глазах впервые мелькнуло настоящее изумление.

Сияние угасало медленно. Оно возвращалось внутрь Амалии, заполняя место, где прежде жила пустота. Золотые нити уходили под кожу, оставляя едва заметное мерцание.

Руна на бронзе погасла.

— Мисс Брандт.

Голос Лориана вернул её в аудиторию. Амалия моргнула, вспомнив, что это экзамен, а не сон и не видение.

— Вы сдали.

Он наклонился так близко, чтобы следующие слова слышала только она:

— Вы стали настоящим магом рун, Амалия. Не Сосудом, не вместилищем чужой силы. Магом. Тем, кем всегда должны были стать.

Глава 14

— Я не поеду в Солардис, — сказал Лориан, пока Амалия сидела у него на коленях. — Но буду думать о тебе каждый день.

— Я тоже, — промурлыкала она, уткнувшись носом ему в шею.

— Знаю, поэтому хочу, чтобы ты взяла мой подарок.

На ладони профессора лежала тонкая серебряная цепочка с тёмными камнями. В центре поблёскивала руна — сложное переплетение линий, едва заметно шевелившихся в свете лампы.

— Что это?

— «Возвращение». — Лориан отвёл её волосы и застегнул цепочку на шее. Металл сразу потеплел, будто узнал новую хозяйку. — Чтобы ты помнила: как бы далеко ни уехала, у тебя всегда есть дорога назад. Ко мне. — его пальцы задержались на застёжке. — Пообещай, что не снимешь её.

— Совсем?

— Никогда, даже перед сном, — продолжил Лориан, коснувшись губами её виска. — Даже если кто-то попросит, или тебе самой вдруг покажется, что она мешает. Она защитит тебя, дорогая.

Боги, какой же он заботливый.

— Обещаю.

Только тогда напряжение ушло из его плеч. Лориан поцеловал её медленно и бережно, словно прощался навсегда, Амалия закрыла глаза. По щекам потекли слёзы.

Я люблю его. Так сильно, что готова разбиться, сгореть к чёртовой матери, сделать всё, что он попросит.

Лориан стёр слезу большим пальцем и улыбнулся. Взгляд профессора был прикован к камню на груди Амалии. Тонкие линии руны едва заметно дрогнули, сплетаясь в новый узор, и на одно короткое мгновение в его глазах промелькнуло мрачное удовлетворение.

Солардис был слишком далеко, Совет — слишком наблюдателен. А Кассиан... При мысли о нём пальцы Лориана крепче сжались на талии Амалии. Нет, он не позволит разрушить то, что создавал так долго.

— Теперь ты всегда найдёшь дорогу ко мне, — прошептал Лориан, касаясь губами её виска.

Тепло руны проникло под кожу и мягко обвилось вокруг сердца. Амалия прижалась к Лориану крепче, не почувствовав, как одна из линий на руне замкнулась.

«Возвращение» — красивое название. Удобное. Однако в старых книгах существовало и другое, которое давно старались не произносить вслух. И действие этого знака не ограничивалось дорогами. Он умел превращать расстояние в тоску, сомнение — в боль, а случайную мысль о другом мужчине — в чувство, похожее на предательство. Но пока цепочка лежала на шее лёгким украшением. И Амалия ещё не знала, что некоторые дороги ведут назад не потому, что мы помним путь.

После экзаменов в Академию пришла настоящая зима. Снег укрыл башни и дворы, мороз сковал дорожки, а ледяной ветер проникал даже сквозь тёплые мантии. Поэтому поездка в Аурелион казалась особенно желанной: столица Солардиса, королевства Света, несмотря на горное расположение, славилась вечным теплом. Говорили, там не бывает снега, белый мрамор улиц не остывает даже глубокой ночью, в садах круглый год цветут розы, а магия Света согревает воздух мягче любого огня.

В Аурелион отправляли первокурсников, успешно сдавших экзамены, — традиция, древняя, как сама Академия. Но не всех. Студентов факультета Тьмы оставляли в стенах Академии. В Солардисе чёрный цвет запрещали на официальных церемониях, Тьмы боялись, а детям рассказывали сказки о безликом голодном духе, крадущем свет из домов. Привозить туда тех, кто носил её в себе, было бы... неосмотрительно.

Амалия стояла на заснеженном перроне, одетая в зимнюю куртку. Рядом ждали Эльза и Дэррил, чуть поодаль — невозмутимый, как скала, Макото. Морозный пар вырывался изо рта, ветер швырял в лица колючий снег, и среди пёстрой, шумной толпы всё чаще звучали разговоры о тёплых улицах Аурелиона. Пять цветов мантий — Света, Стихий, Разума, Жизни и Рун — яркими пятнами выделялись на фоне зимней белизны.

— Привет, — сказал Дормиэль, остановившись перед их компанией. Он окинул друзей быстрым внимательным взглядом. — Вы готовы?

— К чему? — настороженно спросила Амалия.

— К Солардису. — маг Света повернулся к остальным, словно сверяя список: — Эльза, Дэррил, Макото. Со мной можете не волноваться, в Солардисе я за вас отвечаю. Если что — обращайтесь.

— С каких пор староста Света отвечает за Рун? — прищурился Дэррил.

— С сегодняшнего утра.

— Быстро вы на Свете власть захватываете.

— Ректор назначил меня сопровождающим, — рассмеялся Дормиэль. — Сказал, что я справлюсь. Хотя, если честно, я сам напросился.

— Зачем? — спросила Эльза.

Дормиэль украдкой взглянул на Амалию.

— Аурелион — мой родной город. Я прожил там двадцать лет, знаю каждую улицу, таверну и храм. Кто покажет его лучше человека, выросшего среди белых башен? — в его глазах мелькнула озорная искра. — Точно не Стефан, который бывал там пару раз и считает главной достопримечательностью зал заседаний Совета. И не Мариэль, которая, будем честны, та ещё зануда. А теперь мне пора изображать ответственного сопровождающего, пока никто не заподозрил правду.

Макото проводил Дормиэля взглядом. Он заметил, как напряглись его плечи при приближении к Стефану, как улыбка в одно мгновение стала безупречной. Маги Света обменялись короткими взглядами — вежливыми и холодными. Между ними словно натянулась тонкая нить, готовая лопнуть от первого неосторожного слова. Но прибывший кортеж прервал их молчаливое противостояние. Студенты заняли кареты, и вскоре заснеженные башни Академии скрылись за поворотом. Чем дальше они уезжали, тем реже за окнами мелькали сугробы. Ледяные склоны сменились зелёными долинами, морозное небо налилось золотом, а тяжёлые зимние плащи стали невыносимо жаркими.

К вечеру следующего дня на горизонте возник Аурелион — белоснежный город, залитый солнечным светом. Его мраморные башни сияли среди гор, словно здесь никогда не существовало ни зимы, ни холода.

В столице студентов поселили в гостевом крыле королевского дворца, предназначенном для почётных гостей. Комнаты оказались небольшими, но светлыми и изысканными. Камин здесь был лишь украшением: даже без огня воздух оставался тёплым, будто сам дворец дышал теплом, не спрашивая разрешения у зимы. На стенах висели портреты прежних Королей-Паладинов. Все как один — в белых мантиях с золотой вышивкой, с мечами у пояса и суровыми, непроницаемыми лицами. Однако вскоре Амалия заметила странность: глаза на портретах двигались. Не у всех. Когда она задержала взгляд на одном из королей, тот посмотрел прямо на неё, всего на мгновение, и вновь устремил глаза вперёд. Затем проследил за другим студентом. После — перевёл взгляд на потолок.

Нынешний правитель Солардиса носил тот же древний титул, однако встречать первокурсников не пришёл. Государственные обязанности не позволили — или он просто не счёл их достаточно важными. Вместо него в зале появился советник: сухощавый старик с белой бородой и тяжёлой золотой цепью на шее.

— Добро пожаловать в Аурелион, — произнёс он. — Город вечного Света.

Он говорил долго: о древних традициях, великих паладинах и нескончаемой победе Света над Тьмой. Студенты внимали ему, затаив дыхание. Ученики факультета Света — с гордостью, остальные — с почтительным интересом. Амалия почти не слушала. Её взгляд скользил от неподвижных лиц на портретах к цепи советника, затем — к залитым сиянием стенам, у которых почему-то не было теней. Аурелион напоминал ей прекрасную, совершенную клетку. Здесь было тепло, светло, пахло апельсинами — и всё же казалось, что выйти из неё можно лишь с чужого позволения.

Вечером первокурсников пригласили на ужин в парадный зал. Им разрешили снять академические мантии и переодеться в одежду, приготовленную в шкафах. «Приготовленную» звучало почти гостеприимно. На самом деле наряды разложили с такой безупречной тщательностью, словно комнаты ожидали королевских особ, а не студентов из каменистой пустыни, привыкших к бронзовой пыли на подолох.

Амалия открыла шкаф и замерла.

Платья. Белые, золотые, бежевые, кремовые, цвета слоновой кости и утреннего тумана — все оттенки Света и ни одного по-настоящему тёмного. Ни чёрного, ни серого, даже тёмно-синего. Кто-то заранее решил, какие цвета достойны этого дворца, а каким здесь не место.

Амалия выбрала самое простое платье — из матового шёлка цвета топлёного молока, без вышивки, золота и камней. Длинные рукава скрывали запястья, закрытая спина не оставляла места для двусмысленных взглядов. Эльза остановилась на бледно-золотистом наряде с тонкой вышивкой по подолу — единственной уступкой праздничной роскоши.

Теперь, в углу бального зала, где свечи отбрасывали на мраморный пол мягкие тени, друзья казались островком спокойствия среди бурлящего праздника. Музыка не умолкала, пары кружились, шёлк шуршал по камню, а их взгляды то и дело скользили по танцующим, словно в этом мелькании лиц и красок можно было отыскать что-то знакомое — и потому безопасное.

Эльза в золотистом платье напоминала сошедшую с пьедестала богиню — прекрасную, неприступную и смертельно недовольную происходящим. В глубине её глаз таилась тоска по привычной одежде, запаху чернил и пергамента, тишине библиотеки, где никто не требовал улыбаться незнакомцам. Дэррил в белоснежном камзоле выглядел так, будто его нарядили против воли и под угрозой отчисления. Пальцы, привыкшие держать резец, то и дело теребили кружевные манжеты, словно он всерьёз обдумывал, не оторвать ли их к чёртовой матери. Макото, напротив, казался воплощением невозмутимости. Бирюзовый костюм сидел на нём безупречно, подчёркивая прямую линию плеч, и всё же напряжение пряталось в мелочах: чуть застывшем подбородке, слишком ровной спине, пальцах, время от времени касавшихся рукояти отсутствующего меча. Рин в платье цвета слоновой кости выглядела элегантно и отстранённой, лишь фиолетовые глаза выдавали внутреннюю борьбу. Она следила за людьми с таким вниманием, будто бальный зал был очередной ментальной ловушкой, а неверный шаг мог навсегда запереть её среди музыки, улыбок и фальшивой любезности.

Музыка сменилась. Последние аккорды рассыпались под сводами, и танцующие пары разошлись, уступая место новым. Среди них Макото заметил Амалию и Дормиэля. Они обменялись несколькими словами, после чего скрылись в боковом коридоре. Акияма проводил их внимательным взглядом. Привычка, отточенная годами тренировок, заставляла отмечать каждую мелочь: куда они направились, кто мог последовать за ними, где тени сгущались сильнее и какие двери оставались открытыми.

Но Дормиэль не вызывал тревоги. В его движениях была особая грация. Даже сейчас, уходя из зала, он держался на полшага впереди Амалии, будто невзначай заслоняя её от чужих взглядов. Это напомнило Макото старые легенды о паладинах — тех, кто шёл в бой без страха и защищал других, не ожидая ни славы, ни награды. Тех, кто однажды выбирал свой путь и больше не сворачивал, какой бы ни оказалась цена.

Эльза опустила взгляд на свой бокал. От музыки воздух сделался плотнее, и внезапно она слишком отчётливо почувствовала сидящего рядом Дэррила: тепло его плеча, едва уловимый запах вина и древесной стружки, знакомое беспокойное движение пальцев. Он больше не теребил манжеты. Его рука лежала на столе совсем близко от её руки.

Их взгляды встретились. В карих глазах Дэррила не осталось привычной насмешливости. Только нежность. Такая искренность пугала сильнее любого признания. Сердце Эльзы забилось чаще. Тепло поднялось от груди к горлу, прокатилось по венам и осело под кожей тревожным покалыванием. Она первой отвела глаза и сжала ладонь под столом. Ногти впились в кожу, возвращая ей способность дышать.

Дэррил ничего не сказал. Только медленно придвинулся ближе, оставляя ей достаточно времени, чтобы остановить его. Их локти почти соприкоснулись, и между ними осталось не больше узкой полоски воздуха. Эльза не отодвинулась.

Несколько ударов сердца они сидели молча. Затем её пальцы разжались и скользнули по скамье, пока мизинец едва заметно не коснулся его руки. Дэррил задержал дыхание и осторожно переплёл их пальцы под столом, там, где никто не мог увидеть. Почти никто. Рин поднесла бокал к губам, пряча улыбку. Макото сохранил невозмутимое выражение лица и тактично отвернулся к танцующим. А Эльза впервые за весь вечер перестала мечтать о возвращении в библиотеку.

Амалия и Дормиэль вышли в сад через потайной проход, который он, казалось, мог найти с закрытыми глазами. Пальцы сами нащупывали нужные выступы, ноги помнили каждый поворот и вели туда, где воздух пах не удушливой сладостью дворцовых залов, а влажной землёй и мхом.

Сад оказался маленьким и круглым, стиснутым высокими стенами под густым плющом.

— Мой отец — паладин, — сказал Дормиэль, опускаясь на широкий мраморный край фонтана. — А мать была магом Жизни. В детстве я часто приходил сюда с ними. Выучил каждый поворот, каждый гулкий коридор, каждую дверь, которую запрещали открывать, и каждый потайной ход, который я, конечно же, открывал.

— Ты сказал «была»? — осторожно спросила Амалия, садясь рядом. Подол платья лёг на влажные плиты и сразу потемнел по краю, но ей было плевать.

— Была, — его голос дрогнул. — Она умерла, когда мне исполнилось двенадцать. Не от болезни, старости или проклятия. Её магия просто... иссякла. Такое случается с целителями, которые слишком долго отдают себя другим, впускают чужую боль, страх и тьму. Мать лечила солдат после пограничных стычек — год за годом. Забирала их раны, вытаскивала осколки проклятий, и чужая тьма оседала в ней, как сажа в лёгких. Они всё равно умирали, а она продолжала, потому что иначе не умела.

— Поэтому ты боишься Тьмы?

— Я боюсь не её, — поправил Дормиэль. — Тьма — всего лишь сила, Амалия. Я боюсь того, что люди с ней делают. Моя мать не была тёмным магом. Она была целителем — лучшим из всех, кого я знал. Но тьма, которую она снова и снова принимала в себя, убивала её не хуже клинка. Только медленнее. Она умерла не в бою, с мечом в руке, а в постели, глядя в потолок и не узнавая ни отца, ни меня. — Дормиэль взял Амалию за руку. — В Академии проводят обряды очищения. Маги Света могут убрать тьму, но лишь с согласия носителя. Ты носишь

чужую тьму, которую забрала у Кассиана, потому что не могла иначе. Но жить с ней вечно ты не обязана.

Амалия опустила взгляд на их сплетённые пальцы. Его рука — светлая, чистая, с тонким фамильным кольцом паладинов. Её — изрезанная чёрным узором под кожей. Контраст был почти издевательским.

— Кассиан сказал бы, что ты ничего не понимаешь, — тихо произнесла она.

— Кассиан вырос во Тьме. Он не знает, что такое Свет.

Амалия хотела возразить, но слова застряли в горле. Чёрт. Она и сама думала об этом по ночам, пялясь в потолок и слушая, как нить внутри пульсирует в такт чужому сердцу.

— Вы такие разные.

— Знаю, — Дормиэль горько усмехнулся. — Он готов сгореть за тех, кого любит, даже не спросив, нужен ли им этот огонь. А я предпочёл бы, чтобы никто не горел. Чтобы все просто жили, дышали и были счастливы.

Экскурсия по Аурелиону началась на следующий день. Первокурсникам показали Храм Вечного Света — место, где, по легенде, первый король-паладин одолел воплощение Тьмы.

Амалия застыла на пороге. Тьма внутри неё сжалась, как загнанный зверь, и притворилась мёртвой. Взгляд скользнул по золотым статуям королей-паладинов: безупречные лица, горделивые позы, мечи, устремлённые в небо. Статуя первого короля возвышалась над остальными. Его меч, длиннее человеческого роста, казался насмешкой над смертными. Говорили, он был полубогом, посланным Светом очистить мир от скверны. Говорили, он не умер, а вознёсся.

— Он не победил Тьму, — тихо произнёс Дормиэль, всё это время стоявший рядом. — Он заключил с ней сделку. Она ушла, а он пообещал ей возвращение. И когда-нибудь она вернётся.

Амалия резко повернулась к нему.

— Откуда ты знаешь? — спросила она, чувствуя, как кровь стынет в жилах.

— Отец открыл мне эту тайну. Они все знают, просто молчат. Если правда всплывёт, их вера рухнет. А без веры у них не останется силы.

Сад Памяти находился за храмом. Деревья здесь росли не как попало: каждое посадили в честь павшего паладина, и возле каждого стояла табличка с именем, датами жизни и смерти и короткой фразой на древнем наречии: «Свет не гаснет».

Амалия шла по узкой дорожке, усыпанной белым гравием, и читала имена. Она не знала никого из этих людей. Паладины умирали столетиями, их имена оседали в хрониках, которые никто не открывал. И всё же она чувствовала их присутствие, будто за ней наблюдали из-под коры. У одного дерева Амалия остановилась. Имя на табличке стёрлось, даты почти исчезли, но одна строка уцелела:

«Он ушёл во Тьму, чтобы спасти Свет».

Она провела пальцами по шершавому камню, и что-то внутри болезненно дёрнулось в ответ. Ветер прошёлся по листве, все деревья зашептали разом. Амалия отдёрнула руку. Тепло исчезло, оставив под пальцами металлический холод.

Экскурсия подходила к концу. Группа уже сворачивала к главной площади, когда Дэррил вдруг остановился, наклонился и принялся сосредоточенно возиться со шнурком, который, как заметила Эльза, прекрасно держался и без его помощи. Она не стала спрашивать. Просто сказала, что хочет ещё раз рассмотреть статую в конце аллеи — ту самую, мимо которой они уже проходили и на которую она тогда даже не взглянула, потому что думала совсем о другом. Амалия, шедшая впереди с Дормиэлем, обернулась. В её глазах мелькнула понимающая усмешка: «Я всё вижу. Валите уже».

— Ты специально, — сказала Эльза, когда Дэррил выпрямился и отряхнул колени от несуществующей пыли.

— Понятия не имею, о чём ты, — улыбнулся он.

Они свернули в боковую улочку, где не было ни гида, ни студентов, ни навязчиво-вежливых улыбок, которыми жители одаривали гостей Академии. У старого фонтана Дэррил остановился.

— Эльза...

— М-м? — она смотрела на дрожащее отражение в воде, не решаясь поднять глаза.

— Здесь хорошо.

Эльза кивнула. Она уже собиралась сказать что-нибудь разумное — о погоде, о магической системе города... Но пальцы Дэррила коснулись её руки, и все умные слова дружно пошли к чёрту. Эльза замерла. Сердце ударило так резко, что даже вода в фонтане будто сбилась с ритма. Дэррил оказался совсем близко. Она видела каждую его ресницу, каждую веснушку на щеках.

— Эльза, — повторил он. Его голос осел, сделался хрипловатым, почти незнакомым. В нём не осталось привычной лёгкости, за которой он прятал смущение, страх и всё, что не хотел показывать.

Дэррил шагнул к ней — совсем чуть-чуть, но этого хватило, чтобы между их телами почти не осталось воздуха. Его тёплое дыхание с лёгким запахом зелёного чая, который они пили утром, коснулось её щеки. А потом он поцеловал. Не так, как в книгах: уверенно и безупречно, будто герои заранее знают, куда деть руки, как повернуть голову и когда перестать дышать. Нет. Поцелуй вышел робким, почти неловким. Дэррил касался губ Эльзы осторожно, словно боялся одним неверным движением всё испортить. Словно не верил, что это происходит на самом деле. Мир сузился до этого прикосновения, тёплого дыхания и ладони Дэррила на щеке. Он держал её бережно, будто она была не Эльзой Вогель, которая способна поставить на место половину Академии одним взглядом, а тончайшим северным стеклом.

Эльза понятия не имела, что делать. Она никогда не целовалась. И всё оказалось совсем не так, как в романах, которые девочки прятали под подушками и читали при свете зачарованных свечей. Там героини знали, когда закрыть глаза, когда улыбнуться и когда прошептать имя возлюбленного. Там никто не думал, как дышать. Закрыть глаза? Пошевелиться? Что вообще делают руками? Слышит ли он, как бешено колотится её сердце?

Под ладонью, сквозь ткань камзола, Эльза ощутила сердце Дэррила. Оно билось так же быстро и нервно. Это успокоило.

Дэррил отстранился первым, но остался так близко, что его дыхание всё ещё грело её кожу. Лицо пылало, глаза блестели, а на губах появилась глупая улыбка, которую Эльза запомнила навсегда.

Дэррил снова взял её за руку, и они неторопливо пошли к группе. Этот день словно принадлежал только им: серебряному снегу, нагретому светом мрамору, фонтанам Аурелиона, переплетённым пальцам и первому неловкому поцелую, который почему-то казался Эльзе совершеннее любого книжного. Она всё ещё чувствовала его губы на своих. И улыбалась. До странности хорошо было просто идти рядом, ощущать его ладонь и знать: Дэррил тоже улыбается.

Эльза вернулась в комнату за час до ужина. За стеклом медленно синел вечер. Амалии ещё не было, она гуляла с Дормиэлем. Эльза закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Только оставшись одна, она позволила себе выдохнуть. Пальцы сами коснулись губ, и она снова улыбнулась.

Я целовалась с Дэррилом. Я, Эльза Вогель, которая всегда всё контролирует и никому не позволяет выбить себя из равновесия, целовалась в незнакомом городе у старого фонтана. Как героиня дешёвого романа, который сама же тайком читала по ночам, пряча под подушку.

Она тихо фыркнула и тут же зажала рот ладонью, чтобы не рассмеяться.

Я влюбилась. Правда влюбилась. В этого болтуна, который несёт всякую чушь, совершенно не умеет вовремя замолчать и смотрит на меня так, будто я — самый драгоценный камень во всех проклятых королевствах.

Глава 15

Кассиан сидел на подоконнике в пустом коридоре факультета Тьмы, упираясь лбом в холодное стекло, и смотрел, как за окном валит снег. Академия спала тяжёлым, безмятежным сном. Ветер шарил по дворам, забирался под арки, скребся в ставни, но здесь, в крыле Тьмы, стояла могильная тишина. Нить, связывающая его с Амалией, пульсировала ровно. Наверное, она спала сейчас в своей комнате в Солардисе.

Кассиан не поехал в Ноктурн. Дом, в котором он вырос, давно перестал быть домом, а люди, давшие ему жизнь, перестали быть семьёй ещё до того, как он надел чёрную мантию и уехал в Академию, оставив позади каменные стены, вечный полумрак и холод, не имевший ничего общего с зимой.

Кассиан закрыл глаза, и тяжёлые воспоминания полезли наружу без спроса.

Ему было десять, когда всё изменилось. До того дня Кассиан был просто неуклюжим, молчаливым ребёнком, с вечно растрёпанными чёрными волосами и серо-зелёными глазами, в которых иногда вспыхивала детская искра. Он старательно прятал её от всех, потому что в доме Рейнардов любое чувство считалось слабостью.

Его родители, Эрхард и Сесилия Рейnard, были тёмными магами и охотниками на демонов. Их род в Ноктурне уважали почти так же сильно, как боялись. Особняк стоял на северном склоне Чёрной горы, куда солнце заглядывало лишь в полдень и почти сразу исчезало за горизонтом, оставляя на небе багровую полосу, похожую на затянувшуюся рану. На башнях развевались знамёна с серебряным волком на чёрном поле. Волк всегда смотрел в сторону, будто искал стаю, которой у него никогда не было.

Тренировки с мечом начались, когда Кассиану исполнилось семь. С тех пор каждый день был похож на предыдущий: подъём затемно, ледяная вода, завтрак в одиночестве за длинным столом, вокруг которого редко собиралась вся семья, а после — долгие часы в тренировочном зале. Там отец учил его держать клинок, терпеть боль и не бояться крови. Другой жизни Кассиан не знал. Он не знал, каково это — проснуться от материнского поцелуя или услышать от отца пожелание спокойной ночи. В доме Рейнардов не было места нежности. Только дисциплина, долг и ожидание дня, когда наследник станет достаточно сильным, чтобы принять родовой дар.

В день ритуала отец сказал:

— Ты станешь мужчиной или умрёшь.

Ритуальный зал находился глубоко под особняком, там, куда не проникал даже лунный свет. Факелы горели чёрным пламенем, не разгоняя мрак, а лишь делая его гуще. Каменный пол охлаждал колени до ломоты, но Кассиан не жаловался. Он уже умел молчать. Отец заговорил на древнем наречии, и из центра круга начала подниматься фигура — сначала бесплотная тень, затем густой дым, медленно принимавший человеческий облик.

Гость из Бездны улыбнулся.

— Ты сильный, — произнёс он. — Но сильных поглотить труднее. Они верят, что сила принадлежит им, и этим делают себя уязвимыми. Сила не принадлежит никому. Она лишь проходит сквозь тело, оставляя после себя пустоту и память о боли.

Кассиан не понял, что значит «поглотить», но мать вцепилась в его плечи так сильно, что ногти разорвали кожу. По спине потекла кровь. Отец шагнул вперёд, заслоняя сына собой. В его руке блеснул кинжал, которым в семнадцать лет он убил своего первого демона. Оружие, передававшееся в роду Рейнардов из поколения в поколение.

— Он не для этого.

— Он Рейnard.

Гость протянул руку, и Тьма, до того тлевшая в Кассиане слабой искрой, взорвалась. Она заполнила каждую клетку, каждую вену и мысль. Холодная и обжигающая одновременно, она лезла под кожу, в лёгкие, вытесняя его самого. Кассиан попытался закричать, но голос исчез — застрял в горле, сдавленный невидимыми пальцами. Остался лишь грохот собственного сердца. Потом наступила темнота. Кассиан провалился в неё, как в бездонный колодец. Летел всё ниже, судорожно хватаясь за пустоту, пока чья-то маленькая, тёплая, живая рука не сомкнулась на его запястье и не дёрнула обратно. Ритуал прервали. Гость исчез, оставив после себя кровавые следы. Они тянулись по каменному полу и обрывались посреди зала, словно нечто шагнуло туда, куда людям дороги не было.

Кассиан очнулся в своей постели. Первой он почувствовал Тьму. Она пульсировала под кожей, свернувшись тугим клубком в груди и дышала в такт его сердцу. Тогда он понял: Гость пришёл не благословить его и не усилить родовой дар, он хотел занять его тело. Превратить в сосуд, вытеснить душу и поселиться там, где прежде жил обычный мальчик. Родители остановили ритуал, но слишком поздно. Тьма уже проснулась и навсегда осталась внутри.

После той ночи мать перестала с ним разговаривать. Она смотрела на Кассиана, но больше не видела сына. Перед ней стояло оружие, которое она сама помогла выковать, но теперь боялась даже коснуться. Сесилия не плакала при нём. Зато ночами, когда весь особняк погружался в сон, Кассиан слышал её приглушённые рыдания за стеной.

Отец, напротив, стал ещё жёстче.

— Ты должен научиться управлять Тьмой, — говорил он спокойно. Ему не требовалось повышать голос: каждое слово и без того ложилось на плечи сына тяжёлым грузом. — Иначе однажды она начнёт управлять тобой. Тогда ты действительно умрёшь.

Кассиан тренировался. Учился сжимать Тьму в кулак, загонять обратно под кожу, душить её прежде, чем она успевала вырваться. Иногда она сопротивлялась, распарывая его изнутри ледяными когтями. Иногда затихала, позволяя ему обмануть себя мыслью, будто он победил. Он больше не смеялся, даже когда был уверен, что никто не видит. И больше не боялся темноты. Какой смысл бояться того, что поселилось у тебя внутри?

Академия стала его побегом. Кассиан уехал тайком в тот день, когда отца не было дома, а мать заперлась в своей комнате и часами смотрела в стену. Он не попрощался. Просто собрал вещи и оставил на столе короткую записку: «Я вернусь, когда стану сильнее».

Первые два года в Академии Кассиан ненавидел всё: серые стены, бесконечные лекции, звон колоколов по утрам, студентов Света, которые смотрели на него так, будто война между факультетами уже началась и именно он нанёс первый удар. Только на факультете Тьмы становилось чуть легче дышать. Здесь его не сторонились, не спрашивали, почему тени тянутся к его рукам и почему зрачки чернеют во время тренировок. Для здешних студентов Тьма не была проклятием — она была даром, оружием, частью их природы. Впервые Кассиан почувствовал, что не один.

А потом появилась *она*. Рыжая, в серой мантии, с глазами, в которых горела надежда. Та самая, которую он потерял много лет назад, стоя на коленях в ритуальном зале и чувствуя, как чужая воля выдирает его из собственного тела. Амалия не боялась его, не смотрела как на врага, не прикрывалась осторожными улыбками и безупречной вежливостью. Она просто оставалась рядом.

«Дура», — подумал он тогда, глядя, как она удаляется по коридору, сжимая в руке отцовскую руну. А потом, уже честнее, добавил: — «Такая же, как я».

Кассиан открыл глаза и снова посмотрел на снег. Тот всё падал и падал, укрывая башни Академии белым саваном. Кассиан сунул руку в карман и достал маленький кинжал. Ему вручили его в Академии, когда он вступил в «Стальные клинки». Простое оружие без герба и драгоценных камней. Чёрная рукоять потёрлась от постоянного использования, а поперёк лезвия тянулась тонкая царапина — память о первой тренировке, когда Кассиан неудачно парировал

удар Дормиэля и едва не выронил клинок. Этот кинжал не имел ничего общего с родом Рейнардов. В нём не было древней магии, чужой крови и ожиданий, которые душили Кассиана с детства. Клинок принадлежал только ему. Он доказывал, что Кассиан — не просто наследник проклятого рода и не сосуд, приготовленный для твари из Бездны. Он был воином, который сам выбрал свой путь.

Кассиан собирался подарить кинжал Амалии перед её отъездом. Хотел вложить его ей в ладонь и сказать, что будет защищать её, даже когда не сможет находиться рядом, даже когда между ними лягут тысячи миль; но так и не решился. Испугался, как всегда. Испугался, что Амалия не примет подарок и посмотрит на него тем же пустым взглядом, каким мать смотрела на букет полевых цветов в его детских руках. Он помнил, как долго искал самые красивые, как ободрал колени, перелезая через каменную ограду сада, и как потом Сесилия молча прошла мимо, будто ни цветов, ни самого Кассиана не существовало. Наверное, именно тогда он и понял: протянутая рука ранит сильнее сжатого кулака, если никто не хочет её принять. Поэтому кинжал остался у него.

Академия опустела, и Лориан Монтгомери воспользовался редким затишьем, чтобы незаметно покинуть её стены. Не через главные ворота, где даже ночью несли службу стражники, а через старый потайной ход в башне Рун. О нём знали лишь избранные; большинство преподавателей даже не подозревало, что за одной из каменных плит скрывается лестница, уходящая глубоко под землю.

Выбравшись за пределы Академии, Лориан ступил на заснеженную тропу, ведущую к восточной границе нейтральных земель. Этот путь он проделывал много раз. Снег сухо скрипел под сапогами, ветер рвал полы мантии и швырял в лицо колючую ледяную крупу. Единственным источником света была небольшая магическая лампа в руке Лориана. Её тусклое пламя мерцало под стеклом, выхватывая из темноты лишь несколько шагов впереди. Но больше ему и не требовалось. Он знал эту дорогу наизусть. Каждый поворот, каждый валун, каждое искривлённое дерево были знакомы ему до боли — и почти до отвращения. Лориан мог пройти здесь с закрытыми глазами. Иногда ему казалось, что именно так он и шёл все эти годы: вслепую, подчиняясь маршруту, который давно перестал считать своим.

Архипелаг Разума лежал к востоку от Академии. Дороги к нему не отмечали на картах потому, что Менталис не желал быть найденным. Чужаков там не любили. Те, кто пытался проникнуть на архипелаг без приглашения, либо исчезали в тумане навсегда, либо возвращались спустя несколько дней — измученные и обезвоженные. Они не помнили, куда шли и что увидели. От путешествия оставался только страх: беспричинный, липкий, поселившийся где-то под рёбрами. Он приходил по ночам и не отпуская до самой смерти.

Лориан остановился у края пропасти. За ней не было ничего, кроме тумана. Мосты, соединявшие нейтральные земли с архипелагом, были сотканы из чистой ментальной магии. Их мог увидеть лишь тот, кто обладал даром Разума. Для остальных впереди лежала пустота, в которой не различить ни дна, ни противоположного края. Лориан не был менталистом, он не видел мостов и не мог ступить на них. Первый же шаг за край стал бы последним, поэтому у него был Ключ.

Монтгомери достал из внутреннего кармана небольшую бронзовую фигурку. Этот артефакт хранился в Ордене Ищущих столетиями и переходил от одного исполнителя к другому. Никому из них он не принадлежал — Орден не позволял своим орудиям владеть тем, что могло однажды обратиться против хозяина. Активировать артефакт мог только сильный маг Рун. Начертание было слишком сложным, слишком древним и слишком опасным, чтобы прощать ошибки. Неверно произнесённое слово, дрогнувшая мысль, лишний поток силы — и расплатой стала бы жизнь.

Лориан провёл большим пальцем по центральной руне. Бронза мгновенно нагрелась. Он направил силу в Ключ, подчиняя её дыханию и биению сердца. Руна отозвалась, туман зашевелился, открывая узкую дорогу над бездной. Лориан видел, что под ногами по-прежнему нет ничего. Однако магия Ключа натянулась над пропастью невидимой нитью, существующей лишь до тех пор, пока он удерживал начертание. Стоило отвлечься, испугаться или хотя бы на мгновение ослабить концентрацию — и мост исчез бы.

Лориан шагнул в пустоту, под сапогом дрогнула магия. Второй шаг дался легче. На третьем туман сомкнулся у него за спиной, отрезая дорогу назад. Холодные белые завитки обви-вали руки, скользили по лицу, шептали на границе слуха. Он не различал слов, но понимал их смысл.

Остановись. Посмотри вниз. Ты устал. Отпусти.

Лориан продолжал идти. Он смотрел только вперёд, хотя впереди не было ничего, кроме плотной белизны.

Мнемосия открылась перед ним внезапно. Ещё мгновение назад вокруг клубился туман, а затем Лориан оказался посреди многолюдной улицы. Вокруг кипела жизнь. Люди в пурпурных, фиолетовых и сиреневых одеяниях спешили по своим делам, не глядя по сторонам.

И всё же Лориан знал: его появление заметили. Каждый шаг уже был просчитан, а мысль — взвешена, изучена и разложена по полкам теми, кто сидел в высоких башнях из чёрного камня. Монтгомери мысленно возвёл привычные защиты.

Лориан пересёк центральную площадь, не задерживая взгляд на прохожих. В её центре возвышалась статуя Мыслящего — первого правителя Менталиса. Каменное лицо скрывал глубокий капюшон, а сложенные на коленях руки держали закрытую книгу. По легенде, Мыслящий видел будущее на тысячу лет вперёд, но предпочёл молчать до самой смерти. Знание, утверждали менталисты, не всегда приносит счастье. Лориан считал иначе. Несчастье приносило не знание, а цена, которую приходилось за него платить.

Он миновал статую и свернул в старейший район столицы. Здесь дома теснились, словно ячейки сот, нависая над узкими кривыми улицами. Балконы почти соприкасались, закрывая небо. У нужного здания Монтгомери остановился. Оно ничем не отличалось от соседних: потемневший камень, узкие окна, следы сырости на стенах. Только дверь была выкрашена в густой пурпурный цвет. Лориан убрал Ключ во внутренний карман, поднял руку и постучал трижды. После короткой паузы за дверью раздался щелчок. Замок открылся сам.

В зале Ордена царила тьма. Лишь шесть свечей горели на длинном столе из чёрного дерева. Пять фигур в пурпурных мантиях сидели неподвижно, скрывая лица под глубокими капюшонами. Лориан занял единственное свободное место и ощутил прикосновение чужих сознаний. Менталисты уже проверяли, не предал ли он Орден, не солгал ли, не привёл ли за собой слежку из Академии или Совета. Монтгомери сосредоточился на рунах, сроках и ритуале, пряча глубоко внутри образ рыжеволосой девушки.

— Ты опоздал, — произнёс тихий женский голос.

Магия Разума стирала интонации, делая всех здесь безликими. Никто не должен был знать, кто отдаёт приказы и кто отвечает за дела Ордена.

— В Академии были экзамены. Я не мог уехать раньше.

— Экзамены, — с насмешкой повторил мужчина. — Можно подумать, тебе не всё равно на студентов.

Лориан промолчал.

— Сосуд подготовлен?

— Она пробудила магию. Руны засветились, Тьма внутри неё стабилизируется.

— Недостаточно, Свет уже знает о ней. Если они доберутся до неё первыми, мы потеряем то, над чем работали столетиями.

— Она не уйдёт к Свету.

Он знал о предложении декана: защита, знания, доступ к закрытым архивам. Всё то, чего сам Лориан не мог дать Амалии. У него были только тайные встречи, красивые слова и руны, которые он рисовал на её коже. Но она всё равно выберет его.

— Ты уверен?

— Она моя студентка. Моя.

— Твоя? — усмехнулась женщина.

— Сосуд должен быть готов к ритуалу к весне. Если не справишься, мы найдём другого исполнителя.

— Не найдёте, она никому больше не доверится. Я единственный, кого она подпустила к себе.

— Тогда не подведи нас.

Лориан знал, что произойдёт в случае провала. Он не умрёт — просто исчезнет, как исчезали другие. Никто не найдёт тела, никто не вспомнит имени и не спросит, куда он делся. Менталисты умели не только стирать память, они могли превращать человека в пустоту.

Лориан поднялся и покинул зал.

Прости, Амалия, я не могу остановиться. Даже если бы хотел — уже поздно.

Зимний Солардис казался ожившей сказкой. Перед дворцом с золотыми куполами раскинулся огромный зачарованный каток, сияющий мягким голубым светом. Амалия впервые встала на коньки: в Лапидии не было ни снега, ни льда. В белом платье-пальто с золотой вышивкой она неуверенно держалась за руку Дормиэля, облачённого в светлый кафтан. «Не смотри вниз, рунная леди. Смотри на меня — я не позволю тебе упасть», — мягко наставлял он. Поначалу её ноги разъезжались, но Дормиэль каждый раз успевал подхватить её. Вскоре страх уступил место веселью, и Амалия уже смеялась, скользя рядом с ним среди кружащихся снежинок под старинную мелодию невидимого оркестра. Устав, они присели у края катка с горячим шоколадом. Амалия призналась, что Солардис кажется ей нереальным, словно сказка, а Дормиэль ответил, что сказки порой случаются наяву — просто люди не всегда их замечают. Между ними возникло тихое дружеское тепло.

После заката Амалия отправилась в библиотеку. Пальцы сами теребили кулон, подаренный Лорианом перед отъездом. Она скучала так сильно, что тоска стала почти болезнью:

ломила кости, жгла грудь, стыла в пальцах и отступала лишь тогда, когда Амалия вспоминала его голос. Она скучала по редкой, едва заметной улыбке, которую ловила только в самые тихие минуты их встреч. По рукам, выводившим руны на её спине. По молчанию, в котором Лориан умудрялся сказать больше, чем другие — сотней красивых фраз.

Амалия не понимала, что так мучительно тянуло её к нему: магия, её собственная тоска, любовь или дурацкая, отчаянная надежда. Но она думала о нём постоянно — каждую чёртову минуту, когда не видела его лица. Именно эта тоска и загнала её в библиотеку. Нужно было занять руки, голову, сердце — что угодно, лишь бы не свихнуться от ожидания и почти детской веры в то, что он скучает по ней так же невыносимо. Служитель — старик в белой мантии, с лицом, испещрённым морщинами, — проводил её в зал исторических хроник. Он двигался медленно, опираясь на посох, мерцавший тусклым голубым светом.

— Ищите что-то определённое, юная леди?

— Нет. Просто посмотрю.

Старик кивнул и оставил её одну.

Амалия свернула в дальний угол. Там притаился старый стеллаж из тёмного дерева. Низкий, не похожий на остальные, с резными ножками, напоминавшими когти хищной птицы. На его боках вились незнакомые руны. И всё же Амалия будто уже видела их — во сне, забытом много лет назад, но оставившем внутри странную, щемящую занозу. Книги здесь были не в золотых переплётах, а в потёртой коже. Потускневшие буквы шевелились под её взглядом, складываясь в слова, которые разум прочесть не мог, зато тело понимало прекрасно.

Запрещённый отдел.

Дремавшая внутри Тьма встрепенулась, заметалась, зашептала на языке, которого Амалия не знала. Брандт вытащила одну из книг: тяжёлую, пыльную, скреплённую серебряной застёжкой. Стоило пальцам коснуться металла, как та сухо щёлкнула. Книга распахнулась сама на странице с единственной иллюстрацией: чёрный круг, а внутри него — глаз.

Амалия прочитала подпись:

«Орден Иицищих. Те, кто был прежде. Те, кто пребудет после. Древнее Шести Путей, древнее венценосцев, возмнивших себя богами. Он родился в час, когда Аэмир вдохнул Искру и содрогнулись основания мира. И те, кто стоял подле него, видели, как пламя вошло в плоть, как сила сжигала, не сгорая. И возжелали они той силы.

Иицут они Сосуд. Ибо Пустота — не проклятие, не изъян и не порча крови. Пустота есть дверь, что отверзается лишь изнутри. А за дверью той спит Искра.

И возьмёт Орден тело Сосуда, и сделает его вместилищем. И выпьет силу его, и иссушит магию, и поглотит жизнь. Когда же станет Сосуд пуст, когда не останется от него ничего, кроме тени, — будет он отринут. Ибо Сосуд для них — орудие. Ключ к вратам, которых сами они отпереть не могут. Жертва на алтаре, воздвигаемом тысячу лет. И когда свершится обряд, когда Искра перетечёт из его жил в их жилы, а плоть обратится в прах, имя Сосуда будет предано забвению. Исчезнет оно из летописей, свитков и людской памяти, словно никогда не звучало под небесами.

Узрев знак их — чёрный круг и око незримое, что не смыкается, — бегите. Не глядите в него. Не тщитесь постичь его. Не храните его в памяти. Бегите, покуда Око не узрело вас. Бегите, покуда ноги несут и имя ваше ещё принадлежит вам. Ибо Иицищие не ведают милосердия. Тысячу лет они ждали и ещё тысячу прождут. Но дождутся.

Сосуд родится. Таково проречение Аэмира, иссечённое на стенах Храма Шести Сил. Но возвратится ли сам Аэмир — не ведомо никому, даже Ордену. Одни рекут: рассыпался он в прах, и ветер унёс прах его за край мира. И ничего не осталось от него, кроме эха в древних камнях, доньине помнящих последний крик. Другие шепчут: не могла Искра погубить своего первого Сосуда. Она переплавляла его, изломила и сотворила иным — тем, кто не жив и не

мёртв. Тем, кто ожидает во тьме за гранью мира, где время течёт вспять, где звёзды меркнут и возгораются вновь, а само безмолвие исполнено ожидания.

Третьи же утверждают: Аэмир не умирал. Он странствует среди живых и взирает на мир глазами безымянных. И лишь в час последней нужды вспомнит, кем был, и возвратится. Спассти. Погубить. Или остаться в стороне, наблюдая, как смертные сами избирают свою судьбу».

Кровь отхлынула от лица, по телу разлился холод. Амалия смотрела на чёрный круг, чувствуя, как в груди нарастает липкая тревога. Где она видела этот знак? В Академии? На одной из дверей? В старой книге? Она перевернула страницу дрожащими пальцами, и книга задрожала вместе с ней, словно тоже боялась того, что было написано дальше.

«В лето от сотворения мира, когда горы были молоды, а реки не знали своих берегов, случилось Великое Поглощение — попытка Ордена Иицищих завладеть силой Аэмира, первого Сосуда, того, в ком Искра горела, но не сжигала, того, кто носил в своей груди пламя, способное осветить весь мир или испепелить его дотла. Сие деяние свершилось в Храме Шести Сил.

Они окружили его, когда он молился — или спал, или просто был один, ибо никто не знает точно, ибо те, кто знал, умерли в тот же день, а те, кто выжил, поклялись молчать под страхом смерти вечной. Они вырезали на его теле руны, те самые, что связывают волю, подчиняют разум, вытягивают силу из крови, из костей, из самого дыхания, из той искры, что теплится в глубине души и не гаснет даже после смерти. Сорок и семь рун начертали они на его плоти — и каждая из них была ключом, каждая — замком, каждая — цепью, которую не разорвать, не сломать, не перерезать, ибо цепи те были скованы не из металла, а из намерения, не из стали, а из желания, не из железа, а из той самой тьмы, что живёт в сердцах всех живущих и ждёт лишь часа, чтобы вырваться наружу.

Они пытались вытянуть Искру — ту самую, что горела в нём с рождения, что делала его богом среди людей и человеком среди богов. Но Аэмир не отдал свою силу. Не потому, что не хотел — ибо кто знает, чего хотело его сердце в тот последний час? — а потому, что сила была сильнее его, сильнее Ордена, сильнее всего, что существовало до и после, сильнее самой смерти. Она вырвалась — и разорвала его на части. И из каждой части, из каждой капли крови, из каждого вздоха, из каждой молитвы, которую он не успел прошептать, родилась одна из шести магий: Свет, что ослепляет, Тьма, что поглощает, Стихии, что не знают покоя, Разум, что видит всё, но молчит, Жизнь, что лечит и калечит, и Руны, что помнят всё, даже то, что забыли боги.

Храм был разрушен до основания — ибо не устоять стенам там, где рождаются новые миры. Аэмир рассыпался в прах. Орден не получил то, что хотел. Ибо хотели они власти, а получили только знание: Сосуд — это не вместилище. Это оружие. Или жертва. Или и то, и другое одновременно. И тот, кто попытается использовать его, будет уничтожен. Или спасён. Или просто исчезнет, как исчезают те, кто слишком близко подходит к огню. Но Орден не убоился. Ибо страх — удел слабых, а они ждали тысячу лет. Они подождут ещё столько же. И дождутся. Ибо Сосуд родится. Таково пророчество. И никто, даже боги, не могут это изменить».

Амалия похолодела от осознания, что была тем самым новым Сосудом. Той, кого ждали тысячу лет. Ради кого плели заговоры, толковали пророчества, возводили храмы и ломали чужие судьбы.

— Историю переписали. Аэмир не умер — его убили! Нам лгали. Всё, что мы знаем о магии и Сосудах, — ложь!

Глава 16

Амалия неспешно шла по залитым утренним солнцем улицам Аурелиона. Она направлялась на почту — ей вдруг захотелось отправить отцу ещё одно письмо, хотя с прошлого не прошло и двух недель. Белоснежное платье с золотой вышивкой ласкало щиколотки мягким шелестом. Ветер перебирал длинные рыжие волосы, то бросая пряди ей на лицо, то растягивая их за спиной огненным шлейфом. Амалия не знала, что за ней следят. Каждый её поворот уже отметили, каждую остановку предугадали. Все переулки, в которые она могла свернуть, и двери, за которыми могла укрыться, давно просчитал чужой холодный разум. Сама Амалия мыслями была далеко отсюда — не среди лавок, фонарей и спешащих прохожих. Она всё ещё стояла во вчерашней тишине библиотеки и смотрела на строки пророчества, от которых внутри скреблось мерзкое предчувствие.

И с какого чёрта я должна верить всему, что написано в старой книге? Мало ли какой псих это сочинил.

Она не знала, правда ли это и, если честно, не хотела сейчас знать. Её достало искать скрытый смысл в каждом слове, дёргаться от случайного шороха и снова возвращаться мыслями к Ордену. Начались каникулы, значит, ей полагалось отдыхать, набираться сил и хотя бы несколько дней не ждать, что из-за ближайшего угла вылезет очередная дрянь.

Возле ювелирной лавки Амалия замедлила шаг. Солнце дробилось в гранях драгоценных камней, рассыпая по стеклу алые и золотые искры. Один из кулонов заставил её остановиться, всего на пару секунд, но наёмнику Рейну хватило и одной. Он отделился от тени так внезапно, будто всё это время был её частью. Амалия ещё не успела обернуться, когда рука в кожаной перчатке метнулась к её горлу. Пальцы уже складывались в жёсткий захват, способный пережать дыхание прежде, чем жертва поймёт, что происходит. Но Амалия поняла. Тело среагировало раньше мысли. Она резко развернулась, уходя из-под руки, и пальцы Рейна сомкнулись на пустоте в каком-то жалком волоске от её шеи.

Вот же ублюдок.

Амалия пригнулась и шагнула в сторону. Подол платья взметнулся вокруг ног, каблук скользнул по гладкому камню. На один тошнотворный миг земля ушла из-под ног, но Амалия удержалась. Ладонь обожгло знакомым жаром. Серебристая боевая руна вспыхнула на коже мгновенно. Воздух сухо щёлкнул, руна сорвалась с её ладони и врезалась Рейну в грудь. Наёмника отбросило на несколько шагов. Подошвы сапог со скрежетом протасило по мостовой; плечо ударилось о выступ стены так сильно, что Амалия почти услышала хруст.

Но он устоял.

Конечно. Эта громадина просто не могла сделать мне одолжение и свалиться.

На лице Рейна ничего не изменилось. Только в глазах на короткое, почти неуловимое мгновение мелькнуло удивление.

Амалия выдохнула и заняла боевую стойку. Серебристый свет ещё дрожал вокруг её пальцев, тонкими нитями перебегая по коже. Сердце колотилось у самого горла, будто решило выбраться наружу и унести ноги без неё. Во рту пересохло, по спине под платьем медленно сползла холодная капля пота.

Рейн медленно выпрямился и поправил плащ. Его взгляд потемнел.

— Не ожидал, — прохрипел он. Его глаза не отрывались от её лица. — Говорили, ты никчёмная.

Серебро на ладони Амалии полыхнуло ярче.

Ну давай, повтори. Я засуну тебе это слово так глубоко в глотку, что ты им подавишься.

Она чуть подняла подбородок. Ветер тронул рыжие пряди, а руна между её пальцами сжалась в ослепительно-острую вспышку.

— Говорили неправду.

Кинжал Рейна сверкнул в утреннем свете. Амалия вскинула руку и вычертила знак прямо в воздухе. Пальцы двигались почти быстрее мысли, оставляя за собой серебристый след.

— Щитовой узел!

Руна вспыхнула в тот миг, когда сталь должна была войти ей под ключицу. Перед Амалией развернулась невидимая преграда, прошитая серебряными линиями. Кинжал отскочил со звоном, высекая сноп искр. Рейн отшатнулся лишь на полшага. Второй клинок уже шёл снизу — точно в живот. Амалия развернулась на каблуке. Лезвие распоролось ткань платья, не задев кожу. Рыжие волосы взметнулись огненным веером, а её пальцы начертали сразу три руны. Серебряные символы вспыхнули багровым, наложились друг на друга и сомкнулись в единый узор. Воздух вокруг него задрожал. Брусчатка под ногами покрылась тонкими трещинами.

«Три руны, одна связка. Не дать им рассыпаться». Именно так учил мастер боевых рун Эрнест. Амалия сжала пальцы в кулак, рунный жгут сорвался с её ладони. Он ударил Рейна в грудь с грохотом, напоминающим раскат грома. Наёмника подбросило и протащило по мостовой несколько метров. Он перевернулся в воздухе и рухнул на одно колено, с хрустом вонзив кинжал между камнями, чтобы остановиться. По его плащу расползлась обугленная прореха. Амалия не дала ему подняться. Она уже бежала вперёд, вычерчивая знаки обеими руками. Рунные линии вспыхивали вокруг неё одна за другой, складываясь в сверкающее созвездие.

— Захват. Оковы. Печать.

Серебряные цепи вырвались из мостовой. Они обвили запястья и ноги Рейна, рванули его вниз. Над головой наёмника вспыхнул замыкающий знак, сдавливая пространство вокруг него. Рейн напрягся, цепи задрожали. На его перчатке загорелся багровый узор.

Руна?

Рейн сжал кулак, и её оковы лопнули. Серебряные звенья разлетелись ослепительными осколками, царапая стены и разбивая витрину ювелирной лавки. Амалия закрыла лицо локтем. Рейн прошёл сквозь дождь из рунного стекла, и багровые линии под его кожей вспыхнули ярче. Он оказался перед ней слишком быстро, Амалия едва успела поставить защиту. Удар кинжала пришёлся в «Щитовой узел». Второй, третий. Каждый удар сопровождался короткой багровой вспышкой. По серебряной защите побежали трещины.

— Кто ты такой? Что тебе от меня надо? — крикнула Амалия.

Вместо ответа он ударил снова, щит разлетелся. Амалия отскочила, перекатилась через плечо и провела ладонью над мостовой. Вслед за её движением на камнях загорелась цепочка знаков.

— Каменное пламя.

Руны сомкнулись. Из земли вырвались острые столбы, окутанные серебряным огнём. Они ударили снизу, вынуждая Рейна отступить. Наёмник скользнул между первым и вторым, оттолкнулся от третьего сапогом и взмыл вверх. Амалия задрала голову.

Какого...?

Рейн перевернулся в воздухе. На лезвиях его кинжалов вспыхнули руны тяжести. Он обрушился на неё сверху. Амалия скрестила руки.

— Звёздный свод!

Над ней раскрылся серебряный купол. Кинжалы врезались в защиту. Земля содрогнулась. Окна задребезжали, с крыш сорвались голуби. Брусчатка под ногами Амалии просела, и по её рукам прокатилась боль, будто в кости вбили раскалённые гвозди.

Рейн давил сверху. Багровые руны на его клинках пожирали серебро щита.

— Думаешь, — процедил он, — этого достаточно, чтобы выжить?

Амалия стиснула зубы.

— Нет. — она развела руки. — Поэтому я ещё не закончила.

Внутри защитного купола вспыхнула вторая руна. «Обратный удар». Щит взорвался наружу, Рейна отбросило. Амалия развернулась вместе с ударной волной и метнула «Звёздный шип». Руна вытянулась в ослепительное копье и пронзила плечо наёмника. Рейн рухнул на мостовую. Из раны поднялся дым. Его пальцы разжались, один кинжал со звоном покатился по камням. Наёмник взвыл, впервые позволив боли прорваться наружу.

Получилось.

Рейн поднял голову. Багровые линии под его кожей вспыхнули разом.

Нет. Не получилось.

Он выдернул рунное копье из плеча голой рукой. Серебро впилося ему в ладонь, но Рейн сжал пальцы и переломил знак, затем бросился вперёд. Амалия отступала, вычерчивая руны одну за другой. «Барьер». Разбит. «Связка». Рассечена. «Слепящее солнце». Рейн закрыл глаза прежде, чем руна вспыхнула, и по звуку нашёл её руку. Удар рукоятью пришёлся по предплечью. Пальцы Амалии онемели, а незаконченный символ погас.

Рейн двигался как хищник, много раз охотившийся на магов. Он не давал ей пространства, не позволял завершить линию. Бил по кистям, сбивал дыхание, заставлял пятиться именно туда, куда хотел. Спина Амалии ударилась о стену. Некуда отступить. Один кинжал Рейна прижал её запястье к кладке, второй развернулся остриём к сердцу.

— Академия научила тебя красиво рисовать, — прошипел он. — Но смерть не ждёт, пока ты закончишь узор.

Сталь вспыхнула, Амалия успела только вдохнуть. В дюйме от её сердца клинок остановился. Что-то белое и стремительное — будто осколок звезды, сорвавшийся с небес, — врезалось в Рейна сбоку. Наёмника снесло с ног. Он пролетел через всю улицу, перекатился по мостовой и в последний миг выставил руку, спасая лицо от встречи с камнем.

Между ним и Амалией стоял Макото Акияма. Он появился без крика и предупреждения. Белая рубашка полыхнула в утреннем свете, словно знамя, а обнажённый меч в его руке издал низкий, хищный звон. Макото даже не посмотрел на Рейна. Его взгляд скользнул по рассечённому предплечью Амалии, задержался на порванной ткани возле груди и стал пугающе спокойным.

— Можешь стоять? — спросил он.

— Вроде бы.

— Хорошо.

Рейн поднялся.

— Потому что сейчас здесь станет тесно.

Наёмник сорвался с места. Его кинжалы вспыхнули багровыми рунами. Один клинок шёл к горлу, второй — под рёбра. Два удара с разных направлений, нанесённые почти одновременно. Макото сделал один шаг, меч описал короткую серебряную дугу. Первый кинжал изменил направление, второй ударился о гарду. Макото развернул кисть, поймал клинок Рейна между мечом и перекрестьем, потянул на себя и одновременно ударил противника плечом.

Рейн потерял равновесие, и Макото нанёс три удара. Первый рассёк багровую руну на его перчатке. Второй выбил кинжал. Третий остановился у горла. Рейн откинулся назад, лезвие прошло в волоске от кожи. Наёмник поставил ладонь на мостовую, перекувырнулся и метнул второй кинжал. Макото не обернулся, клинок летел ему в спину. Амалия вскинула руку, но не успела начертить знак. В этот момент меч Макото исчез из поля зрения, раздался звон. Брошенный кинжал развалился на две половины. Макото разрубил его, даже не посмотрев.

Так вообще возможно?

Рейн выхватил из-под плаща короткий меч и атаковал снова. Рейн был быстр. Он менял стойки посреди движения, обрывал удары и без паузы переводил их в новые. Рунная кромка меча рассекала камень, оставляя на стенах дымящиеся борозды. Но Макото был быстрее. Он не метался, не осыпал противника беспорядочными ударами. Его движения оставались скупыми и безупречно точными. Каждый шаг уводил его от лезвия ровно настолько, насколько было необходимо. Каждый поворот кисти встречал атаку в слабейшей точке.

Акияма шагнул внутрь стойки противника и ударил наверху в подбородок. Голова Рейна дёрнулась. Макото развернул меч и рассёк рунный узор на его груди. Багровые руны замерли в воздухе, а затем взорвались одна за другой. Огненная волна пронеслась между домами. Амалия закрылась щитом, но Макото остался в самом центре взрыва. На мгновение его поглотило пламя, затем из огня вышел человек в белой рубашке. Даже не обгоревшей.

Краем глаза Акияма посмотрел на Амалию.

— Ты всегда так эффектно появляешься? — выдохнула она, прижимая ладонь к рассечённому предплечью.

Макото не обернулся.

— Обычно я прихожу до того, как кинжал оказывается у сердца моего друга, но сегодня, кажется, задержался.

— Совсем немного, — пробормотала Амалия.

Макото двинулся к Рейну. Удар ногой пришёлся точно в грудь. Наёмника отбросило к стене, наконец Макото опустил меч.

— Уходи, — сказал он. — Пока я не решил, что твоя смерть будет лучшим наказанием.

Рейн медленно поднялся, опираясь плечом о стену. Кровь стекала по его руке, багровые руны погасли. Он посмотрел на Макото и коротко кивнул. Затем перевёл взгляд на Амалию.

— Твои наниматели ошиблись, — произнёс он хрипло. — Ты не пустая. И они об этом пожалеют.

— Кто они? — спросила Амалия.

Рейн усмехнулся и растворился так же бесшумно, как появился. Макото несколько секунд смотрел ему вслед. Только убедившись, что тот не вернётся, он вытер клинок о рукав, убрал меч в ножны и повернулся к Амалии. Холодная отстранённость, с которой он сражался, дала трещину. Его взгляд снова опустился к порезу на её руке. Затем — к разорванной ткани возле сердца.

— Ты как?

Амалия стояла, тяжело дыша, прижимая ладонь к ране на предплечье. Кровь медленно просачивалась сквозь пальцы, оставляя тёмные пятна на белоснежном платье.

— Жива.

— Прости, что задержался.

— Спасибо, что помог.

— Нужно обработать рану, пойдём. Здесь недалеко есть лавка травника. Рин рассказывала.

— Рин рассказывала? Надеюсь, она также рассказывала, что приличные спасители после нападения предлагают пострадавшим чай, сладости и как минимум одно убедительное объяснение своему неожиданному появлению.

Амалия пыталась шутить, но сердце всё ещё колотилось так бешено, будто не верило: кинжал больше не у её груди, Наёмник исчез, а она действительно осталась жива. Амалия понимала — кто-то желает ей смерти, но кто? И почему Макото так вовремя оказался рядом?

Утро выдалось хмурым, но тёплым. Каникулы в Солардисе закончились — почти две недели, растянувшиеся в вечность, пролетели как один миг, оставив лишь воспоминания. Амалия стояла у раскрытой дверцы кареты, крепко сжимая дорожную сумку. Вокруг царил прощальный хаос: студенты смеялись, предвкушая продолжение каникул, или украдкой вытирали слёзы, понимая, что разлука может затянуться.

К ней подошли близнецы Акияма.

— Мы едем к родителям, — сказал Макото.

— В Мнемосию, — добавила Рин. — Хотя возвращаться туда совсем не хочется.

У Амалии сжалось сердце. Она знала историю их изгнания и цену, которую близнецы заплатили за свои тайны. Теперь им предстояло вернуться туда, где всё началось.

— Берегите друг друга и возвращайтесь скорее.

Они обнялись — неловко, но тепло, словно давно стали семьёй. Затем близнецы направились к своей карете. Амалия невольно посмотрела туда, где рядом с головным экипажем стоял Стефан. Возле него была Мариэль. Брат выглядел спокойным, почти безразличным, и старательно не замечал сестру.

Он не поедет домой.

Стефан останется в Аурелионе — городе вечного Света, где его ждали не родители, не отцовская мастерская и не мамины травы, а тайные дела и люди, о которых он предпочитал молчать. Люди, с которыми не хотел знакомить даже родную сестру.

Амалия, Эльза и Дэррил сели в одну карету. Лошади тронулись, и Аурелион медленно растаял за окном, уступив место заснеженным холмам нейтральных земель, а затем — знакомым с детства скалам Лапидии. На развилке, где дорога в Глипторию расходилась с тропой к Тихому ущелью, Эльза быстро, почти по-сестрински поцеловала Амалию в щёку и вышла. Дэррил последовал за ней, не выпуская её руки. Неподальку их ждала другая карета — небольшая и скромная. Вскоре они исчезли за поворотом, растворившись в дорожной пыли.

Амалия осталась одна. Только молчаливый кучер, мерный стук копыт и горный ветер, приносящий запах бронзы и старой сажи. Она прислонилась лбом к холодному стеклу, закрыла глаза и незаметно уснула.

Тихое Ущелье оказалось маленькой деревней, затерянной среди скал. Дома здесь были каменными, с низкими крышами, и почти на каждом воротах мерцала руна Защиты. Эльза толкнула калитку. Та жалобно скрипнула, пропуская их во двор, вымощенный серым камнем. В центре стоял колодец, у старого дуба — покрытая мхом скамья. На крыльце их встретила невысокая женщина с русыми волосами, собранными в узел. Она вытирала руки о фартук и смотрела на дочь тёплыми карими глазами, в которых смешались усталость и неверие.

— Мама, — прошептала Эльза.

Фелиция мягко улыбнулась и раскрыла объятия. Следом из дома выглянул мальчишка лет тринадцати — худой, остроносый, с взъерошенными волосами и материнскими глазами. Он сразу уставился на Дэррила с той прямоотой, на которую способны лишь дети.

— Это Томас, — сказала Эльза, отстранившись от матери, но не выпуская её руки. — Мой брат.

Томас нахмурился сильнее, будто родство обязывало его защищать сестру от всех подозрительных мужчин, особенно тех, кто приезжает с ней под вечер и слишком много молчит. Дэррил выдержал его взгляд. Через несколько мгновений подозрение Томаса сменилось любопытством, а затем — плохо скрытым восхищением: он заметил у гостя меч. Отец Эльзы появился, когда сумерки уже затопили двор синеватой дымкой. Йен вышел из мастерской, вытирая руки грубой тряпицей.

Ужин прошёл почти без разговоров, но тишина не тяготила и не требовала, чтобы её поспешно заполняли словами. Это была домашняя тишина — тёплая, привычная, наполненная звоном ложек, потрескиванием дров и дыханием людей, давно научившихся понимать друг друга без слов. На столе стояли густая похлёбка с кореньями, тёмный хлеб, сыр и кувшин травяного настоя. Еда была простой, но после долгой дороги казалась роскошью. Эльза сидела между матерью и братом. Поначалу держалась прямо, почти напряжённо, словно ещё не верила, что вернулась. Постепенно плечи её расслабились, пальцы перестали теревить край рукава, дыхание выровнялось.

Когда за окнами окончательно стемнело, Дэррил поднялся из-за стола. Ему предстоял долгий путь на юг Лапидии, и он хотел отправиться немедленно, но Эльза остановила его.

— Уже поздно. Горные дороги опасны. Переночуй здесь, а на рассвете отправишься в путь.

Дэррил долго смотрел на неё, затем перевёл взгляд на Фелицию. Та молча кивнула. Он согласился.

Дэррилу отвели маленькую комнату на втором этаже. У стены стояла узкая кровать, рядом — старый шкаф с потемневшими ручками. Под окном лежал аккуратно сложенный плед, на подоконнике стояла керамическая чашка с засохшим зверобоем. Дом давно уснул, когда Дэррил лёг и уставился в потолок. Сон не шёл. Стоило закрыть глаза, как перед ним вновь возникала Эльза за ужином: её улыбка, объятия с матерью, тёплый свет, смягчивший черты её лица и золотом лёгший на волосы. Дэррил выдохнул и повернулся на бок. Мысль о рассвете вдруг стала тяжелее, чем должна была.

Утром Фелиция накормила всех плотным завтраком: горячими лепёшками, сыром, мёдом и крепким травяным чаем, от которого по телу разливалось тепло. За окнами туман ещё цеплялся за склоны, но небо уже светлело, обещая ясный день.

Томас всё утро крутился возле Дэррила. Сначала просто слишком часто проходил мимо. Затем спросил, тяжёлый ли меч, и уточнил, сколько весит настоящий боевой клинок. Наконец, не выдержав, выпалил:

— А ты умеешь драться как воин?

Эльза подавилась чаем. Фелиция одарила сына предупреждающим взглядом, но тот уже смотрел на Дэррила так, будто от ответа зависела судьба мира.

Дэррил помолчал.

— Немного.

Глаза Томаса вспыхнули.

— Покажешь?

— Томас, — строго произнесла Фелиция.

— Я только посмотрю!

Дэррил впервые за утро улыбнулся.

— Смотреть бесполезно, нужно повторять.

Через несколько минут они вышли во двор. Дэррил снял плащ, закатал рукава и показал Томасу простую, устойчивую стойку, с которой начинал каждый новичок.

— Ноги шире. Не переноси вес на пятки. Если тебя толкнут, ты не должен падать от первого же удара.

Томас старательно повторил, нахмурившись от усердия.

— Так?

— Почти.

Дэррил поправил его локоть, затем показал, как уходить с линии удара, блокировать предплечьем и следить не только за оружием противника. Эльза стояла у крыльца, обняв себя за плечи. На её губах играла мягкая улыбка. Дэррил поймал её взгляд и на миг сбился. Томас тут же шагнул вперёд слишком резко и едва не потерял равновесие. Дэррил успел схватить его за ворот рубахи.

— Жив?

— Да! — восторженно выдохнул мальчишка. — Ещё раз?

Из окна кухни за ними наблюдала Фелиция. Суровая складка между её бровей не исчезла, но уголки губ едва заметно приподнялись.

Когда настало время прощаться, Эльза проводила Дэррила до калитки. Они молча стояли друг напротив друга, пока ветер трепал их волосы.

— Ну, я пошёл, — наконец сказал Дэррил.

— Иди, — ответила она.

Он повернулся к карете и сделал несколько шагов, но вдруг резко развернулся, вернулся к Эльзе и притянул её к себе. Их губы встретились. Эльза без колебаний прижалась к нему всем телом. Её пальцы скользнули по его плечам, поднялись выше и зарылись в тёмные кудри на затылке. Дэррил тихо выдохнул ей в губы, и от этого короткого, почти надломленного звука у неё дрогнули колени.

— Томас смотрит, — прошептала Эльза, чуть отстранившись.

Дэррил обернулся. Мальчишка стоял на крыльце, разинув рот. Дэррил махнул ему рукой, и Томас, смутившись, поспешно скрылся в доме.

— Теперь твоя матушка точно будет обсуждать меня за ужином.

— Теперь? — Эльза посмотрела на него с тихой насмешкой. — Она обсуждает тебя со вчерашнего вечера.

— Надеюсь, благосклонно.

— Сначала настороженно. Потом Томас рассказал, что ты показал ему боевую стойку.

— И это улучшило моё положение?

— В глазах Томаса — до легендарного.

— А в глазах твоей матери?

— Она сказала, что человек, способный проявить терпение с мальчишкой, не может быть совсем пропащим.

— «Не совсем пропащий», — повторил Дэррил. — Высокая оценка.

— От моей мамы? Очень высокая.

Он тихо усмехнулся, но не отступил. Его пальцы всё ещё касались её руки, словно оба забыли, что прощание давно должно было закончиться.

— А ты? Тоже считаешь меня не совсем пропащим?

— Я ещё думаю.

— И сколько времени тебе понадобится? — Дэррил склонился ближе.

Эльза улыбнулась почти дерзко.

— Вернёмся в Академию — узнаешь.

Особняк Акияма стоял на северном склоне холма. Карета остановилась у ворот с фамильным гербом — ветви сакуры, обвившие меч остриём вниз. Память и защита. Напоминание о древнем роде воинов-менталистов, для которых честь всегда весила больше золота. Макото задержал взгляд на гербе, чувствуя, как изнутри поднимается привычная, старательно придушенная тоска. У порога близнецы сняли обувь. Даже месяцы в Академии не вытравили эту привычку. Домашние тапочки уже ждали, аккуратно поставленные слугами. Значит, знали, что они приедут. Ждали. Макото ступил на тёплое дерево, и знакомый скрип половиц болезненно царапнул под рёбра.

— Родители в восточной гостиной, — произнёс возникший в коридоре слуга. — Они ждут вас.

«Ждут, значит. Полгода не писали, не приезжали, молчали в ответ на письма, которые Рин отправляла каждую неделю. А теперь, чёрт возьми, ждут».

Они прошли мимо старых гравюр, каллиграфических свитков и ниш с сухими ветвями — знаками стойкости и памяти. Здесь каждая вещь говорила о долге и предках. О жизни, которую близнецы оставили позади, но от которой, как оказалось, так и не смогли уйти. Восточная гостиная встретила их теплом. Стены цвета индиго, низкий столик, тонкий фарфор с рунами, тускло мерцавшими в полумраке. Макото опустился на татами, поджав ноги. Когда-то эта поза была привычной, теперь — будто чужой. Рин села рядом, чуть позади.

Отец ждал у окна в кресле: больные ноги больше не позволяли ему долго сидеть на полу. Таташи постарел не лицом, а спиной. Некогда прямой, теперь заметно сгорбленный. Руками, прежде державшими меч, а сейчас неподвижно лежавшими на подлокотниках. Мать стояла у камина и перебирала фамильные чётки — чёрные, с серебряными бусинами. Пальцы дрожали.

— Прости нас сын, ты не виноват, — тихо сказала Мизуки, и голос подвёл её на последнем слове. — Ты никогда не был виноват.

Макото поднял голову. В её глазах — фиолетовых, как у всех женщин рода Акияма, — блестели слёзы, которым она не позволяла пролиться. Женщины их рода не плакали при детях. Они прятали боль и жили так, будто ничего не произошло.

— Тогда почему вы меня не защитили? Почему молчали, когда Совет обвинил меня в том, чего я не совершал? Почему не сказали, что руны — не преступление? Не позор? Что я не предатель?

— Мы боялись, — заговорил отец. — Боялись, что, если начнём спорить, обвинят всю семью. Заберут не только тебя, но и Рин. Что дом Акияма рухнет. Мы думали: если промолчим, если принесём жертву... ты вернёшься, когда всё утихнет.

— А если бы не утихло? Если бы я не поступил в Академию? Если бы меня сослали в Лапидию, как простого ремесленника? Если бы я сдох там, в каменной пустыне, где даже вода на вес золота? Вы бы хоть на могилу приехали?

Мать закрыла лицо руками. Чётки выскользнули из пальцев, прокатились по татами и замерли у ног Рин. Та не подняла их, лишь сухо продолжала смотрела на родителей. Макото слишком хорошо знал эту тишину. Спокойствием там и не пахло. Внутри полыхало всё, что месяцами не получалось похоронить.

— Макото, — прошептала мать. — Прости нас. Мы оказались слабыми. Ошиблись. Мы не заслуживаем твоего прощения, но...

— Но всё равно просите, — закончил он.

Макото закрыл глаза. Хотелось заорать, что-нибудь разбить, вылететь из дома, который так и не стал родным. Он стиснул зубы. Под рёбрами, там, где тонкими жилами пульсировала магия рун, шевельнулось знакомое тепло. Та самая сила, из-за которой его когда-то отдали чужим людям. И тогда Рин обняла его, Макото застыл. Её руки легли ему на плечи неуверенно, будто она ждала, что он оттолкнёт её, но через миг объятие стало крепче. Рин прижалась к брату без слёз и ненужных слов.

— Я не могу вас простить, — сказал Макото, открывая глаза. — Пока.

— Я знаю, — ответил отец. — Но мы будем ждать. Столько, сколько понадобится.

Поднявшись в свою комнату, Рин первым делом заметила занавешенный шкаф в углу. Тот самый, где в детстве пряталась от родителей. Она коснулась резной дверцы, и старое дерево отозвалось тихим, почти обиженным скрипом. На нижней полке обнаружилась покрытая пылью коробка из тёмного дерева. Рин не заглядывала в неё целую вечность, но сегодня почему-то решилась. Внутри лежали рисунки — пожелтевшие, с поблёкшими красками. Она перебирала их осторожно, боясь раскрошить прошлое пальцами. Вот сад, нарисованный углём: кривые деревья и громадное солнце, не уместившееся на листе. Вот Макото — совершенно на себя не похожий, с огромными глазами и тонкими руками. Рин помнила, как старалась, надеясь вытащить из него улыбку. Вот цветы, которые мать попросила нарисовать для чайной церемонии. Под стопкой листов лежал тот самый рисунок. Рин узнала его сразу. Вся семья: отец, мать, она и Макото. Себя Рин изобразила с огромными фиолетовыми глазами и длинной косой, а брата — с мечом больше него самого. Улыбались все. Даже отец, в жизни делавший это до смешного редко. Рин аккуратно сложила рисунки обратно, оставив самый важный сверху.

Она подошла к окну и прислонилась лбом к холодному стеклу. Снег за ним продолжал падать, укутывая ветви сакуры белым покрывалом. Где-то за стеной спал Макото. Магия не требовалась, чтобы понять, что ему снится, Рин и так знала. Они были близнецами и всегда чувствовали друг друга. Даже когда весь мир летел к чертям, у них оставались они.

Вечером следующего дня семья вновь собралась в гостиной. Мизуки отставила чашку. Её согретые фарфором пальцы легли на край стола, а в уголках губ мелькнула слабая улыбка.

— Ну что ж, Рин, — сказала Мизуки, поднимаясь. — Покажи, чему тебя научили в Академии. Не растеряла ли ты наш дар фиолетовых глаз.

— Не растеряла.

Макото откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Таташи не повернул головы, но его пальцы на подлокотнике дрогнули. Он тоже приготовился смотреть.

Рин вошла в круг, вырезанный на деревянном полу. Мизуки встала напротив, в трёх шагах. Несколько секунд мать и дочь молча мерили друг друга взглядами. Мизуки ударила первой. Она даже не шевельнулась, лишь её зрачки расширились, поглощая фиолетовую радужку. Пол под ногами Рин качнулся и стал водой. Стены потекли туманом, потолок исчез. Чужая воля скользнула между мыслями, нащупывая страхи и привычки. Мир моргнул. Рин оказалась в своей детской. Та же узкая кровать, потёртое одеяло, рисунки на стенах и кукла, сшитая матерью ко дню рождения. В комнате пахло бумагой и сушёной сакурой. Она посмотрела на руки. Маленькие, детские. На ней было платье, которое она носила в семь лет, с вышитыми по подолу ветвями. Рин стало страшно, потому что на миг она забыла, что это ложь. В коридоре слышались тяжёлые шаги. Семилетнее тело среагировало раньше разума: плечи сжались, дыхание сбилось, ладони вспотели.

«Нет».

Рин впилась ногтями в кожу, боли не было. Вот она — ошибка.

— Неплохо, мама, — прошептала Рин. — Но ты забыла дать мне тело.

Она рванула сознание назад. Комната треснула от пола до потолка и рассыпалась зеркальными осколками. Рин снова стояла в круге. Мизуки не сдвинулась с места, только уголок её рта чуть приподнялся.

— Нашла несостыковку.

— Ты сама учила меня проверять болью.

Второй удар пришёл без предупреждения. Рин услышала крик Макото и резко обернулась. Брат лежал у стены, прижимая ладонь к окровавленному боку. Над ним стоял Таташи с обнажённым мечом. Рин дёрнулась к брату и тут же остановилась. Макото смотрел на неё не

теми глазами. В иллюзии отсутствовала тонкая серебристая искра у зрачка, оставленная руной несколько лет назад.

— Дешёвый трюк.

Лицо брата расплылось. Из его рта хлынула тьма, метнулась к Рин и обвила горло. Давление стало настоящим. Мизуки закрепила образ на теле: воздух перестал входить в лёгкие, сердце сорвалось в бешеный ритм. Рин не стала рушить иллюзию, она ударила через неё. Телекинез подхватил Мизуки и швырнул вверх. Её тело замерло в ладони от потолка. Рин сжала пальцы, стягивая невидимые петли вокруг материнских запястий, рёбер и горла. И сразу поняла, что совершила ошибку. Мизуки не сопротивлялась. Она впустила давление в себя, провела по собственным ментальным каналам и вернула обратно. Боль взорвалась в черепе Рин белой вспышкой. Ноги подкосились, из носа на губу скользнула горячая кровь, телекинетическая хватка лопнула. Мизуки мягко приземлилась, будто её вовсе не поднимали.

— Сильнее, чем я ожидала, — произнесла она. — И грубее.

— Зато сработало, — Рин вытерла кровь тыльной стороной ладони.

— Нет. Ты открыла мне прямой путь в своё сознание.

Через секунду Рин забыла, зачем пришла сюда. Потом — где находится. Потом — как зовут брата. Пустота выедала память слой за слоем, и это было страшнее любой боли. Рин пошатнулась, вцепилась пальцами в виски. Где-то рядом сидел знакомый парень. Она знала, что он важен, но имя исчезло. Парень вдруг постучал ногтем по чашке: три коротких удара, два длинных. Их детский сигнал. Макото. Имя всплыло первым. За ним вернулось всё остальное.

Рин подняла взгляд.

— Поймала, — признала она. — Теперь моя очередь.

Она не стала давить силой. Не ломала защиту матери, не искала слабое место. Просто скользнула следом за её атакой — по связи, которую Мизуки сама оставила открытой. И шагнула в её разум. Сад встретил её тёплым ветром. Сквозь ветви сакуры лился солнечный свет, лепестки падали на траву, а вдаль смеялся маленький Макото. Мизуки сидела на скамье с чашкой в руках. Молодая, спокойная, ещё не научившаяся прятать каждое чувство. Рин могла разрушить воспоминание. Могла заставить цветы почернеть, а смех — оборваться. Но не стала.

«Ты помнишь?»

Мизуки вздрогнула. По небу прошла трещина. Сад дрогнул, и на миг за ним показались другие воспоминания: детская колыбель, разбитая чашка, двое близнецов под одним одеялом, Макото, которого уводят из дома. Мизуки попыталась захлопнуть разум, но Рин уже была внутри.

— Достаточно, — сказала мать вслух.

— Нет, — ответила Рин. — Ещё нет.

Она отпустила тело. Астральная форма вышла наружу рывком. Воздух над кругом задрожал, руны на фарфоре погасли. Макото выпрямился, даже Такаши повернул голову.

Перед Мизуки стояла не просто дочь, а её обнажённая воля: фиолетовая, пульсирующая, слишком яркая для человеческого взгляда. Астрал Рин потянулся к матери тонкими нитями. Мизуки подняла щит. Нити коснулись его и одна за другой прошли сквозь. Мизуки могла ударить, одной мыслью выжечь связь, отбросить дочь обратно в тело, оставить её без сознания на несколько дней. Но не сделала этого. Астральное прикосновение накрыло её теплом, в котором Мизуки почувствовала любовь дочери.

Рин вернулась в тело и едва не упала.

— Ты победила, — тихо сказала Мизуки.

— Я не хотела побеждать. Я хотела, чтобы ты увидела.

— Что?

— Что я всё ещё твоя дочь.

Мизуки села, и её обычно спокойные руки задрожали. Рин опустилась рядом и накрыла материнскую ладонь своей. Обе молчали. Макото отпил холодный чай. Тот был горьким, почти противным, но по телу почему-то разлилось тепло. Кажется, они снова становились семьёй.

В Лапидии, в маленькой мастерской на окраине Глиптории, Амалия сидела на табурете у печи и наблюдала, как отец раскатывает бронзу. Мать возилась на кухне, перебирая травы, которые передала Мила, и притворялась, будто не ждала дочь, хотя все три дня перед её приездом извела себя. За ужином Амалия рассказала родителям, что у неё наконец пробудилась магия рун. Ингрид крепко обняла дочь, а Эрик не смог скрыть гордой улыбки — они слишком долго ждали этого дня.

Амалия каждый день помогала отцу: чертила руны на пластинах, которые он продавал шахтёрам. Работа была простой, почти бездумной, но хорошо прочищала голову. Здесь, среди запаха металла и вещей, знакомых с детства, она могла не быть Сосудом, угрозой или той, кого боялись и пытались использовать. Она была просто дочерью.

Однажды вечером, когда печи уже остыли, а мать ушла разогреть ужин, Амалия закатала рукав. В мастерской всё ещё было слишком жарко, чтобы париться в свитере. И тогда отец увидел серебристо-золотые линии, тонкие и кривые, будто трещины на старом зеркале, которые тянулись от запястья к локтю, исчезали под тканью и снова проступали выше. Эрик замер, отложил молот и подошёл к дочери. Осторожно взял её за руку, провёл пальцем по одной из линий — та слабо вспыхнула, отзываясь на прикосновение.

Он уже видел эти знаки, только не мог вспомнить где. Эрик не понимал, откуда взялось это знание, но тревога уже сидела внутри. Он ничего не сказал Амалии. Не спросил, что означают линии, не потребовал объяснений. Амалия опустила рукав и пошла к столу, где мать уже разливала суп по тарелкам. Эрик остался у верстака, глядя на пустую стену и чувствуя, как внутри медленно разрастается холод.

Всю ночь он молчал. Лёг рядом с женой, но так и не уснул. Смотрел в потолок и перебирал в памяти обрывки видений, старые рисунки и разговоры заезжих торговцев, случайно услышанные когда-то на ярмарках.

Каникулы закончились в самый морозный период зимы, когда снег в Лапидии спрессовался до каменной твёрдости, а мороз кусал лицо уже на пороге. Амалия уехала на рассвете. Эрик Брандт ещё долго стоял у дома и смотрел на дорогу, проглотившую его дочь. Перед глазами упрямо всплывали серебристо-золотые линии на её руке.

Первые дни после её отъезда он работал как одержимый. Ковал пластину за пластиной, вычерчивал руну за руной, почти не поднимая головы. Металл покорно принимал удары, и этот звон хотя бы ненадолго заглушал мысли. На четвёртую ночь Эрик сидел на кухне перед кружкой давно остывшего чая и смотрел на огонь в печи. Ингрид ушла наверх несколько часов назад, оставив его наедине с тишиной, которая больше не успокаивала. И тогда он вспомнил о сундуке. Тот стоял на чердаке, обитый потускневшей бронзой, с тяжёлой крышкой, которую Эрик открывал всего однажды — много лет назад, после похорон матери. В сундуке хранились её книги.

Он поднялся на чердак. Ступени скрипели под ногами, пыль щекотала горло. Сундук обнаружился в углу под грудой старых половиков и рваной одежды, которую Ингрид годами собиралась выбросить, но всякий раз откладывала. Эрик отбросил тряпье и поддел крышку. Та открылась с протяжным, почти жалобным скрипом. Он не знал, что именно ищет. Однако рука сама легла на самую старую книгу — с облупившимся корешком, потемневшей обложкой и страницами цвета старой кости.

Эрик раскрыл её примерно посередине и принялся читать. Страницы были испещрены рисунками. Тонкие пересекающиеся линии, вытянутые знаки, узлы из древних символов — те

самые руны, что были на руке дочери. Здесь они были выведены чёрной тушью, заляпаны воском и окружены пометками на древнем наречии. Эрик листал книгу всё быстрее, почти рвал хрупкие страницы, и каждый новый рисунок подтверждал то, чего он ещё не успел осознать, но уже боялся. Наконец он нашёл описание. Язык был ему знаком. Почти забыт, затёрт годами, но знаком. Мать заставляла его учить это наречие в детстве, а он злился, сбегал в мастерскую и мечтал только об одном — ковать металл вместо того, чтобы забивать голову мёртвой магией. Теперь он был готов отдать что угодно, лишь бы прочитанное оказалось бессмысленной сказкой.

«Сии знаки именуются Печатями Покорности. Наносятся они на тело избранного в три этапа, и каждый из них привязывает волю носителя к воле начертавшего.

Первый этап — Пробуждение. Руны не причиняют боли и не вызывают подозрений. Носитель чувствует тепло и лёгкость, полагая, что заключённая в нём магия пробуждается сама. Второй этап — Связывание. Руны врастают в кожу, становятся частью тела и пульсируют в такт сердцу. Носитель привыкает к ним, перестаёт замечать и принимает за часть себя. Третий этап — Подчинение. В назначенный час, по воле начертавшего, носитель утрачивает способность сопротивляться. Он не может двигаться, не может говорить и кричать. Тело и разум переходят во власть того, кто нанёс руны. Отныне носитель — марионетка. Кукла. Вещь».

Эрик закрыл книгу так медленно, словно боялся, что от резкого движения написанное станет реальнее. Пальцы дрожали. Теперь он знал правду, но лучше бы не знал...

Руны на теле Амалии были не благословением, не знаком проснувшейся силы. Они сковывали её волю, обвивались вокруг неё невидимыми кандалами, которые она не замечала лишь потому, что ещё могла двигаться свободно. Пока могла. Холод скользнул вдоль позвоночника. Кто-то находившийся рядом с его дочерью методично превращал её в послушную вещь. Возможно, тот, кому она доверяла, кого подпускала близко.

Эрика затошнило от ярости. Как сказать ей? Как объяснить, что один из людей в Академии может оказаться опасен? Что нельзя верить теплу, исходящему от рун? Что даже собственное тело теперь способно её предать? Как предупредить дочь и при этом не напугать её до смерти?

Он спустился на кухню и сел за стол. Некоторое время просто смотрел на чистый лист, не решаясь оставить на нём слова, после которых жизнь Амалии уже не станет прежней. Потом обмакнул перо в чернила и написал всё. Рассказал о книге, древних записях и настоящем предназначении рун. О трёх этапах, о воле, которую можно отнять и о теле, способном превратиться в клетку. Просил быть осторожной, не позволять никому касаться знаков. Вспомнить, когда они появились и кто в тот момент находился рядом. А потом написал самое важное: что бы ни случилось, она не останется одна. Если понадобится, он пересечёт весь мир, вломится в Академию, перероет каждый архив, разнесёт каждую дверь и собственными руками выжжет эти проклятые знаки из её кожи. Потому что Амалия была его дочерью. Потому что жизнь, в которой её не будет, ему всё равно не нужна.

Запечатав конверт, он почувствовал короткое облегчение. Оставалось дожидаться ответа. И надеяться, что письмо доберётся до Амалии раньше, чем тот, кто нанёс руны, завершит третий этап.

Глава 17

Амалия выскочила из кареты, даже не взглянув на сумки, оставшиеся на сиденье. Ей нужно было увидеть *его*. Сердце колотилось в горле, мешая дышать. Она почти бежала по коридорам, не замечая ни прохожих, ни магических ламп, вспыхивавших вслед за её шагами. У лестницы на пятый этаж Амалия увидела Кассиана. Он сидел на подоконнике в пустом коридоре, неподвижный, словно часть зимнего сумрака за стеклом. За его спиной медленно падал снег, превращая мир снаружи в безмолвную белую пустыню. В холодном свете лицо Кассиана казалось резче и старше. Спутанные волосы падали на лоб, под глазами залегли почти чёрные тени. Он явно не спал уже несколько ночей, а может, все недели её отсутствия слились для него в один бесконечный день без рассвета и надежды. В руке он держал что-то маленькое и тёмное, блеснувшее холодным металлом.

Амалия замерла у лестницы. Ещё мгновение назад она спешила вверх, к Лориану, но теперь не могла сделать ни шага. Кассиан поднял голову. Их взгляды встретились, и нить между ними болезненно натянулась.

— Ты вернулась.

Он спрыгнул с подоконника и приблизился. От него невозможно было скрыть волнение, с которым она спешила сюда, имя, звучавшее в каждой её мысли и сердце, уже сделавшее свой выбор. Нить открывала ему всё.

— Я знаю, к кому ты идёшь. Чувствую это так же ясно, как если бы профессор был здесь.

— Кассиан... — Амалия опустила взгляд.

— Не надо. — он горько усмехнулся. — Ты не обязана объяснять мне то, что я и без слов чувствую через нить. Я знаю, кому принадлежит твоё сердце.

Амалия вздрогнула. Между ними пульсировало всё, что она не решалась произнести: её тоска по Лориану, надежда, предвкушение встречи. Кассиан ощущал это вместе с ней, и оттого его спокойствие казалось почти жестоким.

— Тогда зачем ты ждал меня?

— Чтобы отдать тебе это.

Он разжал пальцы. На его ладони лежал узкий клинок с тёмным лезвием, отливающим ледяной синевой. На гарде мерцала древняя руна.

— Возьми. — Кассиан протянул оружие рукоятью вперёд.

— Что это?

— Мой первый клинок. Я получил его, когда вступил в «Стальные клинки».

— Почему ты отдаёшь его мне?

— Потому что я не всегда смогу быть рядом, а он сможет.

Внутри Амалии всё болезненно сжалось.

— Я не могу его принять.

— Можешь. — Кассиан вложил клинок ей в ладонь и накрыл её пальцы своими. — Твоё сердце выбрало не меня, но это не значит, что я позволю тебе остаться без защиты.

Она подняла на него глаза.

— Кассиан, я...

— Иди, — оборвал он её. — Я чувствую, как сильно ты хочешь его увидеть.

Он отпустил её руку и отступил. Амалия сжала рукоять клинка. Хотелось сказать хоть что-нибудь, способное облегчить его боль, но между ними не осталось слов, которых нить ещё не открыла бы ему. Кассиан отвернулся первым. Амалия смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом. Затем перевела взгляд на тёмный клинок и коснулась пальцем древней руны. После этого начала подниматься. Медленно, хотя ещё недавно готова была бежать к Лориану через весь замок. Теперь каждый шаг давался тяжело: в ладони лежал клинок Кассиана, а вместе с ним — безмолвное признание, на которое она никогда не сможет ответить.

Что она скажет Лориану? «Я вернулась» — слишком просто для месяца, растянувшегося в вечность. «Я скучала» — слишком бледно для тоски, которая выла в груди бессонными ночами.

Амалия рывком распахнула дверь кабинета, Лориан тут же поднялся.

— Амалия...

Она бросилась к нему, и профессор поймал её. Его руки сомкнулись на её талии крепко, почти болезненно, словно он боялся ослабить хватку и снова её потерять. Амалия уткнулась лицом в его плечо, вдохнула родной запах и едва не расплакалась. Сердце Лориана билось часто и неровно, отвечая её собственному.

Она подняла голову.

— Я скучала, мой профессор.

Лориан медленно выдохнул.

— Я тоже, моё наваждение. Больше, чем имел право.

Он коснулся её бедра, и по телу Амалии пробежала дрожь.

— Я боялся, что ты не вернёшься, — признался он. — Что Свет предложит тебе больше, чем способен дать я. Что ты увидишь мир за пределами Академии и поймёшь: моя башня — клетка.

— Это не клетка.

— Нет?

Амалия покачала головой и прижалась щекой к его ладони.

— Это дом. Где ты — там мне не нужно притворяться сильнее, чем я есть. Где ты — там я возвращаюсь к себе.

— Амалия...

Их губы встретились. Лориан притянул её ближе, и поцелуй стал глубже, отчаяннее. У Амалии подкосились колени, но он удержал её. Всё остальное исчезло. Солардис. Пророчество. Запретная книга и страшное слово «Сосуд». Остались только его губы, дыхание и дрожащие пальцы на её спине.

Лориан единственный, кому я могу доверить тайну. Он поймёт ужас, скрытый между строк, но не сейчас... Сегодня я не Сосуд, не часть пророчества. Сегодня я просто Амалия, вернувшаяся к любимому.

Лориан подхватил Амалию на руки. Она тихо ахнула, обвивая его ногами, не прерывая поцелуя. Он отступил к письменному столу. С глухим стуком упала книга, следом покатилося перо, задрожало пламя свечи. Ни один из них этого не заметил. Его губы скользнули к её щеке, ниже — к линии подбородка. Амалия запрокинула голову, запуская пальцы в его волосы.

— Лориан...

Монтгомери прижал её крепче.

— Ты не представляешь, что делаешь со мной.

— Представляю, — лукаво улыбнулась она.

В его глазах вспыхнул огонь. На этот раз он не позволил ей сказать больше ни слова.

К вечеру в Академию вернулись подруги, и они проговорили несколько часов подряд, перебивая друг друга, смеясь и согревая ладони о кружки с бабушкиным чаем. Всё стало как раньше.

Оставив подруг допивать третью кружку, Амалия вышла в коридор — подышать и унять странную тревогу, поселившуюся в груди после возвращения. Эта зараза не исчезала даже в самые спокойные минуты. Она шла куда глаза глядят, сворачивая из одной галереи в другую, пока не заметила, что стены вокруг стали темнее. Ноги сами привели её в крыло факультета Тьмы. Коридоры здесь пустовали: каникулы ещё не закончились, и большинство студентов в не успели вернуться в Академию, наслаждаясь последними днями свободы в своих не менее мрачных домах.

Тишина обступила Амалию со всех сторон. В ней слишком отчётливо звучали её дыхание и шорох шагов.

Какого чёрта она вообще сюда пришла?

Первым Брандт уловила запах. Едва заметный, он терялся среди сырости, холодного камня и тяжёлого духа старых стен, пропитанных чужой болью и годами сдерживаемой ярости. Амалия почти прошла мимо, но Тьма под кожей дёрнулась. Чёрный узор на запястье налился жаром и запульсировал. Амалия замерла.

Кровь. Свежая. Она не успела впитаться в камень и потерять металлическую горечь, которую Амалия научилась различать после арены. После того дня, когда Тьма впервые проснулась в ней — и захотела большего.

Только не это.

Амалия побежала на запах, не думая, куда он её ведёт. Галереи сливались в одну серо-чёрную полосу, факелы метались по стенам уродливыми тенями. Коридор словно сужался за её спиной, подталкивал вперёд, к тому, чего она уже не хотела видеть. Но остановиться не могла. В конце коридора обнаружилась приоткрытая дверь. Из щели сочился тусклый, неровный свет. Теперь запах крови не просто чувствовался — он забивал горло. Амалию затошнило. Колени ослабли, тело внезапно стало тяжёлым и непослушным.

Уходи!

Она положила ладонь на дверь.

Разворачивайся, дура. Сейчас же!

Пальцы толкнули потрескавшееся дерево.

На каменном полу лежал студент факультета Света. Тот самый парень из компании Ланса, который не так давно смеялся над ней в столовой. Теперь ему явно было не до смеха. Остекленевшие глаза смотрели в потолок. Рот застыл открытым, будто последний крик так и не сумел вырваться наружу. Под телом растекалась кровь. Горло было перерезано одним точным движением.

Амалия попыталась вдохнуть и не смогла. Воздух остановился где-то в груди, зацепившись за рёбра. Нужно было закричать, позвать кого-нибудь, убежать, в конце концов. Взгляд упал на стену. Углём, грубо и торопливо был выведен перевёрнутый месяц. Его пересекали кривые тёмные линии, складываясь в искажённую, но узнаваемую эмблему факультета Тьмы. Рядом с мёртвым студентом, прямо в крови, лежал чёрный боевой кинжал. Багровая нить на рукояти потемнела от влаги. Такие носили многие студенты Тьмы.

— Нет, — выдохнула Амалия. — Нет... Это слишком...

Она попятилась, пока спина не ударилась о стену. Холод камня прошёл её насквозь, но не смог вытеснить мысли, которые лезли одна за другой.

Студента Света убили в крыле Тьмы. Их кинжалом. Под их знаком.

Вызов? Предупреждение? Объявление войны?

Амалия медленно сползла по стене. Пол казался вязким, будто кровь уже добралась до неё и теперь держала за ноги.

Какого чёрта здесь произошло? Неужели кто-то из студентов мог хладнокровно перерезать человеку горло? Не в драке, не защищаясь, а вот так спокойно, заранее зная, где оставить тело.

Амалия вышла из крыла Тьмы еле передвигая ноги. Дверь захлопнулась за спиной с глухим стуком, и только тогда она смогла выдохнуть.

Надо рассказать.

Но следом в голове прозвучали чужие голоса:

Что вы делали ночью в крыле Тьмы, мисс Брандт?

Почему оказались там первой?

Почему никого не позвали?

И почему Тьма внутри вас откликнулась на кровь?

Амалия открыла глаза. Ей не поверят или поверят не в то. Она была Сосудом, носила в себе чужую силу и была связана нитью с тёмным магом. Для испуганных людей этого хватит, чтобы увидеть в ней не свидетельницу, а подозреваемую.

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Амалия вернулась в комнату. Мила и Эльза уже спали, утомлённые дорогой. Амалия легла поверх покрывала, не раздеваясь и даже не сняв обувь, и уставилась в потолок. Сон не приходил. В груди билось липкое предчувствие и один вопрос, который Амалия ненавидела за сам факт его появления:

А если они действительно способны на такое?

В другом крыле Академии Хардин в третий раз перебирал лежащие на столе бумаги, не читая ни строчки. Высокий пятикурсник держался прямо даже сейчас, будто гордая осанка могла скрыть напряжение, засевшее в плечах. У двери переминался Лиам — третьекурсник, принёсший письмо. Он то и дело запускал пальцы в волосы, но дрожь всё равно возвращалась.

Письмо лежало между ними. Всего одна фраза:

«Они убили вашего, он в крыле Тьмы. Посмотрите сами».

— Ты проверил? — спросил Хардин.

Лиам отрицательно качнул головой.

— Я не пошёл один.

— Боишься Тьмы? В Академии её нет. Только студенты в чёрных мантиях, которым слишком нравится строить из себя проклятых.

— Я боюсь не их, — тихо ответил Лиам. Его пальцы снова дрогнули. — Я боюсь того, что мы там увидим.

Хардин посмотрел на письмо, затем поднялся.

— Тогда идём и узнаем правду.

Академия, построенная как символ единства Шести Путей, готовилась захлебнуться взаимными обвинениями. Старое соперничество уже слишком долго ждало искры. Убитый студент Света был лишь инструментом. Конфликт между факультетами — дымом, за которым никто не заметит настоящей охоты. К утру страх заговорит голосами студентов, он превратится в ярость, а ярость потребует виновных. Пока факультеты будут рвать друг другу глотки, Орден продолжит подготовку ритуала.

Крик раскроил Академию задолго до рассвета. Высокий, сорванный, он протащил по коридорам чужую боль и заставил стены дрогнуть. Амалия вскочила с кровати, не сразу поняв, где находится.

Нашли.

— Да чтоб вас... — простонала Мила, натягивая одеяло на голову. — Кто опять решил подрасть до завтрака?

Эльза уже стояла у двери. Бледная, напряжённая, она накинула мантию прямо поверх ночной рубашки.

— Что это? — сонно спросила Мила, не открывая глаз.

— Не знаю, — соврала Амалия.

Она рванула в коридор. Тот уже захлёбывался людьми. Сонные, растрёпанные студенты сбивались в группы, запахивали на ходу мантии, перебрасывались обрывками вопросов. Коридор взорвался яростным криком. Хардин стоял посреди толпы, бледный, с перекошенным от гнева лицом. Вокруг него собирались светлые с одинаково сжатыми кулаками и одинаковым голодом во взглядах.

— Это они! — рявкнул Хардин, и шёпот оборвался. — Чёрные мрази! Вы убили его! Мы знаем правду! И от возмездия вы не скроетесь!

У Амалии похолодели ладони.

Вот дерьмо, началось.

Напротив магов Света, прижавшись к стене, стояли студенты Тьмы. Их было меньше, намного меньше. Те, кто вернулся в Академию пораньше, кто не захотел оставаться дома, в своих мрачных, вечно полутёмных особняках. Они не пытались защищаться — молчали, опустив головы, пряча лица в тени капюшонов. Некоторые нервно теребили края мантий, другие переглядывались, словно ища поддержки. Только один не склонил головы. Высокий, широкоплечий, с седой прядью в чёрных волосах, он смотрел прямо на белые мантии. Его поза была прямой и вызывающей, плечи расправлены, подбородок поднят. В глазах горела такая ненависть, что Амалии стало страшно — это была не просто злость, а глубокая, многолетняя вражда, копившаяся годами. Взгляд его скользил по лицам студентов Света, будто выбирая жертву, оценивая силу противника.

— Это вы! — выкрикнул кто-то из Света, и голос сорвался на фальцет, выдавая истерику. — Вы, чёрные твари! Вы убили Линкольна! В своём крыле! Своим кинжалом! Оставили свой знак, как будто гордитесь!

— Мы не убивали, — ответил кто-то из Тьмы. Тихо, почти спокойно, но Амалия отчётливо услышала, как дрожит его голос, выдавая страх и отчаяние. — Мы ничего не знаем. Мы приехали сегодня утром.

— Врёшь! — взвизгнула незнакомая девушка, её лицо исказилось от ярости. — Врёшь, тварь! Мы знаем, что это вы! Кто ещё? Кто ещё мог это сделать?

— Свет, — прошипел кто-то из Тьмы. — Вы сами, вы всегда так делаете. Убиваете своих и сваливаете на нас, чтобы была причина нас ненавидеть и травить.

Эти слова повисли в воздухе, как нож, занесённый для удара. Кто-то из Света шагнул вперёд, в руке уже загоралось заклинание. Студент Тьмы, тот, что стоял ближе всех, с седой прядью волос, не отступил. Его пальцы сжались в кулак, и между ними за клубилась чёрная дымка, не густая и живая, что была у Кассиана, а серая, почти прозрачная, словно сотканная из пепла и тени. Но от этого она не становилась менее опасной.

— Не надо, — прошептала Амалия, но её голос утонул в нарастающем гомоне. — Не надо, прошу вас...

Золотой луч ударил первым. Навстречу рванула чёрная дымка — они столкнулись с таким треском, что заложило уши, и разлетелись снопом жгучих искр. Те впились в лица стоявших рядом. Кто-то вскрикнул, кто-то шарахнулся, закрывая глаза, а кто-то шагнул вперёд, уже сжимая кулаки. В следующую секунду коридор сорвало с цепи. Заклинания летели отовсюду. Сплетались, сталкивались, лопались ослепительными вспышками. Пахло гарью и палёной тканью. Студенты кричали, матерились, стонали. Над толпой раскрылся сине-белый щит и содрогнулся под тремя ударами сразу. Девушка в белой мантии выдернула перепуганного первокурсника из-под заклинания и закрыла собой. Остальные бежали — вверх, вниз, куда угодно, поскользываясь на плитах, спотыкаясь о сброшенные мантии, задыхаясь от дыма и ужаса.

Свет и Тьма смешались в одно месиво, но продолжали рвать друг друга: из ярости, отчаяния или просто потому, что остановиться первым было страшнее, чем ударить. Крики, звон стекла и треск разрядов слились в гул, который ввинчивался прямо в череп. Амалия застыла. Перед глазами метались вспышки, силуэты, перекошенные лица. Всё выглядело ненастоящим, будто она провалилась в чужой кошмар, а проснуться, чёрт возьми, забыли разрешить. Она попятилась, вжалась в стену и закрыла голову руками. Магия проносилась совсем рядом, обдавая кожу жаром.

Амалия судорожно искала знакомые лица. Увидела первокурсников, с которыми сидела на лекциях: они сбились в комок у стены, белые от страха. Парни из «Стальных клинков», ещё недавно учившие их сражаться, теперь дрались по-настоящему. Ни ухмылок, ни самоуверенности — только злость, от которой лица стали чужими. И тогда в толпе мелькнул Кассиан. Он стоял в самом пекле. Чёрная мантия была разорвана на плече, из глубокой раны текла кровь,

капля за каплей разбиваясь о камень. Он будто не чувствовал боли. Двигался резко, безошибочно, отражая удары, не нападая. Амалия замерла, не веря собственным глазам. Потом втянула обжигающий воздух, стиснула кулаки и шагнула в центр коридора — туда, где магия бурлила и плевалась смертоносными разрядами. Где заклинание могло войти в спину в любую секунду. Где её почти наверняка убьют.

— Остановитесь! — закричала она.

И на этот раз мир дёрнулся, Тьма внутри неё открыла глаза. Узор на запястье вспыхнул холодным светом. Чёрные линии ожили, потекли вверх по коже тонкими ручейками. Из груди вырвалась голодная сила, не спрашивающая разрешения. Волна ударила во все стороны. Светлых и тёмных раскидало по коридору. Тела врезались в стены. Золотые и чёрные искры погасли разом, будто их задушила невидимая ладонь. Коридор замолчал. Остались только стоны, сдавленные всхлипы и тяжёлое дыхание Амалии. Она стояла посреди разгрома, дрожа всем телом. Тьма внутри медленно успокаивалась, сворачивалась под рёбрами, снова засыпала — довольная, мать её. Руки не слушались, грудь ходила ходуном, а в ушах ещё гремело эхо выпущенной силы.

Амалия огляделась. Теперь невозможно было понять, где свои, а где чужие. Все одинаково лежали на камнях и истекали кровью. Одинаково боялись её.

Кто-то зашевелился и, шипя от боли, поднялся, цепляясь за стену. Стефан. Белая мантия перепачкана грязью и кровью, волосы спутаны.

— Ты, — выдохнул он. В одном слове уместились и страх, и ненависть. — Ты всегда там, где начинается хаос.

Брат отвернулся и, не оглядываясь, пошёл прочь. Студенты Света потянулись за ним, помогая раненым подняться, поддерживая тех, кто едва держался на ногах. Студенты Тьмы тоже уходили — молча, не поднимая голов, пряча лица в капюшонах, чтобы никто не увидел их слёз, страха и ярости. Ктото спотыкался, ктото тихо шипел от боли, но никто не просил помощи.

В полдень магические кристаллы, вмурованные в стены каждого коридора и каждой комнаты Академии, вспыхнули алым — цветом экстренного сбора. Студенты, ещё не оправившиеся после утренней стычки, потянулись в Большой зал. Факультет Света шёл сплочённой молчаливой колонной. Белые мантии касались друг друга, плечи почти смыкались, лица были обращены вперёд. Они держались так, словно пришли не на собрание, а выстроились перед битвой. Студенты факультета Тьмы, напротив, шли порознь. Чёрные капюшоны низко закрывали лица; никто не искал чужого взгляда и не пытался держаться рядом с товарищами. Они скользили вдоль стен, сливаясь с тенями, но именно это невольно притягивало к ним внимание. Серые, синие, зелёные и пурпурные мантии остальных факультетов смешались в беспокойном потоке. Студенты сбивались в небольшие группы, перешёптывались, оглядывались через плечо. Никто не понимал, чего ждать от дня, который ещё не перевалил за середину, но уже успел стать самым страшным за всё время их учёбы.

Амалия стояла в задних рядах среди серых мантий факультета Рун. Эльза не отходила от неё ни на шаг. Её лицо оставалось спокойным, почти бесстрастным, однако пальцы едва заметно дрожали. Она крепко сжимала ладонь Амалии, словно без слов напоминая: что бы ни произошло, они встретят это вместе. Дэррил и Макото расположились чуть впереди, плечом к плечу. Ни один из них не оборачивался, но оба держались настороженно, готовые в любой миг заслонить собой тех, кто стоял у них за спиной.

Тишина устанавливалась медленно. Шёпот распался на отдельные слова, слова сменились тяжёлыми вздохами. Где-то в передних рядах кто-то всхлипнул. Шорох мантий, скрип сапог по камню — и всё замерло, когда ректор поднялся на трибуну. Он медленно положил ладони на края кафедры и обвёл взглядом Большой зал.

В голосе ректора не осталось привычной торжественности, с которой он открывал учебный год и произносил речи на посвящениях. Теперь в нём звучала лишь усталость. Казалось, на его плечах лежала не только судьба Академии, но и память обо всех распрях, которые когда-либо начинались в этих стенах, обо всех ошибках, за которые приходилось расплачиваться чужими жизнями. Каждое слово он произносил медленно, словно сначала взвешивал его и лишь затем позволял ему прозвучать:

— Сегодня мы столкнулись с трагедией, которая угрожает расколоть нашу Академию. Студент факультета Света, Линкольн, был найден мёртвым.

По залу прокатился тяжёлый вздох. Хотя слухи уже успели разнестись по башням, сказанное вслух имя сделало случившееся окончательным.

Ректор не отвёл взгляда.

— Расследование начнётся немедленно. До его завершения любые перемещения между башнями запрещены. После отбоя все студенты обязаны находиться в своих общежитиях. Магические дуэли вне учебных залов запрещены под страхом исключения.

По залу пробежал ропот, но ректор поднял руку, не позволяя ему перерасти в крики.

— Следы магии не лгут, — произнёс ректор, всматриваясь в лица студентов. — Кристаллы памяти сохраняют каждое заклинание, каждую тень, прошедшую по тому коридору этой ночью. Мы узнаем, кто поднял руку на нашего студента, выясним, кто начертил на стене знак факультета Тьмы и кому принадлежит кинжал, оставленный в крови Линкольна.

Амалия почувствовала, как Эльза сильнее сжала её пальцы.

— Правда восторжествует. Неважно, сколько времени это займёт. Ищейки начнут работу сегодня, но расследование потребует времени. Поэтому занятия в Академии приостанавливаются. Вы освобождены от них на неделю.

На несколько ударов сердца в зале воцарилась абсолютная тишина, а потом он взорвался. Крики ударились о своды и многократно отразились от стен. Кто-то требовал немедленно найти убийцу. Кто-то кричал, что преступник продолжает свободно бродить по Академии, пока остальных запирают в общежитиях. В рядах Света вскидывались сжатые кулаки; голоса срывались от ярости и горя. Другие, напротив, облегчённо выдыхали. Неделя без занятий означала передышку. Дни, в течение которых можно не сидеть за одной партой с теми, кого подозреваешь в убийстве. Семь дней, на которые Академия застынет между правдой и ложью, надеждой и отчаянием. Коридоры опустеют; привычный смех сменится редкими шагами дежурных, а за каждой запертой дверью поселится один и тот же страх. Кто станет следующей жертвой? Кого обвинят? И кто на самом деле стоял за убийством Линкольна?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.